

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 2 (38) | 2025

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2 (38)

Киров
2025

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 2 (38)

Kirov
2025

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);
V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);
M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific
results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Попов Дмитрий Иванович.</i> Библиотечная инициатива Императорского Вольного экономического общества и ее реализация в 1830-е гг.	9
<i>Зверев Вадим Олегович.</i> Меры контрразведывательного реагирования в годы Первой мировой войны	21
<i>Кищенко Михаил Сергеевич.</i> Национальный вопрос и национально-государственное устройство России в идеологии ЛДПР в первой половине 1990-х гг.	30
<i>Кузнецов Денис Евгеньевич.</i> Состояние и деятельность судебных органов Сибири в конце 1930-х гг. (по материалам Новосибирской области).....	37
<i>Орлов Максим Александрович.</i> Посещения Иоанном Кронштадтским Вятской губернии в свете новых архивных источников	46
<i>Вохмина Виктория Леонидовна.</i> Дискуссия в «Литературной газете» о проблемах советской семьи в конце 1960-х – начале 1970-х гг.	55

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Абакумов Аркадий Алексеевич.</i> «Артхашастра», диадохи и слоны: об индийском влиянии на военное дело эпохи эллинизма	66
<i>Дряхлов Владимир Николаевич.</i> К вопросу о времени завершения Аммианом Марцеллином своего сочинения	72

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Гилевич Никита Дмитриевич.</i> Тернистый путь в академики Л. В. Черепнина	78
<i>Катаев Денис Сергеевич.</i> Образы российского самодержавия в мемуаристике 1950–1960-х гг.: осмысление в советской и постсоветской историографии	87

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Сафуанов Фанис Фларисович, Камалеев Эльвир Винерович, Проценко Антон Сергеевич.</i> Комплекс находок Нового времени городища Уфа-II	96
<i>Красноперов Александр Анатольевич.</i> Специфические особенности маленьких поясных накладок в мазунинской и кара-абызской культурах	107

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Воротникова Анна Эдуардовна.</i> Глюттотонический код в романе Г. Грасса «Жестяной барабан»	115
<i>Бондарчук Елена Михайловна.</i> Категория памяти в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	124

<i>Щекочихина Елена Вячеславовна. Особенности имагологической репрезентации в драматургии Ханны Каули (на примере комедии «Уловка красавицы» и драмы «День в Турции, или Русские рабы»)</i>	131
---	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Осипова Нина Осиповна, Голенок Марина Петровна. Улица как топос революции в культурном контексте и художественной рефлексии русской поэмы первой трети XX в.</i>	139
---	-----

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Popov Dmitry Ivanovich. The library initiative of the Imperial Free Economic Society and its implementation in the 1830s</i>	9
<i>Zverev Vadim Olegovich. Counterintelligence response measures during the First World War.....</i>	21
<i>Kishchenkov Mikhail Sergeevich. The national question and the national-state structure of Russia in the ideology of the LDPR in the first half of the 1990s</i>	30
<i>Kuznetsov Denis Evgenievich. The state and activities of the judicial bodies of Siberia in the late 1930s (based on the materials of the Novosibirsk region)</i>	37
<i>Orlov Maxim Alexandrovich. John of Kronstadt's visits to Vyatka province in the light of new archival sources</i>	46
<i>Vokhmina Victoria Leonidovna. The discussion in "Literaturnaya Gazeta" about the problems of the Soviet family in the late 1960s – early 1970s</i>	55

GENERAL HISTORY

<i>Abakumov Arkady Alexeyevich. Arthaśāstra, Diadochi and Elephants: On Ancient Indian Influence on Hellenistic Warfare</i>	66
<i>Dryakhlov Vladimir Nikolaevich. On the question of the time when Ammianus Marcellinus completed his work.....</i>	72

HISTORIOGRAPHY

<i>Gilevich Nikita Dmitrievich. The thorny path to becoming an academician by L. V. Cherepnin</i>	78
<i>Kataev Denis Sergeevich. Images of Russian monarchy in the memoirs of 1950–1960s: comprehension in Soviet and Post-soviet historiography</i>	87

ARCHEOLOGY

<i>Safuanov Fanis Flarisovich, Kamaleev Elvir Vinerovich, Protsenko Anton Sergeevich. Complex of findings from the modern period from the settlement of Ufa-II.....</i>	96
<i>Krasnoperov Aleksandr Anatol'evich. Specific features of small belt overlays in the Mazunino and Kara-Abyz archaeological cultures</i>	107

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Vorotnikova Anna Eduardovna. The glutton code in the novel by G. Grass "The Tin Drum"</i>	115
<i>Bondarchuk Yelena Mikhailovna. The category of memory in the novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"</i>	124

<i>Shchekochikhina Yelena Vyacheslavovna. Specific features of imagological representation in Hannah Cowley's dramatic works: "The Belle's Stratagem" and "A Day in Turkey; or, the Russian Slaves"</i>	131
---	-----

CULTURAL STUDY

<i>Osipova Nina Osipovna, Golenok Marina Petrovna. Main Street as a revolutionary space in the cultural context and artistic reflection of the Russian poem in the First third of the XXth century</i>	139
--	-----

Библиотечная инициатива Императорского Вольного экономического общества и ее реализация в 1830-е гг.

Попов Дмитрий Иванович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, социологии и политологии, Омский государственный университет им Ф. М. Достоевского. Россия, г. Омск.

ORCID: 0000-0003-3091-3524. RSCI: 192070. E-mail: 55popov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыто содержание библиотечного проекта Императорского Вольного экономического общества и показана его реализация в России в 1830-е гг. Новую научную оценку получил характер отношений государства и общества в николаевской России, где государственная власть проявила заинтересованность в привлечении образованных слоев населения к решению задач культурного развития страны. Инициатива первого в России общественного формирования, предусматривавшая создание в губернских городах империи публичных библиотек путем поощрения самоорганизации «снизу» была не просто одобрена правительством, но и стала основой государственной библиотечной политики в рассматриваемый период.

Сделан вывод о том, что в ходе реализации библиотечного проекта сотрудничество правительства с коронной администрацией в губерниях и образованным городским населением не достигло уровня постоянного диалога, оставаясь спорадическим и поверхностным. Власть опиралась преимущественно на дворянство и чиновничество, разночинная интеллигенция к реализации библиотечного проекта допущена не была. Такая «элитарность» негативно отразилась на судьбе библиотек, привилегированные слои городского общества оказались не готовы принять на себя бремя ответственности за их судьбу. Из 39 открытых в 1830-е гг. публичных библиотек к концу 1840-х гг. относительно стабильно функционировали только 12.

Результаты исследования могут быть использованы в научных исследованиях по истории России, в образовательном процессе, при подготовке учебных пособий и т. д.

Ключевые слова: Императорское Вольное экономическое общество, Министерство внутренних дел, губернатор, общественность, публичные библиотеки.

Введение. Трактовка историком А. А. Кизеветтером «железного» курса правительства Николая I, «бесповоротно сковавшего все проявления общественной самодеятельности» [11, с. 330], долгое время являлась лейтмотивом исследований, посвященных внутренней политике России 1830–1850-х гг. Отношения между государством и обществом в советской, а затем и в российской исторической науке, как правило, определялись терминами «отчуждение» или даже «пропасть» [25].

В настоящее время формируются новые подходы к осмыслению правления императора Николая I. Исследователи обратились ко всему многообразию общественной жизни в николаевской России, где складывался пусть и не всегда успешный опыт сотрудничества между властной элитой и общественностью в решении актуальных проблем развития страны. Историки проявили интерес к изучению различных форм социальной самоорганизации, в том числе в сфере образования и культуры [8].

Одним из примеров формирования в России опыта партнерских отношений между правительством, коронной администрацией в губерниях и образованным городским населением стала реализация библиотечного проекта Императорского Вольного экономического общества (далее – ИВЭО). В 1830-х гг. по инициативе первого в нашей стране общественного формирования были открыты ориентированные на читательские потребности широкой публики библиотеки. Их появление стало результатом признания на государственном уровне

важности культурного развития населения страны, необходимости создания в регионах просветительных учреждений путем поощрения самоорганизации «снизу».

Теоретико-методологическая основа исследования. Объектом исследования является общественно-государственное партнерство в процессе создания публичных библиотек в губернских центрах России в XIX в. Цель статьи – раскрыть содержание библиотечного проекта Императорского Вольного экономического общества и показать его реализацию в России в 1830-е гг.

Методологической основой работы является принцип историзма, требующий рассмотрения объекта исследования с позиций анализа конкретно-исторических условий, в которых происходило его становление и развитие. Обращение к принципу историзма позволило установить причинно-следственные связи между процессами, происходившими в общественно-политической и культурной жизни России в первой половине XIX в., и реализацией библиотечной инициативы общественности, выяснить специфику просветительных организаций, созданных в российской провинции. Работа также основана на принципе системности, что позволило автору раскрыть содержание партнерских отношений власти и общественности в их взаимосвязи и взаимозависимости, показать противоречивый характер такого партнерства. Эти принципы обусловили обращение к частным методам исследования, включая историко-генетический, историко-сравнительный и проблемно-хронологический.

Обращаясь к историографии проблемы, отметим, что отечественными исследователями сделаны только первые шаги по изучению истории публичных библиотек в России во второй четверти XIX в. Ценными научными публикациями, специально посвященными провинциальным публичным библиотекам в николаевской России, являются статьи П. Столпянского и А. Громовой [7; 30]. В частности, дореволюционный историк и библиограф П. Столпянский в своей работе раскрывает глубокие противоречия между «освященной Высочайшей санкцией ... просвещенной заботливостью высших административных чинов» и нежеланием губернских властей принимать на себя какие-либо обязанности в сфере культурной политики, традиционно остававшейся за пределами их внимания. Какой-либо позитивной роли провинциальной общественности в создании публичных библиотек автор статьи не находит [30]. Советский библиотековед А. Громова, обобщив значительный объем фактического материала, составила список действовавших в губернских городах России публичных библиотек, дала краткую характеристику их исторического пути. В то же время в ее работе библиотеки предстают исключительно детищем правительственных сановников, стремившихся с помощью этих учреждений культуры создать благоприятные условия для развития фабрично-заводской промышленности в Российской империи [7, с. 75]. Немалый интерес представляют публикации, в которых освещается история создания и деятельность отдельных публичных библиотек в губернских центрах России. Они содержат богатый фактический материал, свидетельства непосредственных участников тех событий, а также раскрывают наиболее злободневные проблемы работы библиотек: тяжелое финансовое положение, равнодушие значительной части горожан к нуждам этих учреждений культуры [2; 3; 6; 18; 20].

К настоящему времени уже накоплен немалый конкретно-фактический материал, позволивший исследователям изучить отдельные аспекты библиотечного строительства в России в 1830-е гг. В то же время в имеющихся научных работах по-прежнему недостаточно раскрыто содержание библиотечного проекта Императорского Вольного экономического общества, весьма противоречивы исследовательские оценки исторических условий и пути его реализации. Сведения о взаимодействии власти и провинциального общества носят фрагментированный и иллюстративный характер, что не позволяет оценить степень гражданской активности на местах.

Источниковую основу исследования составили нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере просветительства [14; 35; 36], документы центральных административно-управленческих органов власти [16; 17], переписка главы полицейского ведомства с представителями общественности (издателями, литераторами и т. п.) [21; 22; 23]. Эти материалы позволили выявить особенности культурной политики государства, охарактеризовать деятельность руководства Министерства внутренних дел и администрации губерний по реализации библиотечной инициативы крупнейшей общественной организации в России, а также определить характер отношений чиновников, дворянства и местной интеллигенции по поводу учреждения городских публичных библиотек.

Комплекс информации об изучаемых социально-культурных институтах, их влиянии на жизнь российского общества также сосредоточен на страницах дореволюционной периодиче-

ской печати. Автор обратился к материалам «Журнала Министерства внутренних дел» [15], «Журнала Министерства народного просвещения» [28], журналов «Книжный вестник» [29], «Северный вестник» [32], а также газет «Московские ведомости» [27] и «Северная пчела» [19].

Незаменимым источником стали воспоминания бывшего министра народного просвещения А. В. Головина, не только хорошо знакомого с состоянием библиотечного дела в стране, но и по долгу службы определявшего содержание политики государства в данной сфере [5].

Библиотечный проект Императорского Вольного экономического общества. В начале 1830 г. общее собрание ИВЭО поручило своему председателю графу Н. С. Мордвинову представить министру внутренних дел А. А. Закревскому проект открытия в губернских центрах России публичных библиотек. Автором и вдохновителем проекта являлся сам Н. С. Мордвинов – видный государственный и общественный деятель, неоднократно обращавший внимание властных кругов на отсутствие в российской провинции доступных широкой публике библиотек [4, с. 135]. В письме, направленном в апреле 1830 г. министру А. А. Закревскому, глава ИВЭО отметил, что лица «среднего состояния и недостаточные граждане не имеют возможности пользоваться книгами» (вследствие их высокой стоимости в розничной торговле) и просил содействовать открытию в губернских городах публичных библиотек, «в которых бы все жители могли ... знакомиться с ходом и успехами просвещения». Н. С. Мордвинов выразил убежденность в том, что библиотеки, способствуя «народным улучшениям во всех родах», «возродят в городах дух общественности и взаимных советов у жителей», «откроют большой сбыт для хороших сочинений по части наук и промышленности» [21, с. 413–415].

По замыслу Н. С. Мордвинова, основная работа по открытию и финансированию губернских публичных библиотек должна выполняться силами местной общественности – дворянских и купеческих корпораций. В то же время, в письме министру он подчеркнул, что «дело совершенно быть может» лишь при условии должного участия в нем начальников губерний [21, с. 414–415]. «Русский народ способный ко всему, преодолевает многое, но многое преодолеть не может без пособия от правительства, от твердой и решительной воли которого зависит устранение всех препятствий к успешному действию», – отмечал Н. С. Мордвинов в одной из своих записок [10, с. 306]. Он был убежден, что «без денег, как главной действующей силы, никакие усилия человеческие недостаточны к достижению предположенной цели» [34, с. 45]. Поэтому, обращаясь в правительство, глава ИВЭО ходатайствовал как об организационной, так и о финансовой поддержке проекта. Понимая, что финансовая обеспеченность библиотек является одним из ключевых условий их стабильного функционирования, Н. С. Мордвинов рекомендовал установить плату за пользование книгами. Однако ее размер предполагался незначительным – «один рубль или даже гораздо менее», что не должно обременять «недостаточных граждан», но одновременно позволило бы укрепить материальный фундамент библиотек [21, с. 413–414].

Объясняя в письме А. А. Закревскому «важные в государственном отношении выгоды» от реализации библиотечного проекта ИВЭО, Н. С. Мордвинов апеллировал к «благим намерениям» Всемилостивейшего Государя. Тем самым отсылая главу полицейского ведомства к тексту императорского манифеста, опубликованного 13 июля 1826 г. и приуроченного к коронации. В нем Николай I обещает «принять с благоволением» все то, что ведет к «расширению истинного просвещения» [14, с. 706]. Отечественный историк М. А. Полиевктов вполне справедливо, на наш взгляд, отметил, что манифест содержал политическую программу предстоящего царствования, «провозглашая начало реформ и определяя ту степень и ту сферу сотрудничества, которая оставлялась за обществом» [24, с. 75–76]. К этой сфере манифест отнес деятельность, направленную на просвещение народа.

Понятие «просвещение» в первой трети XIX в. было хорошо знакомо российским подданным и широко употреблялось не только на страницах публицистических изданий или научно-популярных трактатов, но и в официальных документах [31, с. 12]. «Я разумею под именем просвещения, – отмечал В. А. Жуковский, – приобретение настоящего понятия о жизни, знание лучших и удобнейших средств ею пользоваться, усовершенствование бытия своего, физического и морального» [9, с. 67]. Государственная власть проявила заинтересованность в привлечении ревнителей просвещения к решению задач в культурно-образовательной сфере: от меценатской поддержки учебных заведений до открытия таких учреждений, как библиотеки, театры, музеи и т. п. В частности, правительство понимало позитивное значение массового книжного чтения, являвшегося доступным и эффективным средством просвещения народа, а значит, содействующего «приращению народного благополучия». Как

частную инициативу, так и общественную самоорганизацию в библиотечной сфере власти рассматривали в качестве поддержки и продолжения собственных реформаторских усилий [19], направленных на «модернизацию уклада русской жизни», укрепление государственности, а также подъем торгового и промышленного предпринимательства.

Министерство внутренних дел и организационное строительство публичных библиотек в 1830-х гг. Министр внутренних дел А. А. Закревский не только одобрил библиотечный проект ИВЭО, но и принял деятельное участие в его реализации. Глава полицейского ведомства обратился к отечественным издателям и литераторам с посланиями, призвав их выступить в роли жертвователей, «участвовать по силам» в наполнении книжных фондов предполагавшихся к открытию библиотек [22; 23]. В июле 1830 г. А. А. Закревский направил главам коронной администрации на местах циркуляр, в котором просил их оказать содействие открытию в губернских городах публичных библиотек. Губернаторам рекомендовалось «пригласить к совещанию» предводителей дворянства, директоров гимназий и других учебных заведений, а также ревнителей просвещения из числа местного дворянства и купечества. Они должны были совместно определить помещение для размещения библиотеки, выработать устав, определяющий порядок ее функционирования, а также избрать попечительский комитет и назначить библиотекаря [36, с. 28–29]. Всего предполагалось открыть 52 публичные библиотеки в губернских центрах Российской империи [1, с. 51–52].

25 июля и 28 августа 1830 г. А. А. Закревский подписал новые циркуляры, в которых потребовал от руководителей губерний ускорить открытие библиотек, а также сообщил о жертвователях книг, среди которых частные лица, общественные организации (ИВЭО, Императорское Московское общество сельского хозяйства), а также министерства внутренних дел и финансов. Министр А. А. Закревский также взял на себя функции посредника между губернаторами как председателями попечительских комитетов библиотек и столичными жертвователями книг [6, с. 4].

Процесс учреждения библиотек в российских регионах протекал с разной степенью интенсивности. К 1835 г. были открыты 20 публичных библиотек в таких городах, как Архангельск, Екатеринослав, Кишинев, Пермь, Петрозаводск, Саратов, Смоленск, Тамбов, Томск, Харьков, Чернигов и др. [16, с. 117]. В 1840 г. числилось уже 39 библиотек [17, с. 100], причем восемь из них функционировали в уездных городах [1, с. 51–52].

Библиотеки представляли собой санкционированные государственной властью общественные формирования, управлявшиеся попечительскими комитетами во главе с губернаторами [26, с. 24; 27]. Наряду с решением организационных и материально-финансовых вопросов, попечительские комитеты осуществляли комплектование фондов библиотек, а также назначали библиотекарей. Поскольку министерские циркуляры прямо указывали на дворянство и купечество как на союзников властей в деле открытия библиотек, главы губерний приглашали вступить в попечительские комитеты преимущественно представителей этих категорий горожан. Функции библиотекарей, как правило, выполняли преподаватели местных учебных заведений, действующие или отставные чиновники. В одних случаях им назначалось жалование, в других – они «служили делу просвещения» безвозмездно.

Среди факторов, определявших успешное завершение учредительного процесса, а затем и стабильность работы той или иной библиотеки, необходимо выделить ее ресурсную обеспеченность. Решая вопросы комплектования книжных фондов, организации обслуживания читателей и оплаты труда персонала, губернаторы не раз обращались к министру А. А. Закревскому, а затем и к новому главе полицейского ведомства Д. Н. Блудову с запросами о государственном финансировании библиотек. Из ответных министерских циркуляров следовало, что какая-либо финансовая поддержка библиотек в планы правительства не входит, поэтому затраты на их функционирование почти полностью должны лечь на плечи «любителей полезных занятий» из числа городской общественности. Понимая, что для успешной реализации проекта ИВЭО участия одних только местных просветителей, работавших на добровольной и безвозмездной основе, может оказаться недостаточно, Д. Н. Блудов указал губернаторам на необходимость привлечь к выполнению тех или иных обязанностей местных чиновников. В апреле 1832 г. он распорядился назначить библиотекарями канцеляристов губернского дворянского собрания или приказа общественного призрения с тем, чтобы они выполнение своих служебных обязанностей совмещали с работой в библиотеке [35, л. 7–8].

Не найдя или не желая найти энтузиастов, готовых «жить не личными, а общественными интересами», некоторые губернаторы полагались только на силы местных чиновников.

Например, из государственных служащих состояли возглавлявшиеся губернаторами попечительские комитеты публичных библиотек в Архангельске, Томске, Перми и других городах России [3, с. 5; 6, с. 6; 20, с. 5]. Как сообщал журнал «Книжный вестник», выбор лиц в качестве попечителей саратовской публичной библиотеки «не мог быть случайным и соответствовал служебному положению их» [29, с. 78]. Участие чиновников в работе публичных библиотек не всегда было добровольным, некоторые руководители коронных администраций, пользуясь служебным положением, в приказном порядке привлекали их к работе «на ниве просвещения».

В условиях самофинансирования большинство публичных библиотек установило абонентскую плату за пользование книжными фондами. Ее размер варьировался в диапазоне от 5 до 30 рублей в год [3, с. 9; 6, с. 11; 18, с. 140], что исключало из библиотечного обслуживания малоимущую «серую публику». Контингент посетителей, как правило, состоял из материально обеспеченных горожан, способных не только приобрести абонемент, но и вносить залогов за выдаваемые на дом книги, что существенно сокращало число читателей и, как следствие, размер поступавших в кассу денежных средств. Этим объясняется столь высокая доля пожертвований в ежегодных доходах библиотек. Однако и они, являясь в большинстве случаев однократными взносами, не могли стать бюджетообразующей статьёй доходов. К тому же пожертвования часто делались в натуральной форме: книгами, произведениями периодической печати, мебелью, дровами для отопления помещений и т. п.

Коронная администрация в губерниях, а также органы городского самоуправления существенной материальной поддержки публичным библиотекам почти не оказывали. В 1832 г. в регионы был направлен министерский циркуляр, установивший прямой запрет на нецелевое расходование денежных средств, полученных в результате земских сборов [35, л. 8]. В качестве единовременной помощи библиотеки получали сравнительно небольшие суммы. Например, томская Городская дума в 1830 г. профинансировала ремонт помещений, предназначенных для размещения книжного фонда, а в 1833 г. предоставила публичной библиотеке субсидию в размере 200 р. [20, с. 5, 7].

В этих условиях поиск помещений для размещения книжных фондов представлял немалую сложность. Попечительские комитеты, располагая весьма ограниченными материальными возможностями, испытывали затруднения не только с приобретением, но даже с арендой недвижимости. В 1832 г. после многочисленных запросов с мест решением проблемы был вынужден заняться министр внутренних дел Д. Н. Блудов. Специальным циркуляром он предписал размещать книгохранилища в помещениях дворянских собраний, приказов общественного призрения или городских обществ. В этом случае, указывал министр, «отопление комнат, которые будут заняты библиотекой, не потребует особых издержек» [35, л. 7–8].

Отсутствие каких-либо финансовых обязательств со своей стороны центральная власть рассматривала в качестве одного из условий государственной поддержки библиотечной инициативы ИВЭО. В 1834 г. высочайшим повелением публичные библиотеки были «переданы под наблюдение» министерства народного просвещения. Ознакомившись с положением дел, глава ведомства С. С. Уваров в ежегодном отчете императору указал, что «учреждение в губерниях публичных библиотек идет успешно, не требуя притом никаких издержек от правительства» [16, с. 119]. На самом деле ситуация с публичными библиотеками не была столь радужной.

Проблемы функционирования публичных библиотек в России: несостоявшееся партнерство власти и общественности. Вследствие хронического дефицита бюджетов большинство попечительских комитетов не имели возможности осуществлять текущее финансирование расходов публичных библиотек, не говоря уже об аккумулировании денежных ресурсов в качестве неприкосновенного капитала. Для укрепления материального фундамента необходимо было найти несколько параллельных, взаимно дополнявших друг друга источников доходов, обеспечив их ежегодное воспроизводство. Наряду с абонентской платой, это могло быть регулярное отчисление в пользу библиотеки процента от жалования местных чиновников. Такое решение в пользу местного книгохранилища, например, приняли государственные служащие Архангельска [13, с. 19]. В Тамбове ежегодное финансирование публичной библиотеки осуществлялось с помощью акционерной компании, учрежденной с этой целью губернским дворянством и санкционированной императором Николаем I [15, с. 163–164; 18, с. 139]. Однако такие способы пополнения бюджетов публичных библиотек не получили широкого распространения, оставаясь скорее исключением, чем правилом. Направленные в Министерство народного просвещения отчеты попечительских комитетов регулярно сообщали о хронической нехватке денежных средств, обремененности долгами, «ничтожных по-

ступлениях» от платы за чтение, а также «оскудении пожертвований», так, что некоторые публичные библиотеки «еле могли сводить концы с концами» [33, с. 71–72].

Испытываемые книгохранилищами финансовые трудности стали лишь одной из причин сравнительно скромных результатов развития библиотечного дела в регионах. Еще одна причина заключается в пассивной позиции, занятой некоторыми главами коронной администрации. Результативность воплощения инициативы столичных просветителей в жизнь в значительной степени зависела от готовности губернаторов вести диалог с городской общественностью, их способности сделать публичную библиотеку центром притяжения местного образованного населения. Отсутствие у горожан опыта самоорганизации, неопределенность правового статуса библиотек, трудности материально-финансового характера и другие обстоятельства усиливали роль коронной администрации в реализации библиотечного проекта. По замыслу центральных властей именно главы регионов должны были стать руководящей силой в этом деле. Однако на местах ситуация складывалась по-разному. В одних случаях губернаторы становились истинными вдохновителями и организаторами публичных библиотек, заражая горожан энтузиазмом и поддерживая их инициативы. Например, благодаря усилиям главы Архангельской губернии И. И. Огарева горожане проявили интерес к плану создания библиотеки и активно включились в его реализацию [6, с. 6–7].

В других случаях губернаторы старались уклониться от исполнения министерского циркуляра, в целом однотипно объясняя свое бездействие. Например, глава Тобольской губернии отказ участвовать в учреждении библиотеки мотивировал «неимением в городе дворянства», а также малочисленностью купечества, «для коего не настало еще время учредить библиотеку». Губернатор даже не стал знакомить тоболяков с циркуляром министра А. А. Закревского [12, с. 81]. Местной же разночинной интеллигенции он не доверял и дел с ней иметь не захотел.

В свою очередь гражданский губернатор Оренбургской губернии И. Л. Дебу сообщал, что в городе Уфе, являвшемся административным центром региона, «публичную библиотеку для чтения завести невозможно, не столько от недостатка средств, сколько потому, что здесь все еще нет людей, занимающихся чтением». По словам губернатора, дворяне и чиновники «все время свое посвящают исключительно службе», не имея возможности заниматься делами библиотеки. Остальным же сословиям «потребность чтения книги вовсе еще не известна» [30, с. 56].

Нередко, возглавив попечительские комитеты, главы регионов прибегали к командным методам общения, как с подчиненными, так и с городскими обывателями – ревнителями просвещения. Например, томский губернатор Е. П. Ковалевский после получения циркуляра из столицы направил Городской думе предписание об учреждении библиотеки, указав, что ее «заведение назначается высшим начальством». Полгода спустя глава региона поторопил думу, потребовав от нее «привести заведение публичной библиотеки» к «желаемому результату». Примечательно, что губернаторский запрос в адрес гласных начинался словами: «Желаю иметь сведения о последствиях моего предписания...» [20, с. 5]. В данном случае Е. П. Ковалевский выполнение содержащихся в министерском циркуляре инструкций переложил на городское самоуправление, выступив лишь передаточным звеном в бюрократической цепочке. Пермский губернатор Г. К. Селастенник также отнесся к открытию библиотеки равнодушно и формально, видя в этом лишь необходимость исполнения министерского циркуляра [3, с. 6].

Правительственные сановники, а вслед за ними и губернаторы относили публичные библиотеки к сфере общественной деятельности и считали, что эти просветительные учреждения должны функционировать исключительно благодаря самоорганизации «снизу». Поэтому власти, оказав содействие на этапе организационного строительства библиотек, не желали брать на себя ответственность за их дальнейшую судьбу. Бывший министр народного просвещения А. В. Головин в своих воспоминаниях подчеркивал, что публичные библиотеки «должно содержать и распространять само общество». Причину того, что книгохранилища находятся в «жалком, бедственном положении» или же вообще отсутствуют в том или ином городе, по его мнению, нужно искать в «полном равнодушии к ним местных жителей», которые «еще не умеют соединяться для удовлетворения потребности к чтению и не хотят ничем для этого жертвовать» [5, с. 243].

Действительно, в реализации библиотечного проекта ИВЭО приняла участие небольшая часть образованного общества российских городов. Если члены Вольного экономического общества, во главе с его председателем, рассматривали публичные библиотеки в качестве

общедоступных просветительных учреждений, ориентированных в том числе на лиц «среднего состояния и недостаточных граждан», то государственные сановники придерживались другой точки зрения. Министерские инструкции губернаторам, разъяснявшие назначение публичных библиотек, ограничивали сферу «распространения истинного просвещения» преимущественно привилегированными городскими слоями, не только образованными, но и материально обеспеченными.

В первую очередь речь шла о дворянстве и чиновничестве, которые, по замыслам правительственных сановников, должны были принять на себя руководство публичными библиотеками и заботу «обо всех их нуждах». Однако провинциальное дворянство, сохраняя традиции домашнего чтения и располагая собственными книжными коллекциями, особого интереса к библиотечной инициативе из столицы не проявило. Если на первом этапе наиболее активная и просвещенная часть дворянской корпорации приняла участие в организационном строительстве библиотек, то в дальнейшем бремя ответственности за их судьбу легло на плечи чиновничества. Оно же составило костяк читательской аудитории. Так, в 1837 г. абонентами Томской публичной библиотеки являлись 49 человек, из них 79,3 % являлись государственными служащими. Несмотря на то, что состав читателей в 1830–1840-х гг. ежегодно изменялся, доля чиновников среди них в среднем составляла 60 % [20, с. 8–9]. Основной контингент посетителей Пермской публичной библиотеки также составляли местные чиновники [3, с. 5].

Наряду с чиновниками, читательский контингент публичных библиотек составляла учащаяся молодежь, что свидетельствовало о распространении ценности книжного чтения среди юношества. Книжные фонды публичных библиотек могли комплектоваться всеми незапрещенными в Российской империи печатными изданиями, в том числе теми, которые, по мнению охранителей из числа правительственных сановников, способны «особенно легко совратить молодых людей с истинного пути». После того как публичные библиотеки были переданы под надзор Министерства народного просвещения, учебное начальство выступило против бесконтрольного посещения молодыми людьми общественных книгохранилищ. В июле 1834 г. министр народного просвещения С. С. Уваров пояснил свою позицию по этому вопросу. В письме томскому губернатору он просил «обращать особенное внимание на выбор дозволенных для чтения молодым людям книг, равно как и на то, чтоб они, не увлекаясь заманчивостью чтения, изошряющего иногда одно бесплодие, если не вредное по последствиям любопытство, не пренебрегали настоящими своими занятиями» [20, с. 8]. Формально не запрещаая учащимся пользоваться книжными фондами публичных библиотек, местные гражданские и, особенно, учебные власти различными способами стремились ограничить эту возможность, что не могло не отразиться на количестве читателей.

Ежегодные отчеты публичных библиотек свидетельствуют о том, что они не смогли стать массовыми социально-культурными учреждениями. В разные годы число их подписчиков было непостоянным и могло изменяться в сравнительно широком диапазоне. Если в 1836 г. абонентами Томской публичной библиотеки состоял 51 человек (максимумом за все дореформенное время), то в 1838 г. число читателей сократилось до 11, а в 1840 г. до 9 человек [20, с. 8–9]. В 1835 г. в списках подписчиков Тамбовской публичной библиотеки значился 61 человек, но уже в 1848 г. их количество составило 16 читателей [18, с. 140].

Некоторые библиотеки не могли похвастаться и таким контингентом посетителей. В Перми из-за отсутствия интереса горожан публичная библиотека через два года после открытия свернула свою деятельность. В 1836 г. усилиями попечительского комитета работа библиотеки была возобновлена, причем все двадцать читательских абонементов приобрели исключительно чиновники [3, с. 5, 7, 9]. Журнал «Книжный вестник» сообщал, что за первые двадцать пять лет существования Саратовской публичной библиотеки «вряд ли десяток жителей города имел о ней хоть какое-нибудь смутное представление» [29, с. 78–79]. «Улучшение библиотеки» пришлось только на конец 1850-х гг., когда она фактически пережила свое второе рождение [28, с. 72].

В 1840-х большинство из губернских публичных библиотек оказалось в состоянии кризиса. Числясь лишь на бумаге, они почти никакой работы с читателями не вели, а книги складировали на чердаках и в подвалах. Попечительские комитеты в ежегодных отчетах сообщали о том, что «книг бралось мало», «ибо не представлялось желающих для того» [33, с. 72]. К концу десятилетия более или менее стабильно функционировали только 12 публичных библиотек [1, с. 52].

Заключение. История создания и деятельности публичных библиотек позволяет по-новому оценить характер отношений государства и общества в николаевской России. Выводы отечественного историка В. Я. Гросула о том, что Николай I испытывал к обществу недоверие, а то и вражду, и на пути создания новых общественных организаций были воздвигнуты «чрезвычайные сложности» [8, с. 82], лишь частично отражают ту сложную и противоречивую действительность, которая сложилась в нашей стране в 1830-е гг. Инициатива первой в России общественной организации – Императорского Вольного экономического общества, предусматривавшая создание в губернских городах империи публичных библиотек, была не просто одобрена правительством, но и стала основой государственной библиотечной политики в рассматриваемый период.

Вступив на престол, император Николай I в качестве «благих намерений» декларировал содействие «расширению истинного просвещения». В практической плоскости эту задачу наряду с другими культурно-образовательными учреждениями были призваны решать публичные библиотеки. Но не в качестве созданных «волей высшей власти» и финансируемых из казны государственных учреждений. А в качестве общественных формирований, основанных на принципах государственно-частного партнерства. Со стороны государства участие в реализации библиотечного проекта ИВЭО приняло полицейское ведомство и его представители в регионах – губернаторы, чей властный ресурс должен был обеспечить вовлечение государственных служащих в организационное строительство и последующую работу библиотек.

В начале 1830-х гг. публичные библиотеки были легализованы в правовом пространстве Российской империи, приобретя статус самоуправляемых общественных организаций. Их уставные документы, имевшие типовой характер и утвержденные министром внутренних дел, предоставляли попечительским комитетам известную внутреннюю автономию – возможность самостоятельно и под свою ответственность комплектовать книжные фонды, определять правила обслуживания читателей. Одновременно закреплялся принцип самофинансирования библиотек, которые не могли рассчитывать на какую-либо регулярную материальную помощь со стороны государственной власти или местного самоуправления.

В первой половине 1830-х гг. реализация проекта ИВЭО в губернских центрах протекала в целом успешно, библиотечное строительство развернулось более чем в двух десятках городов России. Однако этот импульс оказался недолговечным: во второй половине десятилетия процесс открытия новых библиотек затормозился, а большинство уже созданных книгохранилищ оказались в состоянии кризиса. Сотрудничество коронной администрации в губерниях и образованной части горожан не достигло уровня постоянного диалога, оставаясь, скорее, sporadическим и поверхностным. Формально-бюрократические методы работы немалой части губернаторов, их стремление действовать с помощью командных методов и опираться преимущественно на чиновничество и дворянство не могли не отразиться на повседневном функционировании публичных библиотек. Привилегированные городские слои – дворянство и чиновничество – не могли и не хотели на своих плечах нести бремя ответственности за библиотеки. Городская же разночинная интеллигенция по воле правительства к реализации библиотечного проекта допущена не была.

Все это позволяет сделать вывод о слабой готовности провинциального общества николаевской России к самоорганизации и совместной реализации социально важных проектов. С другой стороны, можно говорить о важном уроке для образованных и инициативных горожан, которые, опираясь на опыт 1830-х гг., в условиях общественного подъема второй половины XIX в. реанимировали и воплотили в жизнь идею общественных публичных библиотек, доступных всем слоям общества.

Список литературы

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. М. : Книга, 1980. 352 с.
2. Артамонова Г. И. История Смоленской областной универсальной библиотеки им. А. Т. Твардовского: к 180-летию создания. Смоленск : Свиток, 2013. 320 с.
3. Афанасьева О. Т. Молотовская государственная публичная библиотека им. М. Горького : исторический очерк: 1831–1950 гг. Молотов, 1950. 181 с.
4. Гебель В. Внешкольное народное образование в Западной Европе и Северной Америке. М. : Тип. И. А. Баландина, 1899. 179 с.
5. Головин А. В. Записки для немногих. СПб. : Нестор-История, 2004. 575 с.
6. Голубцов Н. А. Исторический очерк Архангельской публичной библиотеки. Архангельск : Губ. тип., 1910. 48 с.
7. Громова А. Публичные библиотеки в провинции в 1830–1850 г. // Советская библиография. 1934. № 1. С. 66–97.

8. Гросул В. Я. Российская общественность XVIII–XIX вв. Основные этапы становления и утверждения // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А. С. Туманова. М. : РОССПЭН, 2011. С. 28–165.
9. Жуковский В. А. О новой книге «Училище бедных», сочинение Госпожи ле Пренс де Бомон // Вестник Европы. 1808. Ч. 42. № 21. С. 67–76.
10. Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов : историческая монография. СПб. : Тип. и Лит. А. Транше-ля, 1873. 578 с.
11. Кизеветтер А. Исторические отклики. М. : Изд-во К. Ф. Некрасова, 1915. 390 с.
12. Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М. : АИРО-XX, 1995. 160 с.
13. Лукичев П. М. Культурная взаимосвязь: Императорское Вольное экономическое общество и Санкт-Петербургский государственный институт культуры // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 4 (25). С. 18–23.
14. Манифест Николая I от 13 июля 1826 г. // Н. К. Шильдер Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. I. СПб. : Издание А. С. Суворина, 1903. С. 704–706.
15. О Тамбовской Публичной библиотеке // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. Ч. 20. С. 162–165.
16. Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1835 г. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1836. 149 с.
17. Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1840 г. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1841. 149 с.
18. Патрина Л. Н. Тамбовская публичная библиотека как элемент провинциальной культурной среды // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 181. С. 137–143. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-181-137-143.
19. Первая губернская публичная библиотека в России // Северная пчела. 1844. 15 марта.
20. Первая публичная библиотека Западной Сибири. Хроника Томской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина / автор-сост. О. Г. Никиенко. Томск, 2020. 227 с.
21. Письмо графа Н. С. Мордвинова министру внутренних дел А. А. Закревскому // Сборник Русского исторического общества. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. Т. 2. С. 413–415.
22. Письмо Николая Полевого министру внутренних дел А. А. Закревскому. 17.07.1830 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. Т. 2. С. 415–416.
23. Письмо Фаддея Булгарина министру внутренних дел А. А. Закревскому. 19.07.1830 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. Т. 2. С. 416–418.
24. Полиевктов М. Николай I: биография и обзор царствования. М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. 392 с.
25. Поташев А. Ф. Историография царствования Николая I // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 46–55.
26. Правила для Архангельской губернской публичной библиотеки 1833 г. // Н. А. Голубцов Исторический очерк Архангельской публичной библиотеки. Архангельск : Губ. тип., 1910. С. 24–26.
27. Правила для Тамбовской Публичной Библиотеки // Московские ведомости. 1835. 13 янв.
28. Публичная библиотека в Саратове // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Ч. CVII. Июль. С. 72–73.
29. Саратовская городская публичная библиотека // Книжный вестник. 1861. № 5. С. 78–81.
30. Столпянский П. К истории провинциальных публичных библиотек в эпоху императора Николая I // Русский библиофил. 1912. № 1. С. 51–57.
31. Тимофеев Д. В. В ожидании перемен от "просвещения" России: надежды и тревоги российского общества первой четверти XIX в. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. 2009. № 16 (154). Вып. 32. С. 12–20.
32. Ф. Ч. Внешкольное образование народа: народные библиотеки и музеи, народные чтения, деятельность обществ по народному образованию в России и других странах // Северный вестник. 1894. № 8. С. 239–259.
33. Хавкина Л. Б. Библиотеки, их организация и техника. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1904. 376 с.
34. Ходнев А. И. Краткий обзор столетней деятельности Императорского Вольного экономического общества с 1765 по 1865 гг. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1865. 48 с.
35. Циркуляр Министра внутренних дел № 455 от 14 апреля 1832 г. «Относительно учреждений библиотек для чтения» // ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. 244. Оп. 2. Д. 41. Л. 7–8.
36. Циркулярное предписание министра внутренних дел гражданским губернаторам от 5 июля 1830 года, о заведении в губерниях публичных библиотек для чтения // Журнал Министерства внутренних дел. 1831. Ч. 4. Кн. 1. С. 27–29.

The library initiative of the Imperial Free Economic Society and its implementation in the 1830s

Popov Dmitry Ivanovich

Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of International Relations, Sociology and Political Science, Dostoevsky Omsk State University. Russia, Omsk. E-mail: 55popov@mail.ru

Abstract. The article reveals the content of the library project of the Imperial Free Economic Society and shows its implementation in Russia in the 1830s. A new scientific assessment was given to the nature of relations between the state and society in Nikolaev Russia, where the state authorities showed interest in involving educated segments of the population in solving the tasks of cultural development of the country. The initiative of the first public formation in Russia, which provided for the creation of public libraries in the provincial cities of the empire by encouraging self-organization from below, was not only approved by the government, but also became the basis of the state library policy during the period under review.

It is concluded that during the implementation of the library project, cooperation between the government, the crown administration in the provinces and the educated urban population did not reach the level of constant dialogue, remaining sporadic and superficial. The authorities relied mainly on the nobility and bureaucracy, the diverse intelligentsia was not allowed to implement the library project. Such "elitism" had a negative impact on the fate of libraries, the privileged strata of the urban community were not ready to take on the burden of responsibility for their fate. Of the 39 discovered in the 1830s. By the end of the 1840s, only 12 public libraries were functioning relatively stably.

The results of the Study can be used in scientific research on the history of Russia, in the educational process, in the preparation of textbooks, etc.

Keywords: Imperial Free Economic Society, Ministry of Internal Affairs, governor, public, public libraries.

References

1. Abramov K. I. *Istoriya bibliotchnogo dela v SSSR* [History of librarianship in the USSR]. M., Kniga (Book). 1980. 352 p.
2. Artamonova G. I. *Istoriya Smolenskoj oblastnoj universal'noj biblioteki im. A. T. Tvardovskogo: k 180-letiju sozdaniya* [The history of the Smolensk Regional Universal Library n. a. A. T. Tvardovsky: to the 180th anniversary of its creation]. Smolensk, Svitok. 2013. 320 p.
3. Afanas'eva O. T. *Molotovskaja gosudarstvennaja publichnaja biblioteka im. M. Gor'kogo: istoricheskij ocherk: 1831–1950 gg.* [Molotov State Public Library n. a. M. Gorky: historical essay: 1831–1950]. Molotov, 1950. 181 p.
4. Gebel' V. *Vneshkol'noe narodnoe obrazovanie v Zapadnoj Evrope i Severnoj Amerike* Out-of-school public education in Western Europe and North America. M., 1899. 179 p.
5. Golovnin A. V. *Zapiski dlja nemnogih* [Notes for the few]. SPb., Nestor-Istoriya. 2004. 575 p.
6. Golubcov N. A. *Istoricheskij ocherk Arhangel'skoj publichnoj biblioteki* [Historical essay of the Arkhangelsk public library]. Arkhangelsk, Gubernskaja tipografija. 1910. 48 p.
7. Gromova A. *Publichnye biblioteki v provincii v 1830–1850 g.* [Public Libraries in the Provinces 1830–1850] // *Sovetskaja bibliografija – Soviet Bibliography*. 1934. No. 1. Pp. 66–97.
8. Grosul V. Ja. *Rossijskaja obshhestvennost' XVIII–XIX vv. Osnovnye jetapy stanovlenija i utverzhenija* [The Russian public of the XVIII–XIX centuries. The main stages of formation and approval] // *Samoorganizacija rossijskoj obshhestvennosti v poslednej treti XVIII – nachale XX v. – Self-organization of the Russian public in the last third of the 18th – early 20th centuries* / ed. by A. S. Tumanova. M., ROSSPEN. 2011. Pp. 28–165.
9. Zhukovskij V. A. *O novoj knige "Uchilishhe bednyh", sochinenie Gospozhi le Prens de Bomon* [About the new book "The School of the Poor", a work by Madame le Prince de Beaumont] // *Vestnik Evropy – Herald of Europe*. 1808. P. 42, No. 21. Pp. 67–76.
10. Ikonnikov V. S. *Graf N. S. Mordvinov : istoricheskaja monografija* [Count N. S. Mordvinov : historical monograph]. SPb., AIRO–XX. 1873. 578 p.
11. Kizevetter A. *Istoricheskie otkliki* [Historical responses]. M. 1915. 390 p.
12. Kuprijanov A. I. *Russkij gorod v pervoj polovine XIX veka: obshhestvennyj byt i kul'tura gorozhan Zapadnoj Sibiri* [Russian city in the first half of the 19th century: social life and culture of the townspeople of Western Siberia]. M., 1995. 160 p.
13. Lukichev P. M. *Kul'turnaja vzaimosvjaz': Imperatorskoe Vol'noe jekonomicheskoe obshhestvo i Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj institut kul'tury* [Cultural interrelation: The Imperial Free Economic Society and the St. Petersburg State Institute of Culture] // *Vestnik SPbGUKI – Herald of SPbGUKI*. 2015. No. 4 (25). Pp. 18–23.
14. Shil'der N. K. *Imperator Nikolaj Pervyj, ego zhizn' i carstvovanie* [Emperor Nicholas I, his life and reign]. Vol. 1. SPb., 1903. Pp. 704–706.
15. *O Tambovskoj Publichnoj biblioteki* [About Tambov Public Library] // *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del – Journal of the Ministry of Internal Affairs*. 1836. Vol. 20. Pp. 162–165.

16. *Obshhij otchet, predstavlenyj Ego Imperatorskomu Velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija za 1835 g.* [General report submitted to His Imperial Majesty on the Ministry of Public Education for 1835]. SPb., Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1836. 149 p.
17. *Obshhij otchet, predstavlenyj Ego Imperatorskomu Velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija za 1840 g.* [General report submitted to His Imperial Majesty on the Ministry of Public Education for 1840]. SPb., Tipo-grafija Imperatorskoj Akademii nauk (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1841. 149 p.
18. Patrina L. N. *Tambovskaja publichnaja biblioteka kak jelement provincial'noj kul'turnoj sredy* [Tambov Public Library as an Element of the Provincial Cultural Environment] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* -Herald of Tambov University. Series: Humanities. 2019. Vol. 24, No. 181. Pp. 137–143.
19. *Pervaja gubernskaja publichnaja biblioteka v Rossii* [The first provincial public library in Russia] // *Severnaja pchela* – Northern Bee. 1844. March 15.
20. *Pervaja publichnaja biblioteka Zapadnoj Sibiri. Hronika Tomskoj oblastnoj universal'noj nauchnoj biblioteki im. A. S. Pushkina* [The First Public Library of Western Siberia. Chronicle of the Tomsk Regional Universal Scientific Library n. a. A. S. Pushkin] / O. G. Nikienko. Tomsk, 2020. 227 p.
21. *Pis'mo grafa N. S. Mordvinova ministru vnutrennih del A. A. Zakrevskomu* [Letter from Count N. S. Mordvinov to the Minister of Internal Affairs A. A. Zakrevsky] // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva* – Collection of the Russian Historical Society. Vol. 2. SPb., Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1868. Pp. 413–415.
22. *Pis'mo Nikolaja Polevogo ministru vnutrennih del A. A. Zakrevskomu* [Letter from Nikolai Polevoy to the Minister of Internal Affairs A. A. Zakrevsky]. 17.07.1830 // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva* –Collection of the Russian Historical Society. Vol. 2. SPb., Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1868. Pp. 415–416.
23. *Pis'mo Faddeja Bulgarina ministru vnutrennih del A. A. Zakrevskomu* [Letter from Faddey Bulgarin to the Minister of Internal Affairs A. A. Zakrevsky]. 19.07.1830 // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva* – Collection of the Russian Historical Society. Vol. 2. SPb., Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1868. Pp. 416–418.
24. *Polievktov M. Nikolaj I: biografija i obzor carstvovaniya* [Nicholas I: biography and review of the reign]. M., 1918. 392 p.
25. Potashev A. F. *Istoriografija carstvovaniya Nikolaja I* [Historiography of the reign of Nicholas I] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija* – Herald of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2012. No. 2. Pp. 46–55.
26. *Pravila dlja Arhangel'skoj gubernskoj publichnoj biblioteki 1833 g.* [Rules for the Arkhangelsk Provincial Public Library, 1833] // Golubcov N. A. *Istoricheskij ocherk Arhangel'skoj publichnoj biblioteki* – Historical essay of the Arkhangelsk public library. Arkhangelsk, Gubernskaja tipografija. 1910. Pp. 24–26.
27. *Pravila dlja Tambovskoj Publichnoj Biblioteki* [Rules for Tambov Public Library] // *Moskovskie vedomosti* – Moscow Vedomosti. 1835. January 13.
28. *Publichnaja biblioteka v Saratove* [Public library in Saratov] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija* – Journal of the Ministry of Public Education. Vol. CVII. July. Pp. 72–73.
29. *Saratovskaja gorodskaja publichnaja biblioteka* [Saratov City Public Library] // *Knizhnyj vestnik* – Book Bulletin. 1861. No. 5. Pp. 78–81.
30. *Stolpjanskij P. K istorii provincial'nyh publichnyh bibliotek v jepohu imperatora Nikolaja I* [On the history of provincial public libraries in the era of Emperor Nicholas I] // *Russkij bibliofil* – Russian Bibliophile. 1912. No. 1. Pp. 51–57.
31. Timofeev D. V. *V ozhidanii peremen ot "prosveshhenija" Rossii: nadezhdy i trevogi rossijskogo obshhestva pervoj chetverti XIX v.* [In anticipation of changes from the "enlightenment" of Russia: hopes and concerns of Russian society in the first quarter of the 19th century] // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Istorija* – Herald of Chelyabinsk State University. Series 1: History. 2009. No. 16 (154). Vol. 32. Pp. 12–20.
32. F. Ch. *Vneshkol'noe obrazovanie naroda: narodnye biblioteki i muzei, narodnye chtenija, dejatel'nost' obshhestva po narodnomu obrazovaniju v Rossii i drugih stranah* [Extracurricular education of the people: public libraries and museums, public readings, activities of public education societies in Russia and other countries] // *Severnyj vestnik* – Northern Herald. 1894. No. 8. Pp. 239–259.
33. *Havkina L. B. Biblioteki, ih organizacija i tehnika* [Libraries, their organization and technology]. SPb., 1904. 376 p.
34. *Hodnev A. I. Kratkij obzor stoletnej dejatel'nosti Imperatorskogo Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva s 1765 po 1865 g.* [Brief overview of the hundred-year activity of the Imperial Free Economic Society from 1765 to 1865]. SPb., Obshhestvennaja pol'za. 1865. 48 p.
35. *Cirkuljar Ministra vnutrennih del № 455 ot 14 aprelja 1832 g. "Otnositel'no uchrezhdenij bibliotek dlja chtenija"* [Circular of the Minister of the Interior No. 455 dated April 14, 1832 "Concerning the institutions of libraries for reading"] // GAVO (State Archives of the Vladimir region). F. 244. Inv. 2. File 41. Pp. 7–8.

36. *Cirkuljarnoe predpisanie ministra vnutrennih del grazhdanskim gubernatoram ot 5 ijulja 1830 goda, o zavedenii v gubernijah publicnyh bibliotek dlja chtenija* [Circular of the Minister of Internal Affairs to the civil governors of July 5, 1830, on the establishment of public libraries for reading in the provinces]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del* – Journal of the Ministry of Internal Affairs. 1831. Part 4, Vol. 1. Pp. 27–29.

Поступила в редакцию: 02.10.2024

Принята к публикации: 31.03.2025

Меры контрразведывательного реагирования в годы Первой мировой войны

Зверев Вадим Олегович

доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел, Омская академия МВД России. Россия, г. Омск. E-mail: zverevoma@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается комплекс мер контрразведывательного реагирования на проявления шпионажа (германский и австрийский шпионаж), которые предполагалось реализовать в армиях Северного фронта. Актуальность проведенного исследования заключается в том, что армейские органы контрразведки предприняли попытку выйти за рамки общепринятых представлений о контрразведывательном инструментарии (секретные сотрудники, филеры, «черные кабинеты») и противопоставить системе вражеского шпионажа оригинальные меры борьбы. В основу реконструируемых военно-исторических событий был положен обширный архивный материал, что указывает на научную новизну статьи. Ее цель – систематизировать и хронологизировать меры борьбы с агентурой противника, раскрыть их сущность и определить эффективность по обеспечению защиты интересов безопасности действующей армии. Предметом исследования выступают запланированные органами контрразведки армий Северного фронта контрмеры, а именно: проверка беженцев на причастность к государственной измене, предупреждение утечки военных сведений в Петрограде, секретная деятельность рижской телефонной станции, религиозное нравственно-патриотическое просвещение народных масс об опасности шпионажа, распространение сводок об иностранном шпионаже среди органов безопасности, принудительное выселение гражданского населения из прифронтовой полосы, контрдиверсионное информирование. Результатом исследования явилось определение степени эффективности мер контрразведывательного реагирования. Автор приходит к выводу о том, что большая их часть так и осталась на бумаге в силу малочисленности и профессионально-кадровой несостоятельности военной контрразведки, не сложившихся партнерских отношений между контрразведчиками и политической полицией, а также по причине падения авторитета главной спецслужбы России у ее армии, государственного аппарата и общества в 1917 г. По тем же причинам меры контрразведывательного реагирования возымели инициативный характер и реализовывались лишь в отдельно взятых армиях Северного фронта. Результаты исследования применимы при изучении истории специальных служб и органов внутренних дел Российской империи.

Ключевые слова: контрразведка, шпионаж, агенты, секретные сотрудники, русская армия.

«Главная же задача контрразведки – мешать тайной разведке противника».

Лекция П. Рябикова «Контр-разведка». 22 апреля 1917 г., старший курс Николаевской военной академии.

В минувшем 2024 г. в Российской Федерации отмечалась 110-я годовщина со дня начала самого масштабного и кровопролитного в военной истории вооруженного конфликта – Первой мировой войны. Ее историческое значение с точки зрения использования прогрессивных идей в области военной тактики и техники воюющих держав сложно переоценить. С началом серийного производства и поставки в вооруженные силы Германии и Российской империи дредноутов и подводных лодок, авиации и автомобилей, новейших гаубиц и пулеметов Максима боевые действия на Восточном фронте приобретали качественно иной характер. На более серьезные основания в сравнении с предшествующими войнами была поставлена и организация контрразведывательной деятельности по обеспечению безопасности действующих армий и, в частности, русской императорской армии.

За более чем четвертьвековой период своего существования российская историография военной контрразведки периода Первой мировой войны актуализировала комплекс научных проблем, а также перспективные направления исследовательской мысли и архивно-документального поиска. В результате чего в фокусе изучения специалистов оказались портреты руководителей европейских разведслужб и, прежде всего, германской – Вальтера Николаи [4; 5; 24]. Сквозь призму выделенных черт и качеств «короля шпионажа», а также созданной им

мировой архитектуры осведомления возник массовый научный интерес и к специальным ведомствам, отвечавшим за борьбу с его проявлениями в Российской империи. Это выразилось в поступательном воссоздании истории русской контрразведки, в том числе на театрах военных действий Восточного фронта. Свет увидели первые статьи [8], фундаментальные диссертации [9; 14] и монографические издания [10; 11; 12; 15], авторы которых рассматривали проблемы построения и нормативно-правовой регламентации деятельности царской контрразведки, межведомственного взаимодействия силовых структур, а также методы военно-полицейского розыска (секретные сотрудники, наружное (филерское) наблюдение, перлюстрация), адаптированные под тактику выявления агентов противника.

Представленный нами краткий историографический обзор, не вмещивший в себя объемный пласт статей и мемуарной литературы и, в частности, произведения крупных теоретиков в области контрразведки (А. С. Резанов, В. Г. Орлов, В. Н. Клембовский, Н. С. Батюшин, П. Ф. Рябиков, А. А. Звонарев и др.), не может охватить всех ракурсов и граней, которые уже раскрыли специалисты-историки отечественных спецслужб. И все-таки констатировать тот факт, что контрразведывательная история Первой мировой войны уже написана, было бы преждевременно. Своего скрупулезного исследователя по-прежнему ждет практический опыт многочисленных армейских контрразведывательных отделений (далее – КРО) на уровне штабов фронтов, военных округов на театрах военных действий, полевых армий и др. воинских соединений, а также частей, крепостей. За рамками научных изысканий осталась методология борьбы с иностранным (главным образом, германским и австрийским) шпионажем военного времени, отдельным аспектам которой и будет посвящена данная статья.

Подытоживая свою длительную архивно-поисковую и научно-познавательную работу в ряде федеральных и региональных архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Западной Сибири, а также накопленный историографический опыт, мы сформировали общее понимание об известных мерах контрразведывательного реагирования на проявления шпионажа (далее – МКРПШ), имевшихся в распоряжении командования действующей армии и ее КРО. Также были выявлены МКРПШ, не учтенные в трудах наших предшественников, которые нуждаются в дальнейшем изучении. Для достижения этой цели были обобщены и проанализированы впервые введенные в научный оборот архивные документы. Именно они смогли дать ответ на главный вопрос: какие приемы и способы борьбы с вражеской агентурой подтвердили свою эффективность, а от каких пришлось отказаться.

Предваряя дальнейшее повествование, процитируем мысль, прозвучавшую в одной из первых публикаций ведущего специалиста по истории отечественных спецслужб А. А. Здановича. Ссылаясь на воспоминания генерала для поручений при Главнокомандующем армиями Северного фронта генерал-майора Н. С. Батюшина, он писал: «...с началом войны (Первая мировая война. – В. З.) контрразведка..., была оставлена Главным управлением Генерального штаба на произвол судьбы» [8, с. 51]. Что это означало? Довоенный профессионально-управленческий «костяк» военной контрразведки не сохранился. Из 13-ти начальников, а в ряде случаев, и замначальников, возглавлявших в межвоенный период одиннадцать территориальных КРО и одно военно-регистрационное бюро, на руководящих должностях остались лишь единицы (прежде всего речь идет о Н. С. Батюшине, В. Г. Туркистанове, В. А. Ерандакове, В. М. Якубове, С. В. Муеве, В. В. Сосновском, С. А. Соколове). Рядовые сотрудники были мобилизованы в действующую армию.

В обстановке нехватки опытных кадров военной контрразведки, а также недооценки ее места и роли в обеспечении собственной безопасности русских армий, что со всей трагичностью проявилось в ходе Восточно-Прусской операции и осенней кампании 1914 г. в Царстве Польском (немецкие радиоперехваты [13, с. 46, 92, 93]), а также февральских сражений 1915 г. в Мазурии (работа германских шпионов по дезинформации русских войск и по линии контрразведки [13, с. 107]), началось формирование армейских КРО (в составе разведотделений). Их начальникам и вверенному им личному составу, в большинстве случаев малочисленному и укомплектованному жандармскими офицерами и полицейскими чиновниками, предстояло выстраивать особую контрразведывательную тактику. В ее основу легли не только специальные военные знания, но и зарекомендовавшие себя ранее приемы и новшества из арсеналов общей и политической полиции (довоенный опыт), о результативности которых можно судить по предпринятым на Восточном фронте мерам контрразведывательного реагирования на проявления шпионажа. Подробнее остановимся на тех из них, которые не получили своего освещения в научной литературе, как то:

1. Фильтрационно-запретительные мероприятия, реализованные штабом 12-й армии Северного фронта в районе своей дислокации (ноябрь 1915 г.). В целях предупреждения проникновения шпионов в район армии был проведен комплекс следующих мероприятий. Войсковым частям было предложено усилить наблюдение за появлением на передовых позициях посторонних гражданских лиц, которых следовало задерживать и передавать для установления личностей на «специально организованные контрразведывательные посты» (фильтрационные пункты). Через эти кордоны должны были проходить и все беженцы, прибывавшие с временно оккупированных противником территорий. По замыслу армейского командования названные категории, а также вызывающие недоверие военнослужащие (т. е. не имеющие при себе документов, удостоверяющих личность, или неопознанные сослуживцами) должны были также передаваться для дальнейших разбирательств в КРО штаба 12-й армии, первоначальная численность служащих которого равнялась восьми сотрудникам.

Кроме того, с тем чтобы выявлять из общего потока местных жителей (беженцев) «чужих», а возможно, и агентов противника, к фильтрационным пунктам прикомандировывались сотрудники общей полиции (урядники и стражники). Также устанавливался строгий паспортный надзор за лицами, следующими через район армии на поездах и находящихся на железнодорожных станциях. Все задержанные в обязательном порядке проходили процедуру фотографирования. Но самая передовая мера заключалась в запрете пребывания в «семи-верстной полосе», прилегающей к линии боевого соприкосновения, лиц, «не принадлежащих к составу армии и учреждениям ее обслуживающим» [16, л. 272].

Значительное число названных МКРПШ штаба 12-й армии были успешно осуществлены. Среди архивных материалов находим упоминания о десятках задержаний сторожевыми постами, в том числе в январе 1916 г. латыша Криста Тилишкиса, который был завербован германским разведывательным бюро в Либаве. По результатам обыска были изъяты «флакон с жидкостью для писания секретных писем, 177 рублей денег..., пара коричневых носок, пропитанных раствором для писания писем... Сведения, собранные о русской армии и флоте, Тилишкис должен был направить по адресу: "Швеция Эберг и Горндаль, Гельзинбург Петрову"» [17, л. 267]. Через месяц «около русских позиций» был пленен и другой немецкий шпион – Альфред Шмеддинг (февраль 1916 г.). При допросе он сознался, «что послан в наше (русское. – В. З.) расположение со шпионскими целями, что подтверждается обнаруженными у него по обыску вещами – наличные деньги 114 рублей 26 копеек, два карманных германских папиросника, пара носок, причем один из них пропитан секретными чернилами, и сетки для секретных сообщений...» [17, л. 351].

Наряду с этими и прочими аналогичными примерами задержаний на передовой, свидетельствующими не только о бдительности и зоркости военнослужащих 12-й армии, но и об их неукоснительном выполнении распоряжений командования, мы встретили и другие документальные факты. В январе 1916 г. в районе названной армии задержан неизвестный в форме военнослужащего, который назвался старшим унтер-офицером 143-го пехотного Дорогобужского полка Яном Лесневским. При проверке его показаний было установлено, что в списках штатного состава названного полка офицер по фамилии Лесневский не значился и личность его в полку никому неизвестна [17, л. 394]. Не числился в списочном составе своей воинской части и солдат 11-го Сибирского стрелкового полка Осип Степанович, задержанный без документов 13 августа 1917 г. «впереди наших (русских. – В. З.) проволочных заграждений» [18, л. 202].

В отличие от предпринятых командованием 12-й армии ряда МКРПШ, с реалистичностью которых трудно не согласиться, с нашей точки зрения, реализация на практике столь масштабной меры, как опрос всех заподозренных в шпионаже лиц, представлялась маловероятной. Во-первых, в поле зрения органов контрразведки мог попасть любой беженец из западных губерний. А это огромные и неорганизованные массы людей, гонимые страхом смерти и оккупации, голодом и разрухой, зверствами германских военнослужащих, которые летом 1915 г., а если быть точнее, то в первых числах августа, и до начала октября того же года (стабилизация линии боевого соприкосновения на Восточном фронте) устремились в центр России. По мнению генерала от инфантерии Ю. Н. Данилова, в эвакуации участвовало 4 млн. гражданских лиц [7, с. 31]. Во-вторых, контрразведка штаба 12-й армии, в силу своей малочисленности, не могла осуществлять своевременный, тщательный и повсеместный опрос десятков-сотен подозрительных лиц вдоль линии фронта, протяженностью в сотни километров.

2. Предотвращение разглашения военных сведений в Петрограде, поступающих туда с приездом военнослужащих из армий Северного фронта (декабрь 1915 – февраль 1916 г.). Начальник штаба Северного фронта генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич и вышеупо-

мянутый генерал-майор Н. С. Батюшин, обеспокоенные стремительно складывающейся практикой массовой утечки военно-значимых сведений (о дислокации войск, их боевых потерях, моральном духе и др.) посредством их доставления в Петроград военнослужащими-фронтниками, а также медицинским персоналом санитарных поездов, предложили организовать на вокзалах «петроградского узла» личный осмотр данных категорий приезжающих. Однако высказанная инициатива не встретила единодушия у начальника штаба Петроградского военного округа генерал-майора М. И. Тяжельникова ввиду отсутствия для этой цели в его распоряжении необходимого количества офицеров и унтер-офицеров [19, л. 159, 165].

В качестве альтернативы предлагалось досматривать всех военнослужащих (на предмет наличия у них не прошедших военное цензурирование писем и иных материалов) при их выезде за пределы районов, подконтрольных войскам 6-й и 12-й армий чинами полевых жандармских эскадронов. Однако «более целесообразной» мерой недопущения утечки военных (в том числе военно-секретных) сведений было признано «обращение к благоразумию и патриотизму самих офицеров», а также «привлечение их к ответственности за разглашение» [19, л. 166].

Среди архивных документов по теме данной статьи и опубликованных трудов по истории органов государственной безопасности Российской империи периода мировой войны нам не встретились свидетельства реализации вышеназванных предложений по линии отдела генерал-квартирмейстера (военно-цензурное и контрразведывательное отделения). Исключением, пожалуй, были распоряжение врио командующего 5-й армией генерал-лейтенанта Е. К. Миллера об обыске убывающих в тыл нижних чинов (на предмет обнаружения не прошедших цензуру писем) от 11 февраля 1916 г. и приказ по 12-й армии № 268 от 29 февраля 1916 г., в тексте которого командующий обращался с просьбой ко всем чинам армии «проникнуться осознанием необходимости сохранения военной тайны...» [19, л. 164, 167].

Разумеется, эта «утешительная» норма военного права не могла приостановить и тем более прекратить устную и письменную утечку военно-значимых сведений. Да и какие из них представляли военную тайну и подлежали уголовному наказанию, так и осталось за границами понимания.

3. Прослушивание и «перехват» важных телефонных разговоров на рижской телефонной станции (март – август 1916 г.). В Риге находилась центральная телефонная станция со штатом дежурных контролеров-чиновников (как правило, из числа интеллигентных лиц, знакомых с иностранными языками), в задачу которых входило прослушивание частных телефонных разговоров. Причем из множества диалогов личного характера (об интимных отношениях, о торговых делах, о дороговизне жизни и пр.) особое внимание обращалось на те из них, которые касались военной сферы. Телефонистам, в частности, удалось «перехватить» разговоры о том, «как легче добиться удостоверения на свободный доступ к траншеям» (29 марта 1916 г.), или «о важных документах и взрывчатых веществах» (13 июля 1916 г.), или «об обнаруженном на ул. Малой Невской, 10 большого пьянства офицеров с проститутками» (5 августа 1916 г.) [20, л. 200, 231, 286].

Противоправное содержание разговоров собеседников, их номера телефонов и адреса (реже имена), оформленные в виде выборок из записных книжек контролеров-чиновников, немедленно отправлялись в ближайшие отделения контрразведки (а нередко и в жандармские управления) для принятия действенных мер. Причем реагирование военных властей порой принимало характер нестандартных решений, идущих в разрез с привычным в профессии стереотипным мышлением, к примеру, о том, что проституция есть неотъемлемый элемент шпионажа. Так, в конце 1916 г., отклонив предложение о высылке проститутки Кристины Тарутис и Станиславы Адамчик из прифронтового Пскова, начальник разведывательного отделения штаба Северного фронта полковник В. Н. Чернышев писал: «...это еще не значит, что каждая проститутка – шпионка. У истории есть много примеров, когда проститутки оказывались более патриотичными, нежели почтенные матроны... Поэтому высылать только на основании того, что "они могут быть использованы в целях шпионажа", – это больше, чем размениваться на мелочи.

Весь ум, вся энергия, все внимание должны быть обращены на борьбу с системой шпионажа и главарями, попутно будет захватываться и низшая категория; преждевременные аресты и высылки среди этой последней – стрельба из пушки по воробьям...» [21, л. 124].

В тех же случаях, когда требовалась мгновенная реакция, так как продолжение телефонного общения представляло угрозу безопасности действующей армии, контролеры-чиновники имели право отключать телефонную связь. Именно так и поступил 25 августа 1916 г. в 5 час.

55 мин. дня контролер-чиновник рижской телефонной станции Липинский, когда в ходе диалога дважды «оборвал» ответ на вопрос о месте нахождения 124-й дивизии и в состав какого корпуса русской армии она входит? [20, л. 226].

4. Религиозное нравственно-патриотическое просвещение народных масс об опасности шпионажа (июнь 1916 г.). Главный начальник Двинского военного округа, изыскивая более эффективные средства борьбы со шпионажем, предлагал привлекать к этому делу православное духовенство. Однако его участие в процессе формирования у народа «истинного представления о шпионской деятельности врага» и «оценки участия в шпионской деятельности русских подданных с нравственно-патриотической точки зрения» штабное руководство Северного фронта признало неприемлемым [21, л. 33]. Во-первых, священнослужители, призванные вести проповеди в храмах только на религиозные темы, не имели права беседовать с прихожанами о мирских проблемах и, в частности, о сущности шпионажа и том неочевидном вреде, который он способен принести русской армии. Но, гипотетически, обсуждение этих вопросов могло быть вынесено и в общественные места. В таком случае действия духовных лиц явно противоречили бы действующему административному законодательству о собраниях и квалифицировались как правонарушения. Во-вторых, духовенство, в силу своей неосведомленности о проблемах шпионажа и инструментах борьбы с ним, вряд ли могло стать компетентным «рупором просвещения». И, в-третьих, широкие народные массы, в большинстве своем не представлявшие агентурновербовочного интереса для вражеских разведок, не могли оказаться в фокусе духовно-нравственного просвещения. В этом не было объективной целесообразности.

5. Учет сводок об иностранном шпионаже (февраль 1917 г.). В ходе архивно-поисковых усилий нам встретились сводки агентурных сведений об организации шпионажа в Австрии (позже – Австро-Венгрии) против России по данным КРО штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта за №№ 2 и 7 (далее – Сводка) [22, л. 2, 52]. Они представляли систематизированные и объемные сборники сведений по организации австрийского шпионажа с поименным перечислением десятков расконспирированных агентов и их визуальными характеристиками. В них также указывались адреса и персонал разведшкол (имя, возраст, национальность, приметы, профиль деятельности и др.), их задачи, а также приемы профессионального перевоплощения воспитанников-выпускников. Эти Сводки и подобные им документы, в том числе по изучению деятельности кайзеровской разведки, издавались с интервалом один раз в год и предназначались армейским КРО для обмена практическим опытом и совершенствования приемов и методов борьбы с иностранным шпионажем. Сводки были призваны наметить меры, способствующие «затруднению и прекращению действий неприятельских тайных организаций, а равно и отдельных лиц...» [22, л. 15], отмечал вышеназванный полковник В. Н. Чернышев.

Причем названные Сводки не поступали в подразделения жандармской полиции, контрразведывательные данные которых также предусматривали в большинстве случаев лишь внутриведомственный оборот (как до эвакуации жандармских управлений в центр России, так и после нее). Наглядным тому доказательством, к примеру, являются циркуляры начальника варшавского губернского жандармского управления своим подчиненным, содержащие информацию о приметах австрийских и немецких шпионов, заброшенных в тыл русской армии, а также действовавших против нее разведцентров германской армии в Лодзи, Пржедборже, Мехове, Влоцлавске и Петрокове (январь – март 1915 г.) [22, л. 6, 25, 27, 36, 43, 62]. Тем временем наличие у контрразведчиков этих и аналогичных сведений могло стать условием дополнения, уточнения и корректировки все тех же Сводок.

Складывавшаяся практика избирательного сотрудничества главных органов по борьбе со шпионажем, обусловленная опасением «утечки» оперативно-значимой информации (также по причине мнимого шпионажа), а возможно, наличием и корпоративно-этических предрасудков или межличностных предубеждений, профессиональной замкнутости, не могла позволить в полной мере реализовать потенциал Сводок и, следовательно, поднять результативность выявления шпионов и их пособников на более высокий уровень.

6. Принудительное выселение гражданского населения из прифронтовой полосы (осень 1917 г.). Судя по телеграмме начальника штаба Северного фронта от 23 октября 1917 г., командующий 12-й армии предлагал выселить жителей из прифронтовой полосы «на десять верст впереди нашего (русского. – В. З.) сторожевого охранения» [1, л. 183]. Столь жесткая мера реагирования была продиктована экстренной потребностью армии в обеспече-

нии эффективного стандарта своей безопасности. Ввиду малочисленности штата контрразведывательного пункта 28-го армейского корпуса не представлялось возможным предупредить и пресекать болтливость и откровенность русских солдат, могущих дать агентам противника, «которые безусловно скрываются среди местных жителей, ценные сведения» [1, л. 183]. Вместе с тем, полагаем, фактор возможной политической нелояльности жителей прифронтовой полосы также учитывался военными. В их памяти еще сохранялись факты измены Родине отдельными русскоподданными и, прежде всего, из числа немцев (немецкие колонисты и др.), которые, по утверждению генерала Э. фон-Людендорфа, «особенно из Прибалтийского края, хорошо приняли германские войска» [13, с. 156].

Об обоснованности выселения жителей в глубокий тыл говорил и полковник Генерального штаба П. Ф. Рябиков². В своей лекции от 21 апреля 1917 г. «Контр-разведка» он даже обращался к иностранному опыту: «В полосе близкой к расположению частей, все жители должны быть точно зарегистрированы *или даже выселены (в Германии последнее всегда применяется)* (курсив наш. – В. З.)...» [2, л. 4]. О строгом контрразведывательном режиме немцев, например, в оккупированном Царстве Польском знали и в КРО штаба Двинского военного округа. Согласно разведдонесению от агента «Писателя» от 13 июня 1917 г., польское население обязали поменять русские паспорта на немецкие образцы с фотографиями их владельцев, также ему запрещалось разговаривать с германскими солдатами и повсюду расклеивались объявления «Остерегайтесь шпионов» [23, л. 57].

И все же, несмотря на важность такой превентивной меры, как выселение из прифронтовой полосы, ее незамедлительному и безболезненному претворению в жизнь могла помешать стремительно ухудшавшаяся внутрироссийская политическая ситуация (возникновение экзистенциальных угроз). Начиная с 1916 г., одна из основных угроз заключалась в необратимом процессе разложения тыловых и фронтовых воинских частей. Как верно подметил в своих мемуарах генерал-лейтенант Н. Н. Головин, быстрее всего шел процесс «разложения в солдатских массах Северного фронта, в непосредственном тылу которого находился главный очаг революции – Петроград. Второе место по своей "разлагаемости" занимали армии нашего (русского. – В. З.) Западного фронта, в тылу которого находился второй революционный центр – Москва» [6, с. 456].

В условиях последовавших перемен – стремительная радикализация и криминализация широких народных масс, февральский и октябрьский государственные перевороты и формирование новых органов центральной и местной политической власти – прибегать к столь радикальной и непопулярной среди населения мере, как выдворение, было попросту небезопасно. Возможно, в том числе и по этой причине руководство КРО управления генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта в своем ответном письме отклонило соответствующее предложение.

7. Контрдиверсионное информирование (август 1917 г.). Как видно из циркуляра начальника КРО штаба главнокомандующего Кавказским военным округом от 11 августа 1917 г., адресованного штабам Кавказского военного округа, Кавказской армии, 7-го отдельного Кавказского армейского корпуса и 1-го отдельного Кавказского кавалерийского корпуса, одной из главных задач агентов противника являлась диверсионная деятельность (приводятся примеры уничтожения путем поджогов в городах Энзели и Тифлисе 2500 пудов бензина, 150 пудов машинного масла и 9 боевых аэропланов) [23, л. 68]. В качестве реакции военных властей на произошедшее было предложено усилить меры противопожарного реагирования и пропускного контроля на военных заводах, а также контрразведывательного контроля за их рабочими и служащими на предмет вероятной причастности к диверсионным актам.

Циркуляр вышеназванного начальника КРО был распространен лишь в частях Кавказского военного округа, хотя столь важные сведения были бы полезны и для КРО других фронтов, округов, полевых армий и крепостей. Что же касается обмена данными о диверсионных атаках с жандармской полицией, то свидетельств наличия такой переписки нами не обнаружено. Жандармы также не спешили информировать военных, к примеру, о намерениях немецких шпионов пробраться весной 1915 г. в Варшаву и отравить пищу в офицерской кухне или же взорвать мосты близ Белостока и в Варшаве [1, л. 62, 64]. Не узнали контрразведчики и об имевшихся в Департаменте полиции МВД России данных о стремлении германцев к началу 1917 г. «...организовать покушения на наши (русские. – В. З.) военные заводы артиллерийского снабжения, суда и важнейшие железнодорожные сооружения, в особенности, на большие мосты» [3, л. 7].

² С осени 1915 г. Рябиков П. Ф. возглавлял разведывательное отделение штаба 6-й армии Северного фронта.

Возможной причиной профессиональной закрытости было желание жандармско-полицейского начальства самостоятельно реализовывать полученную оперативную информацию и, в случае успеха, претендовать на получение наград, чинов и других привилегий.

Как видно из содержания статьи, ряд армейских генералов и отдельные контрразведывательные подразделения Северного фронта проделали титанический труд, направленный на профилактику, предупреждение и пресечение германского и австрийского шпионажа. Каков же был конечный результат? Из семи изложенных выше МКРПШ, пожалуй, только одна была реализована в полном объеме – выявление скрытых угроз военной безопасности путем прослушивания телефонных разговоров и оповещение о подозрительных лицах органов контрразведки. Меньшая часть МКРПШ была осуществлена лишь фрагментарно. Речь идет, конечно же, об усилении бдительности военнослужащих 12-й армии на переднем крае, следствием чего стали неоднократные задержания потенциальных правонарушителей. Также важную, но неопределяющую роль сыграло внутриведомственное (среди разведывательных/контрразведывательных органов) информирование. Ежегодно формируемые и уникальные в своем роде Сводки, как, собственно, и донесения по линии обмена контрдиверсионными данными, а вместе с ними сведения о шпионаже от жандармских управлений, так и не стали достоянием всех заинтересованных силовых структур. Как и до войны, КРО не спешили делиться своими агентурными наработками с Департаментом полиции МВД, который, в свою очередь, занимался выявлением шпионов по остаточному принципу, а вот разоблачение революционеров считал первоочередной задачей. Остальные же меры были либо «мертво-рожденными», как, предположим, религиозное нравственно-патриотическое просвещение народа, либо неосуществимыми.

Почему большинство МКРПШ не получилось внедрить в практику обеспечения военной безопасности? Одна из причин видится в том, что подразделения контрразведки и, в частности, штаб 12-й армии, не располагали достаточным числом компетентных и опытных сотрудников, комплектовать которых, по сути, было неоткуда. Кадровое русское офицерство понесло невосполнимые потери в кровопролитных сражениях в Восточно-Прусской операции 1914 г., в ходе Великого отступления и кампании 1916 г. На смену погибшим, которые имели военное образование, боевой опыт и мотивацию на победу, а также, чуть позже, научились воевать по-новому («брусиловский прорыв»), приходили мобилизованные, в том числе немалая часть тех, кто не желал идти в бой, обученные «на скорую руку», «не обстрелянные», распропагандированные и уж тем более не пригодные в большинстве своем к особому роду деятельности – борьбе с неочевидными угрозами. При этом потребность в контрразведчиках ощущалась не только на фронте (например, для работы на фильтрационных пунктах), но и в тылу, где следовало пресекать случаи разглашения военных сведений, особенно в столице России.

Следующая причина неудач видится в отсутствии согласованности между Военным министерством и Департаментом полиции МВД. После оккупации Царства Польского и некоторых других российских территорий, функция обеспечения безопасности действующей армии была окончательно передана военной контрразведке. Ее органы действовали в условиях конспирации, а их сотрудничество с подразделениями политической полиции (обмен агентурными донесениями) носило лишь слабовыраженный характер. Со временем, когда в июле 1915 г. началось отступление русских армий на восток, к межведомственному недоверию добавилась и шпиономания. Гипертрофированные представления об измене, которая мерещилась везде – и в войсках, и в тылу, а также в высших политических и монархических кругах, – препятствовали выстраиванию взаимовыгодных отношений со «смежниками» из полицейского ведомства, в частности, по линии агентурной работы.

И последняя причина. По мере приближения к февралю и октябрю 1917 г. политическая обстановка накалялась не только в крупных городах страны, и в первую очередь, в Петрограде и Москве, но и на линии соприкосновения воюющих сторон. Поступательный и всеобъемлющий характер пролетаризации низших сословий, слом государственности, дезорганизация и дискредитация армии, антивоенные настроения поставили армейские КРО вне закона, лишив их властных полномочий и авторитета в народе и солдатской среде. Совокупность названных процессов не позволила контрразведке проводить мероприятия по пресечению шпионажа против действующей армии, в том числе под прикрытием населения, проживающего в районе ее дислокации.

И в заключение скажем, что, несмотря на грандиозный характер организаторских усилий и проектируемых мер, большая их часть была предпринята «вхолостую». А те МКРПШ,

которые показали свою эффективность, удалось реализовать лишь в масштабах Северного фронта. Причем из пяти его армий только 5-я (частично), 6-я и 12-я были задействованы в соответствующих мероприятиях против шпионов. Свидетельства о распространении названного опыта в частях 1-й и 2-й армий обнаружить не представилось возможным.

Список литературы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1662. Оп. 1. Д. 146.
2. ГАРФ. Ф. Р 5793. Оп. 1. Д. 69.
3. ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 169.
4. Гиленсен В. М. Вальтер Николаи – глава германской военной разведки во время первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 123–130.
5. Гиленсен В. М. Вальтер Николаи: человек-невидимка // Служба безопасности: новости разведки и контрразведки. 1998. № 5–6. С. 30–34.
6. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2014. 544 с.
7. Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2006. 480 с.
8. Зданович А. А. Как реконструировали контрразведку в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 50–58.
9. Зданович А. А. Организационное строительство отечественной военной контрразведки: 1914–1920 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 232 с.
10. Кирмель Н. С. Российская контрразведка в годы Первой мировой войны. М., 2022. 400 с.
11. Лубянка. Из истории отечественной контрразведки / В. С. Христофоров, Я. Ф. Погоний, В. К. Виноградов и др. 3-е изд., доп. М., 2007. 368 с.
12. Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки / Я. Ф. Погоний, В. К. Виноградов, А. А. Зданович и др. М., 1999. 360 с.
13. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с нем. А. А. Свечина, Г. П. Бляблина. М., 2024. 655 с.
14. Перегудова З. И. Политический сыск в России, 1880–1917 гг.: общероссийский и сибирский аспекты : дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 220 с.
15. Ратников Д. М. Разведка и контрразведка в Российской империи. М., 2005. 289 с.
16. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2031. Оп. 4. Д. 582.
17. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 491.
18. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1397.
19. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 93.
20. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 897.
21. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 300.
22. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 609.
23. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1349.
24. Таратута Ж. В., Зданович А. А. Таинственный шеф Мата Хари. Секретное досье КГБ № 21152. М., 2000. 352 с.

Counterintelligence response measures during the First World War

Zverev Vadim Olegovich

Doctor of Historical Sciences, associate professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy in the Activities of Internal Affairs Bodies, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Omsk. Email: zverevoma@mail.ru

Abstract. The article reveals a set of counterintelligence measures to respond to espionage (German and Austrian espionage) that were supposed to be implemented in the armies of the Northern Front. The relevance of the study is that the army counterintelligence agencies attempted to go beyond the generally accepted ideas about counterintelligence tools (secret employees, spies, "black offices") and to counter the enemy espionage system with original measures of struggle. The reconstructed military-historical events were based on extensive archival material, which indicates the scientific novelty of the article. Its goal is to systematize and chronologize measures to combat enemy agents, reveal their essence and determine the effectiveness in ensuring the protection of the security interests of the active army. The subject of the study is the countermeasures planned by the counterintelligence agencies of the armies of the Northern Front, namely: checking refugees for involvement in high treason, preventing the leakage of military information in Petrograd, the secret activities of the Riga telephone station, religious moral and patriotic education of the masses about the dangers of espionage, dissemination of reports on foreign espionage among security agencies, forced eviction of civilians from the frontline zone, counter-sabotage information. The result of the study was the determination of the degree of effectiveness of counterintelligence response measures. The author comes to the conclusion that most of them

remained on paper due to the small number and professional and personnel inadequacy of military counterintelligence, the failure of partnership relations between counterintelligence officers and the political police, as well as the decline in the authority of Russia's main special service among its army, state apparatus and society in 1917. For the same reasons, counterintelligence response measures took on a proactive nature and were implemented only in individual armies of the Northern Front. The results of the study are applicable in studying the history of special services and internal affairs agencies of the Russian Empire.

Keywords: counterintelligence, espionage, agents, secret officers, Russian army.

References

1. SARF (State Archives of the Russian Federation). F. 1662. Inv. 1. File. 146.
2. SARF. F. P 5793. Inv. 1. File. 69.
3. SARF. F. 1662. Inv. 1. File. 169.
4. Gilensen V. M. *Val'ter Nikolai-glava germanskoj voennoj razvedki vo vremja pervoj mirovoj vojny* [Walter Nicolai-head of German military intelligence during World War I] // *Novaja i novejšaja istorija* – Modern and contemporary history. 1998. No. 2. Pp. 123–130.
5. Gilensen V. M. *Val'ter Nikolai: chelovek-nevidimka* [Walter Nicolai: The Invisible Man] // *Sluzhba bezopasnosti: novosti razvedki i kontrrazvedki*-Security Service: Intelligence and Counterintelligence News. 1998. No. 5–6. Pp. 30–34.
6. Golovin N. N. *Rossija v Pervoj mirovoj vojne* [Russia in World War I]. M. 2014. 544 p.
7. Danilov Ju. N. *Velikij knjaz' Nikolaj Nikolaevich* [Grand Duke Nikolai Nikolayevich]. M. 2006. 480 p.
8. Zdanovich A. A. *Kak rekonstruirovali kontrrazvedku v 1917 godu* [How counterintelligence was reconstructed in 1917] // *Voenno-istoricheskij zhurnal*-Military History Journal. 1998. No. 3. Pp. 50–58.
9. Zdanovich A. A. *Organizacionnoe stroitel'stvo otechestvennoj voennoj kontrrazvedki: 1914–1920 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Organizational development of domestic military counterintelligence: 1914–1920 : diss. ... PhD in Historical Sciences]. M. 2003. 232 p.
10. Kirmel' N. S. *Rossijskaja kontrrazvedka v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian counterintelligence during the First World War]. M. 2022. 400 p.
11. Lubyanka. *Iz istorii otechestvennoj kontrrazvedki* [Lubyanka. From the history of domestic counterintelligence] / V. S. Khristoforov, Ya. F. Pogony, V. K. Vinogradov and others. 3-e supplemented, ed. M. 2007. 368 p.
12. Lubyanka, 2. *Iz istorii otechestvennoj kontrrazvedki* [Lubyanka, 2. From the history of domestic counterintelligence] / J. F. Pogonij, V. K. Vinogradov, A. A. Zdanovich. M. 1999. 360 p.
13. Ljudendorf Je. *Moi vospominaniya o vojne 1914–1918 gg.* [My memories of the war of 1914–1918] / transl. from German by A. A. Svechina, G. P. Blyablina. M. 2024. 655 p.
14. Peregudova Z. I. *Politicheskij sysk v Rossii, 1880–1917 gg.: obshherossijskij i sibirskij aspekty : dis. ... d-ra ist. nauk* [Political Investigation in Russia, 1880–1917: All-Russian and Siberian Aspects : diss. ... Doctor of Historical Sciences]. M. 2000. 220 p.
15. Ratnikov D. M. *Razvedka i kontrrazvedka v Rossijskoj imperii* [Intelligence and counterintelligence in the Russian Empire]. M. 2005. 289 p.
16. RSMHA (Russian State Military Historical Archive). F. 2031. Inv. 4. File. 582.
17. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 491.
18. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 1397.
19. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 93.
20. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 897.
21. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 300.
22. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 609.
23. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 1349.
24. Taratuta Zh. V., Zdanovich A. A. *Tainstvennyj shef Mata Hari. Sekretnoe dos'e KGB No. 21152* [The Mysterious Chief Mata Hari. Secret KGB File No. 21152]. M. 2000. 352 p.

Поступила в редакцию: 02.10.2024

Принята к публикации: 27.03.2025

Национальный вопрос и национально-государственное устройство России в идеологии ЛДПР в первой половине 1990-х гг.

Кищенко Михаил Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Ярославский государственный университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: mkishhenkov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов В. В. Жириновского и эволюции идеологии ЛДПР в сфере межнациональных отношений и национально-государственного устройства России в первой половине 1990-х гг. Распад СССР способствовал обострению межнациональных отношений и появлению сепаратизма в ряде регионов. В этой ситуации появление политика, выступавшего за сохранение единства государства и защиту русскоязычного населения, выглядит закономерным. Такой партией стала созданная в 1990 г. ЛДП Советского Союза. Изначально она выступала за сохранение советского государства и в поддержку армии и силовых структур. Основным врагом для партии в это время были сепаратистские движения и проявления дискриминации русскоязычного населения. Для борьбы с этим ЛДП предлагала все средства вплоть до силовых. Главной задачей ЛДП видела ликвидацию федеративного устройства и защиту русского этноса. В. В. Жириновский эффективно использовал смесь популизма и национализма для завоевания симпатий у избирателей. При этом в начале 1990-х наиболее актуальным для политика представлялось объединение русскоязычных в рамках России, сохранения за ней статуса великой державы. В. В. Жириновский предлагал проводить активную внешнюю политику в первую очередь на постсоветском пространстве, ставил вопрос об объединении всех русскоязычных регионов, как политически, так и экономически. Можно сделать вывод, что именно эта идеология в тот период стала популярной и позволила ЛДПР победить на выборах 1993 г. В дальнейшем В. В. Жириновский сохранял симпатии определенной части избирателей и приверженность ранее высказанным идеям.

Ключевые слова: В. В. Жириновский, национализм, межнациональные отношения, популизм.

Одним из неожиданных и побочных эффектов процесса Перестройки в СССР было обострение межнациональных противоречий и появление проблемы сепаратизма, как в виде стремления выйти из состава советского государства (республики Балтии, Грузия), так и в виде желания изменить границы между союзными республиками (конфликт между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха). Появление свободы слова, конкурентных выборов, общественно-политических движений стимулировало возникновение в сфере публичной политики совершенно новых тем для обсуждений, вопросов, ранее казавшихся решенными.

И одной из наиболее острых тем стала сфера межнациональных отношений, где скрытые проблемы, конфликты, требования стали явными и актуальными. Старт этому дал конфликт в Нагорном Карабахе (1988 г.), а также явное стремление к отделению ряда союзных республик. При этом и внутри РСФСР было не все благополучно. Во всех автономных республиках и округах стали возникать свои претензии к национальной политике и национально-государственному устройству. Требования выдвигались самые различные: от проблемы ассимиляции ряда этносов и сохранения и развития национальных языков до создания национально-культурных автономий, восстановления упраздненных ранее административных единиц, основанных по национальному признаку, или появления новых [15, л. 28–30].

Это не могло не вызвать обратной реакции среди тех общественных деятелей, кто на первое место ставил идею сохранения единого государства в рамках СССР и интересы русского этноса как государствообразующего для СССР и России. Парадоксально, но именно Перестройка и демократизация открыли возможность участия в публичной политике не только для демократических и антисоветских движений и политиков, но и для тех, чьи взгляды были гораздо правее и консервативнее официальной советской идеологии.

Теоретическую основу статьи составляют работы как отечественных, так и зарубежных историков и политологов, занимавшихся в том числе изучением ЛДПР. Из политологических исследований можно указать работы С. Е. Заславского и Ю. Г. Коргунюка, исследовавшего развитие партийной системы России в 1990-е гг. [4]. Г. В. Голосов в своих работах анализировал

развитие партийной системы, в том числе на региональном уровне. Историк А. Кудрина в своей диссертации подробно изучила национальный вопрос в программах политических партий России [2]. Можно отметить монографию Р. С. Пихои, освещающую историю России 1990-х гг., в том числе и в контексте политической жизни [13]. Оценка лидером ЛДПР наиболее острого политического кризиса той эпохи – чеченского, была изучена в статье ярославского исследователя Д. В. Тумакова [18]. Ф. С. Сосенков исследовал аспекты программы ЛДПР, посвященные государственному устройству России [17].

Переход к многопартийности привел к тому, что в политику пошли граждане совершенно разных и оригинальных политических взглядов [см: 2]. А обострение межнациональных отношений позволило ряду политиков разыграть национальную карту и вопрос о национально-государственном устройстве страны. Одним из таких политиков стал В. В. Жириновский, лидер ЛДП Советского Союза / ЛДПР, наиболее яркий и скандальный политик России и постсоветского пространства. Аспекты межнациональных отношений, положение русской нации, взаимоотношения с другими этносами стали визитной карточкой политика на многие годы, составили основу программы ЛДПР, стали поводом для симпатий у одних и острой критики у других граждан и политических сил и СМИ.

Интересно представить, как состоялось появление В. В. Жириновского в большой политике. Известный правозащитник А. Бабушкин оставил об этом яркие воспоминания, касающиеся общественной активности в Москве на рубеже 1980–1990-х гг. В частности, он писал: «На Манежной площади, еще не облагороженной новым зданием гостиницы «Москва» и подземным торговым комплексом, проходил митинг. Проводило его Московское объединение избирателей. Кажется, в поддержку одного из Народных Фронтов Прибалтики. И вдруг мое внимание привлекла небольшая толпа, которая на площади окружила какого-то мужчину с мегафоном. «Их нельзя поддерживать, – кричал мужчина с мегафоном, – если этот Народный Фронт придет к власти, то русским и русскоязычным не поздоровится. Я вступил с ним в горячий спор. Мужчину звали Владимир Вольфович Жириновский» [1].

В следующий раз дело чуть не закончилось дракой между В. В. Жириновским и наиболее агрессивными демократами. Но это не останавливало политика, по воспоминаниям А. Бабушкина: «Я видел Жириновского на Манежной площади раз десять. Я не был согласен с его суждениями. Но меня изумляли и восхищали его смелость и бесстрашие. Он один (тогда еще не было ЛДПСС, которая в 1991 г. стала ЛДПР) выходил во враждебную для него среду и говорил то, что думал, что хотел донести до людей, что считал важным для страны» [1]. Таким образом, наличие ораторского таланта, харизматических качеств, умения понимать настроения толпы позволили политику занять свое место на политической сцене на долгие годы и проявились эти качества уже на заре его карьеры.

И такие взгляды, выражавшие опасения распада СССР и возникновения угрозы для русскоязычного населения союзных республик, находили своих сторонников как среди граждан, так и представителей властей. Создание Либерально-демократической партии Советского Союза на рубеже 1989–1990 гг. проходило при явной симпатии, если не поддержке со стороны властей и ЦК КПСС. Как вспоминал сам В. В. Жириновский: «Горбачев говорит: "Крючков Владимир Александрович, ну хоть новые партии есть? Хоть одна партия?"... И Крючков докладывает: "Да, – говорит, – есть партия, которая не клеймит СССР, КГБ и армию". И называет: "Либерально-демократическая партия, председатель Жириновский"» [3]. Правда, активную помощь со стороны властей сам политик скорее отрицал. Тем не менее опубликованные после ГКЧП в прессе документы, найденные в здании ЦК КПСС, свидетельствовали о серьезном интересе к ЛДП со стороны властей и возможном финансировании предвыборной кампании лидера партии в 1991 г. [12, с. 23]. И во время событий августа 1991 г. ЛДП поддержала ГКЧП, выступила за сохранение СССР силовым путем, что позднее было крайне негативно оценено демократическими СМИ и создало В. В. Жириновскому образ защитника тоталитаризма. Сама же ЛДП СССР вскоре была запрещена и в следующем году была воссоздана под новым названием ЛДПР.

Первый съезд партии состоялся в марте 1990 г. В принятой программе главной задачей было сохранение СССР, защита прав всех народов, переход к многопартийности и рыночной экономике. Положения, касавшиеся прав национальностей, мало отличались от положений других политических сил и движений, не содержали каких-либо радикальных предложений [11]. Анализ программы партии показывает, что изначально национальный вопрос, видимо, не был главным для ЛДП. Первые выборы президента РСФСР в 1991 г., в которых В. В. Жириновский принял участие, позиционировали его скорее как политика популиста, но уже пытавшегося представить себя защитником русского населения, противником его дискриминации [3].

Последовавший затем распад СССР, переход к новой политической ситуации, резкое обострение межнациональных противоречий как в бывших республиках СССР, так и внутри самой России, заставили В. В. Жириновского усилить внимание к новым проблемам для завоевания симпатий электората. Именно в 1991–1993 гг. были выработаны основные положения программы ЛДПР, основные тезисы, ставшие своего рода рекламными слоганами В. В. Жириновского как публичного политика. И национальный аспект играл в них не последнюю роль.

Рассмотрим подробнее, что же именно предлагал политик в плане национально-государственного устройства России в то время. Изначально ЛДП крайне негативно восприняла распад СССР и Беловежские соглашения. В. В. Жириновский был участником ряда митингов против распада Союза, проходивших в Москве зимой 1991–1992 гг. При этом он видел задачу не в воссоздании СССР, а в создании российского государства путем включения в него всех территорий, населенных русскоязычными гражданами. Впрочем, силового варианта партия не предлагала, ставя во главу угла экономическую интеграцию, выгодную всем бывшим республикам. Наибольший интерес в этом плане В. В. Жириновский проявлял к Украине и Белоруссии, считая их наиболее славянскими и близкими к России странами СНГ. Стоит отметить, что политик негативно относился к республикам Балтии, обвиняя их в дискриминации русскоязычного населения и грозя в ответ применить все, вплоть до военной силы [11, с. 16].

Так, ЛДПР предлагала отказаться от федеративного принципа административно-территориального устройства, перейдя от федерации к унитарному государству. Нужно было создать один вид субъектов государства – губернии – без какого-либо национального признака, отказаться от приоритетности развития коренных этносов в пользу государствообразующего народа – русского. Иные же национальности могут ограничиться правом на национально-культурную автономию и развитие своего языка не в ущерб русскому [8, с. 251].

При этом финансирование развития национальных культур и языка должно быть исключительно за счет тех, кому это нужно, без участия государственного бюджета. Как отмечает исследователь, «принципиальным для ЛДПР является отказ от любых привилегий и преимуществ, предоставляемых по национальному признаку, независимо от того, идет ли речь о защите национальных меньшинств или коренных малочисленных народах Севера» [8, с. 251]. Интересно, что именно это предложение изначально содержалось в программе ЛДП и позднее неоднократно вновь производилось в партийных документах.

Как отмечал сам В. В. Жириновский: «Я не знаю ни одной страны мира, где бы внутри было деление по национальному признаку. Тогда это не государство – государство едино как территория. А если внутри называют еще государство, то есть вид типа матрешки – оно рассыплется» [17, с. 245]. Следовательно, главной задачей политик видел ликвидацию национальных субъектов России, и как можно быстрее, в 1994 г. он требовал немедленно закрыть все национальные регионы и восстановить их в виде губерний, запретив давать названия регионам по этническому признаку. Это стало одним из основных пунктов программы ЛДПР на долгие десятилетия: «Действующие границы субъектов Российской Федерации созданы искусственно, без учета национальных, исторических и экономических факторов. Россия должна быть преобразована из федеративного в унитарное государство без каких-либо национальных республик или национальных округов как субъектов государства» [14]. Политику казалось бессмысленным существование регионов с населением в несколько десятков тысяч человек (это, как правило, были национальные субъекты) и он предлагал их ликвидировать с точки зрения экономии бюджета.

Также лидер ЛДПР выступал за подавление всех видов сепаратизма и запрет на выход субъектов России из ее состава. Характерно, что несмотря на свое положение как оппозиционной партии по отношению к Б. Н. Ельцину и его политике, ЛДПР полностью поддержала силовую операцию в Чечне в 1994 г. и всячески поддерживала действия силовых структур. Как отмечает исследователь Д. В. Тумаков, «публичная поддержка силовых действий Кремля на Кавказе со стороны ЛДПР обуславливалась следующими факторами. Во-первых, либеральные демократы позиционировали себя в роли защитников русских на постсоветском пространстве, а также выразителей интересов работников различных силовых структур страны» [18, с. 33]. При этом В. В. Жириновский считал, что Россия должна доминировать в Кавказском регионе и на Ближнем Востоке, следовательно, «в брошюре «Последний бросок на Юг», вышедшей за год до начала первой Чеченской войны и получившей немалый общественный резонанс, отстаивал идею прихода России на Ближний и Средний Восток с целью ликвидации угрозы глобальной войны» [18, с. 34]. В дальнейшем политик выступал за ликвидацию Чечни

как субъекта федерации и заселения ее земель русскими. Впоследствии ЛДПР всячески поддерживала военных и силовиков, защищала их от претензий со стороны демократических партий, правозащитников и СМИ.

Затем ЛДПР и ее лидер постоянно обращали внимание к русскому народу, его заслугам перед государством и имеющимся у него проблемами и трудностями. Здесь они не скупились на похвалы, называя русских титульным этносом, основой государства, предлагая принцип, что хорошо для русских, хорошо и для остальных. Следовательно, в первую очередь государство должно удовлетворять интересы русского народа. Нужно начать с закрепления в Конституции соответствующей преамбулы, где имеется консолидирующий характер русских и их роль в истории России [17, с. 245]. Также требуется создать льготные условия для переселения этнических русских из бывших республик СССР и одновременно ограничить миграцию иных национальностей. В. В. Жириновский всячески подчеркивал, что проводимая экономическая политика несправедлива к русским регионам, что нужно прекратить помогать национальным окраинам и обратить внимание на русские субъекты федерации [14, с. 246].

Не чужд был политик и теорий заговора, так партия разделяла точку зрения о существовании «мирового заговора против славянского народа», в соответствии с которым «планируется окружить Россию китайцами, мусульманами, немцами, прибалтами и затем, сжимая кольцо, за ближайшие 50 лет полностью покончить с русскими» [9]. В итоге на съезде ЛДПР в 1994 г. было объявлено о создании «всемирного конгресса славянских народов» для защиты славян от врагов. Председатель Русского национального собора Александр Стерлигов – глава «общеславянского правительства», а В. В. Жириновский был провозглашен главой «общеславянского парламента» [7].

В 1992–1993 гг. лидер ЛДПР много и активно ездил по России, встречался с населением и журналистами, охотно раздавал интервью, где критиковал экономический и политический курс Б. Н. Ельцина, политику правительства, предлагал собственные решения имеющихся проблем и постепенно завоевывал известность и симпатии. В марте – апреле 1993 г. он принимал участие в митингах в Москве, где спорил со сторонниками президента и политиками-демократами, тем самым увеличивая свою известность и популярность.

Стоит отметить, что демократическая пресса изначально относилась к В. В. Жириновскому негативно, называя его фашистом и реваншистом, открыто опасалась его прихода к власти. Характерно, как о нем писал в 1992 г. журнал «Огонек»: «Скандальный политик эпохи тотального скандала. Писать о нем одно удовольствие. Убийственная ирония и трагический пафос – годится все. И главное, одинаково нравится самому Жириновскому» [12, с. 22]. Журналисты называли его защитником тоталитаризма и сравнивали с европейскими крайне правыми политиками. Звучали опасения, что приход ЛДПР к власти может привести к самым трагичным последствиям.

Возможно, он так бы и остался всего лишь ярким общественным деятелем, не имевшим реальной власти, но все изменили трагические события осени 1993 г. Распуск прежнего парламента и проведение новых выборов по избирательной схеме с использованием партийных списков стали огромным подспорьем для ЛДПР. Именно В. В. Жириновский провел самую яркую избирательную кампанию среди всех политических партий и добился неожиданного успеха. ЛДПР заняла первое место и получила 23 % голосов избирателей 12 декабря 1993 г. [5]. Кампанию политик выстроил путем покупки на телевидении времени на прямое обращение к избирателям и максимально эффективно его использовал.

Стоит отметить, что в ходе кампании В. В. Жириновский скорее выступал как политик популист, обещавший всем избирателям то, что они хотят, а национальный вопрос поднимал сравнительно мало по сравнению с более ранними заявлениями [13, с. 481]. Зато появился образ России как великой державы, которая обязана играть ведущую роль в мировой политике, защищать права русскоязычных и содержать максимально мощные вооруженные силы. Именно они способны стать основой ее притязаний на мировой арене [16, л. 1].

В предвыборной агитации В. В. Жириновский обещал присутствие русского флота в Индийском океане, обвинял США в обмане руководства СССР и требовал воссоздать Россию в рамках советского государства, обещал завести моторы танков, чтобы содрогнулась планета [16, л. 1]. При этом надо учесть, что после распада СССР внутренние враги (сепаратисты) стали внешними, обретая независимость и власть в бывших союзных республиках. Следовательно, дискурс В. В. Жириновского несколько сместился с внутренних врагов на внешних, нападки политика на западные страны привлекли внимание мировых СМИ, тем более он активно ездил в Европу и контактировал с европейскими крайне правыми политиками.

Итоги выборов стали неприятным сюрпризом как для власти, так и для общественности. Уже 14 декабря 1993 г. ряд политиков решили создать антифашистский фронт, направленный против ЛДПР [6]. Телевидение крайне негативно представляло В. В. Жириновского, демонизируя его образ и взгляды. Но в итоге это только работало на его популярность и позволило занять свою нишу в российской политике. Играло тут свою роль и то, что лидер ЛДПР действовал исключительно в легальном поле, умело сочетая националистические призывы с их дальнейшим дезавуированием, не позволяя крайним идеям взять перевес в общей идеологии партии.

Таким образом, как отмечает современный исследователь Ф. С. Сосенков, «позицию ЛДПР и В. В. Жириновского относительно вопросов государственного единства можно охарактеризовать как нечто среднее между национализмом и консерватизмом. Националистическая риторика в программных документах и выступлениях лидера ЛДПР просматривается достаточно четко. Вместе с тем и программа ЛДПР и позиции В. В. Жириновского за некоторыми исключениями не дают повода обвинять партию в национальной дискриминации других народов» [17, с. 246]. Впрочем, последний тезис представляется несколько спорным в силу весьма экспрессивных и неоднозначных высказываний политика.

Анализируя эволюцию программы ЛДП и В. В. Жириновского первой половины 1990-х, можно отметить, что изначально наиболее радикальным положением было требование перехода от федеративного к унитарному устройству, ликвидации национальных регионов и поддержки русских как основного этноса государства. Распад СССР радикализировал взгляды лидера ЛДПР, способствовал появлению в его высказываниях образа противника в лице руководства окружающих государств, желающих распада России, способствовал укреплению идеи о России как о великой державе.

Подводя итог, можно отметить, что В. В. Жириновский имеет определенные заслуги перед российском обществом. Во-первых, он увел с улиц граждан осенью 1993 г. и привел их на избирательные участки, снизив риски нового силового противостояния. Во-вторых, он собрал крайне правый электорат, не позволив ему уйти к откровенным радикалам, и направил его энергию в мирное русло. В-третьих, поднял вопрос о положении русскоязычного населения на постсоветском пространстве, пусть и в скандальной форме. А в целом он смог занять свою нишу в российской политике, аккумулировав протестные настроения, привлекая внимание общества смесью популизма, великодержавничества и национализма.

Список литературы

1. Бабушкин А. В. Памяти Владимира Жириновского. URL: <https://an-babushkin.livejournal.com/1421804.html> (дата обращения: 10.10.24).
2. Голосов Г. В. Партийные системы России и стран Восточной Европы: генезис, структуры, динамика. М., 1999. 152 с.
3. Жириновский В. В. С кем-то объединяются только слабые. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1878378> (дата обращения: 10.10.24).
4. Заславский С. Е., Коргунюк Ю. Г. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. URL: http://www.partinform.ru/ros_mn/rm_6.htm (дата обращения: 10.10.24).
5. Коммерсант. 14.12.1993. № 240.
6. Коммерсант. 16.12.1993. № 242.
7. Коммерсант. 05.04.1994. № 60.
8. Кудрина А. М. Национальный вопрос в программах и тактике российских политических партий и общественных движений: 1992–1996 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002. 297 с.
9. Либерально-демократическая партия России. URL: <http://www.panorama.ru/works/vybory/party/ldpr.html>. (дата обращения: 10.10.24).
10. Либерально-демократическая Партия Советского Союза. Документы и материалы. М., 1991. 61 с.
11. Огонек. 1991. № 37. С. 16–17.
12. Огонек. 1992. № 2. С. 22–24.
13. Лихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. М., 2007. 554 с.
14. Программа Либерально-демократической партии России. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR.html. (дата обращения: 10.10.24).
15. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 100. Оп. 5. Д. 408.
16. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 662. Оп. 3. Д. 85.
17. Сосенков Ф. С. ЛДПСС – ЛДПР о единстве России: политико-правовые позиции и законодательные идеи // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2017. № 53. С. 234–248.

18. Тумаков Д. В. Первая чеченская война 1994–1996 гг. в оценках российской политической элиты постсоветской эпохи (на материалах либерально-демократической партии России) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2021. № 3. С. 33–37.

The national question and the national-state structure of Russia in the ideology of the LDPR in the first half of the 1990s

Kishchenkov Mikhail Sergeevich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the department of political science and sociology, Yaroslavl State University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: mkishhenkov@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the views of V. V. Zhirinovskiy and the evolution of the LDPR ideology in the sphere of interethnic relations and the national-state structure of Russia in the first half of the 1990s. The collapse of the USSR contributed to the aggravation of interethnic relations and the emergence of separatism in a number of regions. In this situation, the emergence of a politician who advocated the preservation of the unity of the state and the protection of the Russian-speaking population seems natural. The LDPR of the Soviet Union, created in 1990, became such a party. Initially, it advocated for the preservation of the Soviet state and in support of the army and security forces. The main enemy for the party at that time was separatist movements and manifestations of discrimination against the Russian-speaking population. To combat this, the LDPR proposed all means, including force. The LDPR saw the main task as the elimination of the federal structure and the protection of the Russian ethnic group. V. V. Zhirinovskiy effectively used a mixture of populism and nationalism to win the sympathies of voters. At the same time, in the early 1990s, the most pressing issue for the politician was the unification of Russian-speakers within Russia, preserving its status as a great power. V. V. Zhirinovskiy proposed to pursue an active foreign policy, primarily in the post-Soviet space, and raised the issue of uniting all Russian-speaking regions, both politically and economically. It can be concluded that it was this ideology that became popular at that time and this allowed the LDPR to win the 1993 elections. In the future, V. V. Zhirinovskiy retained the sympathies of a certain part of voters and commitment to previously expressed ideas.

Keywords: V. V. Zhirinovskiy, nationalism, interethnic relations, populism.

References

1. Babushkin A. V. *Pamyati Vladimira Zhirinovskogo* [In the memory of Vladimir Zhirinovskiy]. Available at: <https://an-babushkin.livejournal.com/1421804.html> (date accessed: 10.10.24).
2. Golosov G. V. *Partijnye sistemy Rossii i stran Vostochnoj Evropy: genezis, struktury, dinamika* [Party systems of Russia and Eastern European countries: genesis, structures, dynamics]. M., 1999. 152 p.
3. Zhirinovskij V. V. *S kem-to ob'edinyayutsya tol'ko slabye* [Only the weak unite with someone]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1878378> (date accessed: 10.10.24).
4. Zaslavskij S. E., Korgunyuk Yu. G. *Rossiyskaya mnogopartijnost': stanovlenie, funkcionirovanie, razvitie*. [Russian multi-party system: formation, functioning, development]. Available at: http://www.partinform.ru/ros_mn/rm_6.htm (date accessed: 10.10.24).
5. *Kommersant* – Businessman. 14.12.1993. No. 240.
6. *Kommersant* – Businessman. 16.12.1993. No. 242.
7. *Kommersant* – Businessman. 05.04.1994. No. 60.
8. Kudrina A. M. *Nacional'nyj vopros v programmah i taktike rossijskih politicheskikh partij i obshchestvennykh dvizhenij: 1992–1996 gg. : dis. ... kandidata istoricheskikh nauk* [The national question in the programs and tactics of Russian political parties and public movements: 1992–1996 : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M., 2002. 297 p.
9. *Liberal'no-demokraticheskaya partiya Rossii* [Liberal Democratic Party of Russia]. Available at: <http://www.panorama.ru/works/vybory/party/ldpr.html>. (date accessed: 10.10.24).
10. *Liberal'no-demokraticheskaya Partiya Sovetskogo Soyuza. Dokumenty i materialy* [Liberal Democratic Party of the Soviet Union. Documents and materials]. M., 1991. 61 p.
11. *Ogonek* – Twinkle. 1991. No. 37. Pp. 16–17.
12. *Ogonek* – Twinkle. 1992. No. 2. Pp. 22–24.
13. Pihoya R. G. *Moskva. Kreml'. Vlast'*. [Moscow. Kremlin. Power.] M., 2007. 554 p.
14. *Programma Liberal'no-demokraticheskoy partii Rossii* [Program of the Liberal Democratic Party of Russia]. Available at: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR.html (date accessed: 10.10.24).
15. RSAMH (Russian State Archive of Modern History). F. 100. Inv. 5. File 408.
16. RSASPH (Russian State Archive of Social and Political History). F. 662. Inv. 3. File 85.
17. Sosonkov F. S. *LDPS – LDPR o edinstve Rossii: politiko-pravovye pozicii i zakonodatel'nye idei* [LDPSU – LDPR on the unity of Russia: political and legal positions and legislative ideas] // *Vestnik Volzhskoj Gosudarstvennoj Akademii Vodnogo Transporta – Herald of Volga State University of Water Transport*. 2017. No 53. Pp. 234–248.

18. Tumakov D. V. *Pervaya chechenskaya vojna 1994–1996 gg. v ocenkah rossijskoj politicheskoy elity postsovetskoj epohi (na materialah liberal'no-demokraticeskoy partii Rossii)* [The First Chechen War of 1994–1996 in the assessments of the Russian political elite of the post-Soviet era (based on materials from the Liberal Democratic Party of Russia)] // *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoricheskie i filologicheskie nauki – Herald of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences*. 2021. No 3. Pp. 33–37.

Поступила в редакцию: 21.10.2024

Принята к публикации: 11.02.2025

Состояние и деятельность судебных органов Сибири в конце 1930-х гг. (по материалам Новосибирской области)

Кузнецов Денис Евгеньевич

кандидат исторических наук, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0009-0002-7528-1823.
E-mail: goodjobman@inbox.ru

Аннотация. В статье освещается общее состояние и результаты деятельности судебных органов Сибири на примере Новосибирской области в конце 1930-х гг., их трансформация в связи с принятием Конституции СССР 1936 г. и Закона о судостроительстве СССР 1938 г., а также в контексте партийного курса на «восстановление законности». Об актуальности исследования говорит непрерывающийся процесс развития судопроизводства в России и совершенствования судебной системы, вступивший в активную фазу с февраля 2022 г. Цель исследования заключается в анализе деятельности системы судебных органов Сибири на примере Новосибирской области в период трансформации судебной системы СССР в конце 1930-х гг. Предпринимается попытка на основе опубликованных материалов и неопубликованных ранее архивных источников проанализировать структуру, численность и состав региональных судебных органов; уровень образования, профессиональной и юридической подготовки судебных работников; основные направления деятельности, количественные показатели и результаты работы; выполняемые специфические задачи и несвойственные функции. Внимание акцентировано на недостатках в функционировании судебных органов, препятствующих качественному отправлению правосудия, а также объективных и субъективных причинах, в результате которых они стали возможны. Приводятся примеры из судебной практики, иллюстрирующие общее положение дел и складывающиеся тенденции. Автором сформулированы выводы об общем состоянии судебных органов в исследуемый период. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке и чтении курсов по отечественной истории и, в частности, истории правоохранительных органов, а также в ходе дальнейшего реформирования судебной системы России.

Ключевые слова: органы юстиции, Сибирь, Областной суд, народный суд, судебная система.

Конституция СССР, утвержденная Президиумом чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР, и Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, принятый 16 августа 1938 г. Верховным Советом СССР, существенно трансформировали судебную систему страны, закрепив не только единую систему судов, но и провозгласив независимое положение судей и их подчиненность «только закону». Дальнейшая серьезная работа по воплощению в жизнь принятых положений была организована и протекала в различных регионах СССР по-разному.

В этой связи интерес представляет общее состояние и деятельность судебных органов Сибири в 1938–1939 гг. На примере Новосибирской области, избранной в качестве анализируемого региона как одного из наиболее крупных административно-территориальных образований, имевшего на своей территории крупную угольную, золотую, металлообрабатывающую и лесную промышленности, а также ряд рабочих городов и поселков с большим количеством населения и районы, расположенные от центра в тысячи и более километров [6, л. 179], с широкой сетью судов и судебных органов, имевших, в том числе, большое политическое значение, наглядно прослеживаются как общесоюзные черты, так и частные региональные особенности, характерные исключительно для исследуемой области.

Актуальность темы обусловлена тем, что совершенствование судопроизводства в Российской Федерации и развитие судебной системы продолжается, в активной фазе с февраля 2022 г. находится процесс пересмотра законодательства, в частности уголовного, административного, гражданского. В этой связи законодателю и юридическому сообществу целесообразно обратиться к опыту становления и развития современной судебной системы, детальное изучение которого позволяет проследить множество параллелей с текущей ситуацией, а также поможет избежать ошибок и недочетов при реализации избранного ныне курса. Кроме того, углубленный анализ истории развития судебной системы способствует уточнению отдельных аспектов истории правоохранительных органов нашего государства.

Методологически исследование базируется на традиционных исторических методах, а также методе системного анализа, позволяющего анализировать происходившие события в контексте существовавшей общественно-политической системы, а также методы сопоставления и взаимопроверки сведений различных источников, принцип отбора документов, метод количественного анализа явлений, реализованный в форме анализа динамики общественных процессов на основе статистического материала.

Территориально исследование охватывает Новосибирскую область в границах, определенных после разукрупнения Западно-Сибирского края в конце 1937 г.

Хронологически исследование охватывает период конца 1930-х гг., когда вследствие принятия нового Основного закона судебная система страны существенно трансформировалась, в результате чего был начат процесс практической реализации новых законодательно закрепленных положений.

Исследование базируется на материалах Государственного архива Новосибирской области, а также научных трудах, раскрывающих отдельные аспекты деятельности судебных органов Сибири и общее состояние судебной системы СССР.

Структура судебных органов Новосибирской области в конце 1930-х гг. была встроена в общесоюзную систему судов, построенную с учетом политико-административного деления страны, и полностью соответствовала ей. Основной структурной единицей судебной системы Новосибирской области, как и в других регионах РСФСР, являлся народный суд, наиболее тесно взаимодействовавший с населением, по причине того, что в его компетенцию входило рассмотрение большинства уголовных и гражданских дел. Формировались они в административных районах и городах с учетом масштабов обслуживаемой территории и численности проживающего на ней населения и действовали в составе народного судьи и двух народных заседателей [15, с. 94].

Следующей структурной единицей выступал Областной суд, рассматривавший дела, выходившие за пределы компетенции народных судов, а также выступавший вышестоящей инстанцией по отношению к народным судам. В составе суда действовали коллегии по уголовным и гражданским делам [13, с. 286–288]. Основное внимание в практической работе Областного суда было направлено на исправление грубейших ошибок (недочетов), допущенных в практической работе, в частности: борьба с неосновательным осуждением и привлечением к уголовной ответственности, некритический подход к проверке данных предварительного следствия, борьба с упрощенчеством и игнорированием законов [6, л. 167].

В области функционировало Управление народного комиссариата юстиции (НКЮ), наделенное широкими полномочиями в сфере организации условий для эффективной работы региональной судебной системы, в частности, решение всех основных вопросов, кроме рассмотрения конкретных дел, чтобы суд концентрировал свое внимание исключительно на судопроизводстве. Кроме того, им осуществлялась кодификация законодательства, руководство деятельностью нотариата и коллегии защитников [5, л. 49]. Полномочия Управления НКЮ были закреплены в Положении о Народном комиссариате юстиции СССР от 15 июня 1939 г. [3, с. 36; 7, с. 13]. Подобная модель судебного управления функционировала на протяжении более 20 лет [2, с. 8].

В масштабах республики высшим судебным органом являлся Верховный суд РСФСР, который по отношению к областным и им соответствовавшим судам выполнял надзорную и кассационную функции, рассматривал по существу оспариваемые приговоры указанной категории судов. Верховный суд СССР, наряду со специальными судами, выступал общесоюзным и имел соответствующие полномочия и компетенцию [1, с. 105–106].

В 1938 г. судей Новосибирского Областного суда насчитывалось 36, из них женщин было 9. Все судьи Областного суда были партийными. Большинство имело стаж работы в суде свыше 3 лет – 19 человек, стаж работы от 1 года до 3 лет имели 7 судей, менее года работало 10 человек [6, л. 28].

Штат народных судей Новосибирской области насчитывал 140 единиц, по количеству участков народных судов. По списку судей значилось 136. Некомплект в 4 единицы образовался за счет вновь открывшихся народных судов. В числе народных судей насчитывалось 32 женщины. По социальному составу в судейском корпусе существенно преобладали служащие, рабочих насчитывалось менее трети, к крестьянам относились единицы. По партийному составу более двух третей составляли члены ВКП (б), остальные являлись либо кандидатами в ВКП (б), либо членами ВЛКСМ. Беспартийных не было [6, л. 27].

После пересмотра сети дислокации участков, 28 ноября 1938 г. Президиум Облсисполкома утвердил проект сети народных судов в 159 участков, с увеличением на 19 участков [6, л. 33]. В первом полугодии 1939 г. был добавлен еще один участок, в общей сложности из 160 участков народного суда функционировало 155, по причине некомплекта 5 судей [6, л. 80].

К середине 1939 г. штатно-списочная численность судебных органов Новосибирской области выглядела следующим образом: Управление НКЮ – по штату 19 должностей, на все назначены должностные лица; Областной суд – по штату 30 должностей, из которых замещены 28; народные суды – по штату 160 должностей, из которых замещены 155 [6, л. 77].

Комплектование народных судов и создание резерва осуществлялось главным образом за счет слушателей правовой школы, которая за 9 месяцев 1938 г. дала 21 человека. В октябре 1938 г. по окончании 6-месячных юридических курсов были выдвинуты с практической судебной работы 5 человек. В резерве состояло 13 человек, из которых половина выдвинута районными и городскими парторганизациями после окончания 3-месячных курсов, часть замещали должности судебных исполнителей и заведующих нотариальными столами и проходили обучение на 6-месячных курсах [6, л. 13 об.]. С ноября 1939 г. начала работу годичная правовая школа, где обучался 101 человек, из которых 26 намечено было использовать в судебной работе [6, л. 138].

Вместе с тем качество обучения на организуемых курсах далеко не всегда проходило на должном учебно-методическом уровне. Так, выявлялись случаи, когда на семинарах по криминалистике мог преподаваться уголовный процесс [5, л. 32 об.].

6-месячные курсы «прогонялись» за 2 месяца, сокращая при этом изучение гражданского права и криминалистики [5, л. 33]. Прошедшие обучение распределялись и назначались на ответственные должности, фактически не всегда имея достаточную квалификацию для выполнения должностных обязанностей. Несмотря на то, что в конце 1930-х гг. ситуация с правовой подготовкой судей несколько выравнивалась, общее положение дел оставалось неудовлетворительным [13, с. 333]. К осени 1938 г. из 136 народных судей имели юридическую подготовку 94, или 69 %, 30 находились в процессе обучения на очных и заочных юридических курсах, 2 юридической подготовки не имели и обучение не начали [6, л. 27]. Уровень образования народных судей не был одинаков: высшее юридическое образование имелось у 4, высшие юридические курсы окончил 1, областные юридические курсы – 41, правовую школу – 33, без юридического образования оставались 25 [6, л. 13]. На начало 1939 г. 27 % народных судей исполняли свои обязанности, не имея юридической подготовки, что, однако, все равно являлось достаточно низким показателем, с учетом характера и свойств выполняемых ими обязанностей [6, л. 58].

К середине 1939 г. высшее юридическое образование имелось только у 10 % судей Областного суда, 21 % работников Управления НКЮ, 2 % народных судей. В то же время выполняли обязанности без юридического образования 16 судей Областного суда, 12 работников Управления НКЮ, 48 народных судей, а также подавляющее большинство судебных исполнителей [6, л. 77–78]. Так, заместитель председателя Областного суда Садков И. Д. и члены суда Краснов А. Н. и Лобанов А. А., несмотря на наличие внушительного стажа работы, юридического образования не имели. Основной причиной освобождения от занимаемых должностей судей Областного суда выступало то, что они не справлялись с работой; могли быть переведены в народные судьи, коллегия защитников, помощников областного прокурора [6, л. 43–48].

Работа по комплектованию вакантных мест осуществлялась при активном участии РК ГК ВКП(б), а также под фактическим руководством со стороны секретарей Новосибирского Обкома ВКП(б) [6, л. 14].

Результаты работы судебных органов Новосибирской области в исследуемый период неоднократно оценивались как низкие. Так, исходя из позиции начальника Управления НКЮ РСФСР по Новосибирской области Марченкова, работа судебных органов за второе полугодие 1938 г. являлась неудовлетворительной и имела грубые нарушения по ряду вопросов. Вместе с тем он же отмечал, что недочеты были учтены и план работы на 1939 г. составлялся с учетом их ликвидации [6, л. 70].

Причинами данного положения выступали как объективные, так и субъективные факторы. К первой группе причин следует отнести тот факт, что в конце 1930-х гг. народные суды не справлялись с объемами работы, что стало следствием, с одной стороны, количества и характера выполняемых задач, с другой – неукомплектованности участков судьями [13, с. 299], что приводило к снижению качества рассмотрения дел, «упрощенчеству» и «штамповке» при вынесении приговоров.

Подтверждают сказанное данные статистики, раскрывающие колоссальные объемы проводимой работы: Областной суд в течение 1938 г. рассмотрел 23 022 дела, из них уголовных дел первой инстанции – 885; гражданских дел по первой инстанции – 405; уголовных кассационных – 9799; гражданских кассационных – 11 933 [6, л. 28].

Всего за 1938 г. в суды поступило 32 723 уголовных дела и 125 067 гражданских; окончено в течение года было 34 144 уголовных дела, 128 439 гражданских. В среднем в месяц в народные суды поступало 14 421 дело, или 103 дела на 1 участок. Сроки рассмотрения дел составляли: до 10 дней – 38,8 %, до 1 месяца – 36,8 %, свыше месяца – 24,4 %. За 1938 г. было осуждено 18 045 человек, оправдано – 3295, прекращено уголовных дел – 5040. Приговорено к лишению свободы – 44,6 %, к исправительно-трудовым работам – 34,4 %, к прочим мерам – 21 % [6, л. 27–28, 35].

Результаты работы народных судов имели неудовлетворительную оценку. Приведем данные рассмотрения дел Областным судом по кассационным жалобам на решения народных судов: по гражданским делам было оставлено в силе 53,6 %, отменено с передачей на новое рассмотрение – 36,1 %, прекращено – 10,3 %. По уголовным делам в силе было оставлено 46,1 %, отменено с передачей на новое рассмотрение – 18,3 %, прекращено – 35,6 % [6, л. 28].

Качество решений народных судов оставалось низким, не изжито было упрощенчество, часто дела разрешались в отсутствие ответчиков, недостаточно исследовались обстоятельства дел. Неряшливо и безграмотно велись протоколы и составлялись решения, положения закона игнорировались, решения не обосновывались законом [6, л. 163]. Имело место применение в приговорах судов фраз, неправильных юридически, носящих оскорбительный для подсудимых характер. Встречались случаи, когда судьи могли озвучить одно решение, а в решении написать совсем другое [5, л. 35, 47].

Одновременно отмечались недочеты в карательной политике народных судов по отдельным категориям дел, в частности, по делам о хулиганстве, о растратах, в делах, связанных с уборкой урожая, по делам о спекуляции, при рассмотрении исков об алиментах [6, л. 60–63 об., 215].

Помимо текущей работы, судебным органам поручалось выполнение иных ответственных задач. Так, судьи регулярно привлекались к работе в разнообразных комиссиях, например, по проверке кадров [6, л. 35 об.].

В 1937 и 1939 гг. специально созданная комиссия производила пересмотр дел в отношении осужденных лиц колхозов и советского колхозного актива за период 1934–1937 гг. На 10 февраля 1939 г. общее количество дел, заключенных по 53-м районам области и Нарымскому окружному суду, составляло 5614 на 7947 человек [6, л. 7–7 об.]. Отдельным направлением работы в исследуемый период стала работа судебных органов в связи со всесоюзной переписью населения 1939 г. [8].

С принятием Закона о судеустройстве народные судьи стали подотчетны своим избирателям. В течение 1938 г. подобных отчетов народных судей Новосибирской области перед избирателями было сделано 401, на которых было задано 2779 вопросов и выступило в прениях 1600 человек. В январе – феврале 1939 г. было сделано 62 доклада. Присутствовало 37 358 избирателей. Управление НКЮ по Новосибирской области предписывало всем народным судьям разработать план проведения отчетов перед населением, с представлением копий протоколов отчетов ревизору Управления НКЮ [6, л. 28, 33 об., 130].

Безусловно, подобная практика выступала инструментом профилактики противоправного поведения граждан. Вместе с тем отчетные мероприятия проводились в условиях загруженности судов текущей работой, что стало дополнительным фактором, отвлекавшим судей от основных функций.

Другим препятствием в работе народных судов являлось низкое качество производства предварительного следствия, о чем председателю Областного суда неоднократно поступали докладные записки, в частности, за подписью председателя Судебной коллегии по Уголовным делам [6, л. 2].

Борясь с практикой неосновательного привлечения к уголовной ответственности, предъявлялись жесткие требования к производству предварительного следствия. За 9 месяцев 1939 г. народные судьи возвратили на дополнительное расследование 1415 дел, или 6 % от их общего количества, прекратили уголовные дела в отношении 3466 человек и вынесли оправдательные приговоры в отношении 2807 человек, что составляло 23,7 % от общего числа привлеченных к ответственности граждан. За 10 месяцев 1939 г. по уголовным и гражданским делам было оставлено приговоров в силе без изменений – 48,5 % и 43,7 % соответственно; оставлено приговоров в силе с изменениями – 24 % и 7,2 % соответственно; отменено и

передано на новое расследование – 20,1 % и 44,5 % соответственно; отменено и прекращено – 7,4 % и 4,6 % соответственно. Из приведенных данных следует, что в силе оставалось менее половины приговоров и решений судов [6, л. 242].

В условиях чрезвычайной загруженности судебные работники не имели возможности расти идейно-политически. О высокой загруженности и проблемах с комплектованием одновременно свидетельствует практика обслуживания народными судьями одновременно нескольких участков. Так, народный судья г. Киселевска с первой половины 1939 г. обслуживал 2 участка, что являлось грубым нарушением, однако происходило с ведома Управления НКЮ по Новосибирской области [5, л. 2–3].

На народных судей были возложены обязанности по руководству судебными исполнителями, многие из которых имели низкую квалификацию и грубо нарушали трудовую дисциплину. В течение 1939 г. было отчислено 14 судебных исполнителей за прогулы, пьянство, растраты и злоупотребления по службе. Народные судьи обязаны были ежемесячно проверять судебных исполнителей и оказывать им практическую помощь [6, л. 34 об.].

Примером отсутствия руководства и контроля со стороны народных судей в данном вопросе служат следующие события: юрисконсульт областной конторы «Главпарфюмер» Сизов и судебный исполнитель народного суда 11 участка г. Новосибирска Гончаров на протяжении ряда лет занимались хищением средств путем заведения фиктивных исполнительных листов на вымышленных лиц о взыскании заработной платы с конторы. Исполнительные листы подписывались народными судьями Рыловым и Макаровой без каких-либо проверок, так как последние оказывали Гончарову неограниченное доверие. Ущерб составил 14 299,88 рублей [6, л. 131–131 об.].

Важным фактором стабильного функционирования судебной системы региона выступало ее финансово-хозяйственное состояние, которое оценивалось как крайне тяжелое. В ряде районов в связи с отсутствием средств помещения народных судов не отапливались, телефоны были отключены [6, л. 188]. Не было бумаги, аренда помещений обходилась в 500 рублей, когда фактически выделялось 300 рублей [5, л. 2 об.]. 52 народных суда своих помещений не имели и размещались в помещениях других участков. Областной суд и Управление НКЮ размещались в одном тесном помещении, где невозможно было организовать комнату ожидания для публики. Не хватало залов судебных заседаний. Народные суды области имели 65 лошадей и 5 велосипедов, что было крайне недостаточно ввиду территориального расположения районов. Народные судьи и судебные исполнители часто искали попутчиков для выездов [4, л. 1–7; 6, л. 81].

Ситуация со снабжением народных судов бланками приговоров, решений и повесток была неудовлетворительной. Судами вынужденно принимались меры к освоению местных возможностей по изготовлению бланков из обрезков в типографиях [6, л. 82].

Имели место недочеты в получении местной и иногородней корреспонденции, в том числе секретной, о чем докладывалось председателю Областного суда [6, л. 40]. Директивы и официальные документы часто поступали в таком виде, что в них ничего невозможно было разобрать, в том числе, кем они подписаны. Встречались случаи получения приказов об отмене того или иного документа спустя много времени после его отмены [5, л. 3 об., 4 об.]. Указанное оказывало непосредственное влияние на качество работы судебных органов, а также своевременность и правомерность принятия решений.

К субъективным причинам следует отнести последствия нерешенного кадрового вопроса [6, л. 36]. Многолетние тенденции в формировании кадрового состава судебных органов [14, с. 11–12], когда политические цели и установки диктовали отдавать предпочтение при назначении и выдвижении на должности, прежде всего, коммунистам и выходцам из рабоче-крестьянских слоев населения, независимо от их уровня образования и наличия юридической подготовки, привели к ситуации кадрового дефицита.

Наблюдалась большая текучесть работников в судах. Судьи являлись чуть ли не курьерами и уборщиками. Недобросовестные защитники могли пользоваться неопытностью судей и вводить суд в заблуждение. Так, народный судья Убинского района оценивал свою квалификацию следующим образом: «Я не знаю своих функций и функций защиты. За 3 месяца работы ко мне никто не приезжал помочь» [5, л. 4–8].

В 1938 г. от общего числа народных судей половина работала в должности менее года и не имела практического опыта. На 1 июля 1938 г. не имели юридической подготовки 64 народных судьи, или 48,3 % [6, л. 35 об., 58]. Подобное положение вещей приводило к ситуации, когда дела рассматривали люди, которые даже не читали юридической литературы [5, л. 6].

С осени 1938 г., в рамках общесоюзной кампании по проверке законности, в области была осуществлена проверка судебных учреждений [16, с. 152]. По результатам проверки областной комиссией было проверено 117 народных судей, из них утверждено для работы в качестве народных судей – 104. Освобождено от должностей 6 человек, подлежали освобождению – 7. Из 6 освобожденных – 1 женщина; из подлежащих освобождению 1 женщина [6, л. 13]. Кроме того, была дана негативная оценка деятельности многих судей, вскрыты факты вопиющих нарушений норм судопроизводства [17, с. 108]. В частности, 22 октября 1938 г. отстранен от работы и подвергнут аресту как «враг народа» председатель Областного суда Островский А. В., исполнявший обязанности с октября 1937 г. [9, с. 68]. Следующим председателем Областного суда стал Аксёнов П. Ф., пробывший на данной должности менее года – до апреля 1939 г., далее председателем стал Сидоров К. В., который исполнял обязанности до марта 1951 г. [16, с. 152; 19, с. 92].

Регулярные проверки судебных кадров выявляли упущения и недостатки в работе отдельных должностных лиц. Так, в 1938 г. по результатам проверки судебных кадров не прошли ее 20 народных судей, в том числе 5 были вызваны на комиссию в связи с наличием компрометирующих материалов. В их числе: народный судья Пустовойт М. П. – имел нарушение законов и бытовое разложение, злоупотреблял алкоголем, был груб [6, л. 13 об.]; Хожулин И. С. – имел наличие выпивок, использовал служебное положение в своих целях (имел половые связи с уборщицей, использовал для тех же целей народных заседательниц); Кожин И. Т. – молодой судебный работник, выдвинутый на судебную работу РК ВКП(б), с первого же дня показал нежелание работать, отказался от 3-месячных курсов и вторично от 6-месячных курсов. Имели место также откровенно коррупционные факты [5, л. 16 об.].

Наряду с этим Управление НКЮ Новосибирской области применяло меры поощрения к судьям, которые добросовестно и честно вели свою работу. Например, народному судье Глушкову, одному из старейших народных судей области, в качестве поощрения были выданы деньги на поездку в г. Москва. Также практиковались поощрения в виде продвижения по службе, например, народный судья мог стать членом Областного суда [6, л. 231].

В Новосибирской области, как и в других регионах [20, с. 28], выявлялись факты вмешательства в работу судебных органов со стороны представителей партийной власти, что явно противоречило провозглашенному принципу «независимости судей и их подчинению только закону» [5, л. 2; 13, с. 288]. Как правило, о фактах вмешательства в работу суда некоторых руководителей партийных органов никто из судей своевременно не сигнализировал, опасаясь исключения из партии, таким образом, идя на поводу [5, л. 3 об.].

В целях оптимизации работы и увеличения мотивации народных судей, появлялись попытки внедрения в практику социалистического соревнования народных судов. Практиковался обмен опытом между судьями, а также такие меры, как описание хороших образцов работы в бюллетенях и их рассылка, организация совещаний. Вместе с тем систематически эта работа не проводилась [6, л. 36–36 об., 227].

В июле 1939 г. во исполнение приказа НКЮ РСФСР от 26.07.1939 г. № 21/с, в связи с проверкой Новосибирского Областного суда и Управления НКЮ РСФСР по Новосибирской области, было проведено совещание по теме «Обсуждение итогов обследования судебных органов, очередных задачах работы судебных органов», на котором присутствовал 201 судебно-следственный работник. В прениях критике подверглась работа Управления НКЮ и Областного суда, в частности, отмечалось плохое руководство, отсутствие помощи народным судьям, ошибки в непосредственной работе [6, л. 113].

Работа народных судов по результатам совещания была признана неудовлетворительной по следующим причинам: отсутствие плана работы (составлялся формально); в работе присутствовала обезличенность; отсутствие строгого разграничения и ответственности между работниками как в народных судах, так и в Областном суде; отсутствие контроля за исполнением мероприятий, что порождало недисциплинированность в работе, срыв проведения мероприятий в срок. К числу недочетов следует отнести также неудовлетворительное состояние работы по обобщению судебной практики по отдельным категориям дел [6, л. 178, 231].

Важным событием стало оперативное совещание судебных работников Новосибирской области с участием заместителя народного комиссара юстиции РСФСР Крюкова В. В. (5–6 июля 1939 г.) [5, л. 8]. В ходе доклада по результатам первого полугодия 1939 г. Крюков В. В. отмечал: «Работа судебных органов Новосибирской области за отчетный период времени проходила исключительно на основе решений нашей Партии и Правительства в деле борьбы с классово-чуждым элементом в нашей стране, в борьбе беспощадного подавления врагов социализма, подлейших агентов международного фашизма, фашистско-троцкистских террори-

стов, отребья контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды. Призванные к беспощадному подавлению эксплуататоров, врагов трудящихся, врагов социализма – судебные органы области призваны одновременно к борьбе за новую социальную дисциплину, к борьбе за укрепление в сознании поведения людей новых правил социального общежития». Заявлялось, что сталинской Конституцией предъявляются повышенные требования к качеству судебной и, в частности, кассационной работы, изжита практика рассмотрения дел «пачками». Вместе с тем фактическое положение дел в области свидетельствовало о наличии проблем и недочетов в работе судебных органов. Эффективность работы судов в рассматриваемый период не была удовлетворительной, требовалась системная работа по повышению квалификации судей, оказанию им качественной практической помощи, решению целого ряда финансово-хозяйственных вопросов [6, л. 135, 175–175 об.].

В заключение следует отметить, что период конца 1930-х гг. во многом стал ключевым этапом в становлении единой судебной системы, встроенной в систему органов власти социалистической модели государства [15, с. 98]. Во исполнение принятых нормативных правовых актов на территории Сибири была сформирована аналогичная общесоюзная система судебных органов. В судах начал закрепляться постоянный состав руководящих кадров [18, с. 71].

В исследуемый период в деятельности судов Новосибирской области, аналогично судам Сибири, существовало немало проблем и недостатков, связанных в первую очередь с перегруженностью судов работой и «кадровым голодом». Их следствием неизбежно становилось нарушение законности. Остро стоял вопрос финансово-хозяйственной обеспеченности судов. Указанные проблемы в исследуемый период не нашли своего решения, однако не оставались без внимания руководящих органов. В частности, проводились мероприятия по организации обучения судебных кадров, а также отстранение от работы лиц, неспособных к выполнению обязанностей по должности.

Несмотря на специфическое отношение государства к сфере юстиции как к области, не имеющей большого значения [12, с. 29], судами осуществлялась важная функция правового регулятора в сфере повседневной жизни. Суды принимали непосредственное участие в нормализации социально-экономической и политической обстановки в Новосибирской области и Сибири, осуществляя также колоссальный объем профилактических мероприятий, таких как пропаганда юридических знаний и повышение правосознания граждан. Проводилась работа по укреплению авторитета судебных органов в системе управления регионом. В сложных условиях судебная система Сибири продолжала выполнять свои главные задачи по правовому регулированию общественных отношений, что приобретало особую значимость в обстановке начавшейся Второй мировой войны и в преддверии Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Абдулин Р. С. Судебное управление в советской России в довоенный период (1930–1940 годы) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 2. С. 102–107.
2. Абдулин Р. С. Судебное управление в условиях усиления репрессивных начал и ограничения прав и свобод советских граждан в 1930-е годы // Юридическая наука. 2013. № 4. С. 5–8.
3. Бабенко В. Н. Политико-правовые особенности деятельности народных комиссариатов юстиции РСФСР и СССР (1917–1946 гг.) // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 30–39.
4. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Р-1020. Оп. 1. Д. 117
5. ГАНО. Ф. Р-1199. Оп. 1. Д. 3.
6. ГАНО. Ф. Р-1199. Оп. 1. Д. 4.
7. Гутман М. Ю., Никулин А. Г., Сальников В. П. К 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации. Народные комиссары юстиции РСФСР и СССР (1917–1946 гг.) // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 12. С. 11–66.
8. Имхелов А. В. Народы Сибири во Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 250–254.
9. Исаев В. И., Михеев Д. Ю. После «Большого террора»: суды Сибири в кампании по восстановлению законности в 1938 году // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). С. 67–69.
10. Исупов В. А. Демографическая статистика Сибири: история становления (1920-е – 1930-е гг.) // Вестник НГУЭУ. 2010. № 1. С. 90–101.
11. Исупов В. А. Численность населения СССР в 1930-е гг.: загадки демографической истории // ЭКО. 2020. № 2 (548). С. 172–192.
12. Козинцев А. Я. Организация органов юстиции Ханты-Мансийского автономного округа накануне и во время Великой Отечественной войны // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 2 (28). С. 23–30.

13. Кожевников М. В. История советского суда. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 376 с.
14. Крыжан А. В. Проблемы организации народного суда как элемента системы советской юстиции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 5–15.
15. Михеев Д. Ю., Бузмакова О. Г. Судебные органы Новосибирской области в конце 1930-х гг. // Серовские чтения 2021 : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти выдающегося ученого Дмитрия Олеговича Серова (1963–2019), Новосибирск, 27–28 октября 2021 года. Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ», 2022. С. 93–99.
16. Михеев Д. Ю. Конституция СССР 1936 года как фактор изменений в работе судебных органов Сибири // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 4. С. 151–154.
17. Михеев Д. Ю. Суды Сибири в 1928–1938 гг. Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2015. 124 с.
18. Папков С. А. Судейский корпус Сибири. Руководящий состав 1920–1937 годы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 2. С. 60–72.
19. Попова И. В. Новосибирский областной суд (100 лет со дня основания) // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2023 год : сборник статей. Новосибирск : Государственное автономное учреждение культуры Новосибирской области «Новосибирская государственная областная научная библиотека», 2022. С. 91–93.
20. Руссков Я. А. Партийно-государственная власть и судебная система Республики Мордовия периода 1937–1991 гг. (влияние и организация работы) // STUDNET. 2020. № 11. С. 28.

The state and activities of the judicial bodies of Siberia in the late 1930s (based on the materials of the Novosibirsk region)

Kuznetsov Denis Evgenievich

PhD in Historical Sciences, Deputy Head of the Research and Editorial Publishing Department, Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation. Russia, Saint-Petersburg.
ORCID: 0009-0002-7528-1823. E-mail: goodjobman@inbox.ru

Abstract. The article covers the general state and results of the activities of the judicial bodies of Siberia on the example of the Novosibirsk region in the late 1930s, their transformation in connection with the adoption of the USSR Constitution of 1936 and the Law on the Judiciary of the USSR of 1938, as well as in the context of the party course on "restoring the rule of law". The relevance of the study is indicated by the ongoing process of development of legal proceedings in Russia and improvement of the judicial system, which entered into an active phase in February 2022. The purpose of the study is to analyze the activities of the judicial system of Siberia on the example of the Novosibirsk region during the transformation of the judicial system of the USSR in the late 1930s. An attempt is made on the basis of published materials and previously unpublished archival sources to analyze the structure, number and composition of regional judicial bodies; the level of education, professional and legal training of judicial workers; main areas of activity, quantitative indicators and results of work; specific tasks performed and unusual functions. Attention is focused on the shortcomings in the functioning of judicial bodies that impede the quality administration of justice, as well as the objective and subjective reasons that made them possible. Examples from judicial practice are given that illustrate the general state of affairs and emerging trends. The author formulates conclusions about the general state of judicial bodies in the period under study. The results of the study can be used in preparing and teaching courses on Russian history and, in particular, the history of law enforcement agencies, as well as in the course of further reform of the judicial system of Russia.

Keywords: justice authorities, Siberia, Regional court, people's court, judicial system.

References

1. Abdulin R. S. *Sudebnoe upravlenie v sovetskoj Rossii v dovoennyj period (1930–1940 gody)* [Judicial administration in Soviet Russia in the pre-war period (1930–1940)] // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2013. No. 2. Pp. 102–107.
2. Abdulin R. S. *Sudebnoe upravlenie v usloviyax usileniya repressivnykh nachal i ogranicheniya prav i svobod sovetskih grazhdan v 1930-e gody* [Judicial governance in the context of increasing repressive principles and restrictions on the rights and freedoms of Soviet citizens in the 1930s] // *Yuridicheskaya nauka – Juridical science*. 2013. No. 4. Pp. 5–8.
3. Babenko V. N. *Politiko-pravovye osobennosti deyatel'nosti narodnykh komissariatov yusticii RSFSR i SSSR (1917–1946 gg.)* [Political and legal features of the activities of the People's Commissariats of Justice of the RSFSR and the USSR (1917–1946)] // *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii*. 2023. No. 1. Pp. 30–39.
4. SANR (State Archive of the Novosibirsk Region). F. P-1020. Inv. 1. File 117.

5. SANR. F. P-1199. Inv. 1. File 3.
6. SANR. F. P-1199. Inv. 1. File 4.
7. Gutman M. Yu., Nikulin A. G., Salnikov V. P. *K 220-letiyu Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii. Narodnye komissary yusticii RSFSR i SSSR (1917–1946 gg.)* [To the 220th anniversary of the Ministry of Justice of the Russian Federation. People's Commissars of Justice of the RSFSR and the USSR (1917–1946)] // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2021. No. 12. Pp. 11–66.
8. Imihelov A. V. *Narody Sibiri vo Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1939 g.* [Peoples of Siberia in the All-Union Population Census of 1939] // *Gumanitarnyj vektor – Humanitarian vector*. 2011. No. 4 (28). Pp. 250–254.
9. Isaev V. I., Miheev D. Yu. *Posle "Bol'shogo terrora": sudy Sibiri v kampanii po vosstanovleniyu zakonnosti v 1938 godu* [After the Great Terror: Siberian Courts in the Campaign to Restore Law and Order in 1938] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No. 25 (279). Pp. 67–69.
10. Isupov V. A. *Demograficheskaya statistika Sibiri: istoriya stanovleniya (1920-e-1930-e gg.)* [Demographic statistics of Siberia: history of formation (1920s-1930s)] // *Vestnik NGUE'U*. 2010. No. 1. Pp. 90–101.
11. Isupov V. A. *Chislennost' naseleniya SSSR v 1930-e gg.: zagadki demograficheskoy istorii* [Population of the USSR in the 1930s: Mysteries of Demographic History] // *EKO*. 2020. No. 2 (548). Pp. 172–192.
12. Kodincev A. Ya. *Organizatsiya organov yusticii Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga nakanune i vo vremya Velikoj Otechestvennoy vojny* [Organization of the justice authorities of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug on the eve of and during the Great Patriotic War] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. No. 2(28). Pp. 23–30.
13. Kozhevnikov M. V. *Istoriya sovetskogo suda* [History of the Soviet court]. M. Yurid. izd-vo MYu SSSR, 1948. 376 p.
14. Kryzhan A. V. *Problemy organizatsii narodnogo suda kak elementa sistemy sovetskoj yusticii* [Problems of organizing the people's court as an element of the Soviet justice system] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i socialnye nauki*. 2020. No. 5. Pp. 5–15.
15. Miheev D. Yu., Buzmakova O. G. *Sudebnye organy Novosibirskoj oblasti v konce 1930-x gg.* [Judicial bodies of the Novosibirsk region in the late 1930s.] // *Serovskie chteniya 2021: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj pamyati vydayushhegosya uchenogo Dmitriya Olegovicha Serova (1963–2019), Novosibirsk, 27–28 oktyabrya 2021 goda*. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i upravleniya "NINX", 2022. Pp. 93–99.
16. Miheev D. Yu. *Konstitutsiya SSSR 1936 goda kak faktor izmenenij v rabote sudebnyh organov Sibiri* [The 1936 Constitution of the USSR as a factor in changes in the work of judicial bodies in Siberia] // *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs-historical and legal problems: a new perspective*. 2020. No. 4. Pp. 151–154.
17. Miheev D. Yu. *Sudy Sibiri v 1928–1938 gg.* [Courts of Siberia in 1928–1938] / D. Yu. Mixeev. Novosibirsk : Novosibirskij voennyj institut imeni generala armii I.K. Yakovleva vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2015. 124 p.
18. Papkov S. A. *Sudejskij korpus Sibiri. Rukovodyashhij sostav 1920–1937 gody* [The Judicial Corps of Siberia. The Management Team 1920–1937] // *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs – Historical and legal problems: a new perspective*. 2019. No. 2. Pp. 60–72.
19. Popova I. V. *Novosibirskij oblastnoj sud (100 let so dnya osnovaniya)* [Novosibirsk Regional Court (100 years since its foundation)] // *Kalendar' znamenatel'nyh i pamyatnyh dat po Novosibirskoj oblasti, 2023 god: Sbornik statej*. Novosibirsk: Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kul'tury Novosibirskoj oblasti "Novosibirskaya gosudarstvennaya oblastnaya nauchnaya biblioteka", 2022. Pp. 91–93.
20. Russkov Ya. A. *Partijno-gosudarstvennaya vlast' i sudebnaya sistema Respubliki Mordoviya perioda 1937–1991 gg. (vliyanie i organizatsiya raboty)* [Party-state power and the judicial system of the Republic of Mordovia in the period 1937–1991 (influence and organization of work)] // *STUDNET*. 2020. No. 11. Pp. 28.

Поступила в редакцию: 17.09.2024

Принята к публикации: 11.03.2025

Посещения Иоанном Кронштадтским Вятской губернии в свете новых архивных источников

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук, Петербургский лицей. Россия, г. Киров.

ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. В начале XX в. Вятскую губернию посетил известный священник, протоиерей Андреевского кронштадтского собора Иоанн Сергиев, получивший в народе прозвище «Кронштадтский». Это был один из наиболее популярных в народе церковных деятелей. В годы революции 1905–1907 гг. имя о. Иоанна стало знаковым для русского монархического и патриотического движения. Его приезд в города России, в том числе Вятскую губернию, привлекал внимание местной общественности. Иоанн Кронштадтский был связан с различными слоями вятской общественности: духовенством, интеллигенцией, купечеством, мещанами, крестьянством. Как участник монархического движения Иоанн Кронштадтский поддерживал контакты с Вятской народной монархической партией. В связи с появлением в Вятской губернии секты иоаннитов Иоанн Кронштадтский посылал письма и телеграммы, в которых осуждал деятельность людей, прикрывавшихся его именем для вербовки людей в религиозные общины иоаннитов.

В данной статье поставлена цель ввести в научный оборот ранее неизвестные архивные документы, в которых отражена деятельность протоиерея Иоанна Сергиева в Вятской губернии. Документы хранятся в Центральном государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга. Наиболее ценными из них являются письма и телеграммы, посланные на имя о. Иоанна в связи с его посещениями Вятской губернии.

В статье делается вывод, что в Вятской губернии сложился определенный круг почитателей Иоанна Кронштадтского еще до его приезда в губернию. Также установлено, что благотворительные учреждения г. Вятки были связаны между собой, в том числе в связи с почитанием о. Иоанна.

Ключевые слова: Иоанн Кронштадтский, Вятская губерния, революция, монархисты, иоанниты.

Иоанн Кронштадтский в жизни России начала XX в. Вряд ли в начале XX в. среди российского духовенства можно найти фигуру более популярную и влиятельную, чем протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский. С его именем связано создание десятков домов трудолюбия по всей Российской империи, основание нескольких монастырей и храмов, крупная благотворительная деятельность. Иоанн Кронштадтский имел тесные связи с представителями династии Романовых, князьями, графами и баронами. Так, граф Н. Н. Пален надеялся с помощью Иоанна Кронштадтского улучшить состояние пенитенциарной системы России. Глядя на пример о. Иоанна, Пален был убежден, что только с помощью Церкви можно нравственно исправить «узников» [25, л. 1]. Именно о. Иоанн Кронштадтский наиболее активно выступил против Л. Н. Толстого, который сформулировал своеобразное религиозное учение.

Современники отмечали, что протоиерей Иоанн Кронштадтский является выдающимся деятелем Церкви. Протоиерей Философ Орнатский заявлял: «Такого священника из рядовых приходских иереев не знала Русская Православная Церковь» [26, л. 1]. Юноша, по имени Павел, будучи в Кронштадте, писал своему отцу о том необыкновенном народном движении, которое происходило в начале XX в.: «к ему (Иоанну Кронштадтскому. – *авт.*) со всех концов России едут большие тысячи благочестивых и богобоязненных русских людей, спеша у кронштадтского светильника причаститься св. Христовых Таин и получить его великого и сильного благословения» [38, л. 26 об.]. Всестороннее исследование об отношении российского общества к Иоанну Кронштадтскому представлено в диссертации И. Ф. Ильяшенко «Отец Иоанн Кронштадтский в восприятии современников» [8].

Иоанн Кронштадтский посетил многие города России: Астрахань, Архангельск, Брест, Великий Устюг, Вологду, Воронеж, Выборг, Екатеринбург, Киев, Кострому, Курск, Нижний Новгород, Самару, Саратов, Смоленск [32, с. 360]. Это далеко не полный список городов. Некоторые города России о. Иоанн Сергиев посещал по сложившейся традиции (Архангельск, Москва), другие – по приглашению местных жителей. Среди посещенных городов России бы-

ли также города Вятской губернии – Вятка и Сарапул. В Вятскую губернию о. Иоанн приезжал по Котласской железной дороге. Вятскую губернию кронштадтский пастырь посетил по приглашению сарапульского викарного епископа Михея (Алексеева).

Вопрос о посещении Иоанном Кронштадтским Вятской губернии поднимался, прежде всего, в региональной историографии. В 1999 г. в работе «Живые иконы. Святые и праведники Вятской земли» А. В. Маркелов, используя материалы Вятских епархиальных ведомостей, воспоминания об о. Иоанне митрополита Нестора (Анисимова), И. К. Сурского, представили описание деятельности кронштадтского пастыря в г. Вятке [29, с. 51–56]. Помимо этого, у А. В. Маркелова есть другие работы, в которых он касался деятельности Иоанна Кронштадтского на Вятке. В коллективной монографии «Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии» есть краткая информация о служении о. Иоанна литургии в Александро-Невском соборе 18 июня 1904 г. [20, с. 278–280]. В том же году на портале «Русская линия» А. В. Маркелов поместил статью «К 100-летию второго приезда отца Иоанна Кронштадтского на Вятскую землю», в которой несколько расширена информативная база и круг источников [12]. В 2019 г. вышла работа «Чтимые иконы и святые в жизни общества 2-й половины XVII – начала XX вв. (на примере Вятской епархии)», где исследователь повторил опубликованные ранее материалы [13, с. 265–267, 269].

В 2024 г. от имени общественной организации «Возрождение Вятки» вышла брошюра «Душой я с вами», в которой собраны известные материалы о посещении Иоанном Кронштадтским Вятской губернии в 1904 и 1907 гг. [3]. Также можно отметить статью В. К. Семибратова в Вятском епархиальном вестнике [30].

Кроме краеведческих работ описание приезда Иоанна Кронштадтского в Вятскую губернию есть в работе М. Одинцова «Иоанн Кронштадтский», вышедшей в серии ЖЗЛ. Автор публикует известные источники, не добавляя ничего нового [15, с. 173–174]. Краткое упоминание беседы Иоанна Кронштадтского с сарапульским духовенством есть в монографии американского исследователя Н. Киценко [9, с. 128].

Обзор имеющихся работ показывает, что их источниковая база составляет опубликованные материалы прежде всего периодических изданий: Вятский епархиальный вестник, Вятский вестник, Вятские губернские ведомости. Часто авторы работ ссылаются на воспоминания митрополита Нестора (Анисимова) о пребывании Иоанна Кронштадтского в г. Вятке. Однако имеются неисследованные источники при описании приезда Иоанна Кронштадтского в Вятскую губернию. Существуют как опубликованные, так и неопубликованные источники, в которых есть информация о пребывании Иоанна Кронштадтского в Вятской губернии, к которым авторы указанных работ не обращались. Среди опубликованных стоит назвать: 1) письмо о. Иоанна к благочинному 3-го округа Малмыжского уезда протоиерею Иоанну Шубину о появлении в Вятской губернии иоаннитов [28, с. 311]; 2) письмо епископу Вятскому и Слободскому Филарету (Никольскому), в котором о. Иоанн также высказывал беспокойство в связи с появлением иоаннитов в уездах Вятской губернии [28, с. 308]; 3) воспоминания прот. П. П. Левитского, в которых он приводит данные о приезде о. Иоанна в г. Вятку [11, с. 535].

Кроме опубликованных документов имеются неопубликованные, в которых отражена деятельность Иоанна Кронштадтского в Вятской губернии. Прежде всего, это *фонд Иоанна Сергиева*, хранящийся в Центральном Государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 2219). В этом фонде имеется множество писем и телеграмм, присылавшимися разными людьми на имя о. Иоанна. Среди отправителей писем есть лица, проживавшие в Вятской губернии [40; 41; 42]. В фонде Канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника (ЦГИА СПб. Ф. 569) выявлена деятельность иоаннитов в Вятской губернии. Также в Российском государственном историческом архиве (РГИА) есть документы, проливающие свет на деятельность Иоанна Кронштадтского на Вятке. В фонде 834 (*Рукописи Синода*) есть «Записка об о. Иоанне Кронштадтском, составленной его приближенной М. М. Мокеевой». В деле под № 1668 есть интересное упоминание о сарапульском епископе Михее (Алексееве), друге Иоанна Кронштадтского [24, л. 9 об.].

Вятскую губернию Иоанн Кронштадтский посетил два раза: в 1904 и в 1907 гг. Стоит отметить, что и в 1905 г. о. Иоанн был в Вятской губернии, но только проездом. На железнодорожной станции города пастырь благословил подходивший к его вагону народ, не выходя из поезда [34, с. 740].

В Вятскую губернию о. Иоанн приехал по приглашению епископа Сарапульского Михея (Алексеева). В г. Вятку Иоанн Кронштадтский прибыл 16 июня 1904 г. Весть о прибытии кронштадтского батюшки быстро разнеслась по губернии [17, с. 811]. В Вятской губернии, как

и в других регионах России, о. Иоанн прежде всего участвовал в богослужениях. 17 июня он читал канон и совершал литургию в доме городских благотворительных учреждений им. П. Клобукова. На следующий день совершал литургию в Александро-Невском соборе [17, с. 812].

В Александро-Невском соборе г. Вятки молящиеся глубоко прониклись силой слов о. Иоанна. Его возглас «Горе имеем сердца» поразил вятских богомольцев. Как отмечал современник, духовный настрой о. Иоанна заставил «встрепенуться ум человека» [17, с. 812]. Действительно, манера богослужебных молитв о. Иоанна несколько выходила за рамки русской православной традиции. Кронштадтский священник был настолько проникнут храмовой молитвой, что порой совершал действия, которые были непривычны для русской литургической традиции, например, поворачивался лицом к молящимся в то время, когда во время богослужения он должен был находиться лицом к алтарю [14, с. 108].

Эмоциональность богослужебных молитв, характерных для о. Иоанна, не только не приветствовалась, но даже могла расцениваться как признак сектантства. Так, в Департаменте духовных дел обратили особое внимание на то, что во время баптистских молитвенных собраний проповеди и молитвы сопровождаются плачем и «воплем особо верующих», вслух выкрикиваются свои раскаяния в грехах. Некоторые проповедники своей эмоциональностью привлекали православных в баптистские общины [23, л. 11].

Однако молитвы Иоанна Кронштадтского, несмотря на всю непривычность, не выходили за канонические нормы богослужения. Иеромонах Михаил (Семенов), хорошо знавший кронштадтского батюшку, отмечал, что о. Иоанн, «как сын православной восточной Церкви, на первых же порах осознал, что молитва не должна быть просто экстатическим погружением в святые образы, некоторой потерей сознания. Нет, она, по его мнению, должна быть трезвой беседой с Богом... Человек должен нести Богу свои думы и чувства, чтобы они там очистились и просветились, а не просто искать молитвенного самозабвения» [9, с. 54]. Таким образом, можно сделать вывод, что Иоанн Кронштадтский показал, что непривычная эмоциональность богослужения для русской православной традиции вполне приемлема, если не выходит за канонические рамки [33].

В г. Вятке о. Иоанн по личному приглашению посещал дома людей, служил молебны, давал советы для духовной жизни [17, с. 812–814]. Также Иоанн Кронштадтский посетил Вятскую Епархиальную библиотеку, о которой он сказал, что это «хорошее учреждение...буду хвалить Вятку» [7, с. 1019]. Стоит отметить, что жители города Вятки толпами стекались к кронштадтской знаменитости [17, с. 812–814]. Схожие ситуации возникали в других городах, когда там появлялся Иоанн Кронштадтский. «Всюду, где только появлялся и останавливался его экипаж, тотчас же образовывалась многочисленная толпа народа... Некоторые даже вскакивали на подножки экипажа, чтобы получить благословение батюшки», – описывал современник появление о. Иоанна в Рыбинске [16, с. 15].

18 июня 1904 г. Иоанн Кронштадтский уехал в г. Сарапул. В деле под заглавием «*Письма и телеграммы последователей И. И. Сергиева*» имеется письмо духовного лица с именем Михаил. Оно адресовано на имя о. Иоанна и датируется 10 марта 1904 г. Есть основания предполагать, что это был епископ Сарапульский *Михей (Алексеев)*. Данное предположение основывается на том, что в тексте письма автор просит о. Иоанна указать время его приезда в Сарапул, дабы в то время ему «не быть в отлучке по викариатству» [39, л. 250]. Епископ Михей как раз в то время был викарием вятского епископа. К тому же известно, что именно епископ Михей (Алексеев) пригласил Иоанна Кронштадтского посетить Вятскую губернию в 1904 г. К тому же автор называет о. Иоанна «народным отцом», говорит, что батюшка есть тот, кто «породил меня для духовной жизни», просит направить его «в служение Богу» [39, л. 250]. Выражение «породил меня для духовной жизни» указывает на то, что о. Иоанн направил автора письма на путь священства. В 1870–1880-х гг., находясь на службе в морском ведомстве, Михаил Алексеев часто посещал службы о. Иоанна. Молодой офицер даже прислуживал в алтаре, когда службы вел о. Иоанн [15, с. 107]. Именно под воздействием Иоанна Кронштадтского бывший офицер принял священнический сан. Согласно воспоминанию М. М. Мокеевой, епископ Михей был «ревнивей каждой из богомолков», с чувством почтения снимал с о. Иоанна сапоги [24, л. 9 об.].

Епископ Михей начинает письмо следующим образом: «Вы обещаете посетить меня в нашем небольшом городке Сарапул. Вы знаете по собственному опыту, как важна поддержка и совет человеку, да еще и для духовного в сани» [39, л. 250]. Затем в письме приводится одно любопытное сообщение. Автор сообщает, что для него известный композитор Петр Чайков-

ский является «единственным человеком, с которым отвожу душу» [39, л. 250]. Также есть упоминание о чиновнике, у которого «нет счастья в семейной жизни» и что этот чиновник просит о. Иоанна благословения взять приемыша. Письмо заканчивается просьбой не отказывать ответом на письмо, т. к. о. Иоанн «дорог для нас» и что люди города «с верою взирают на Вас и прислушиваются к каждому Вашему слову» [39, л. 250 об.]. Действительно, еще до приезда о. Иоанна в г. Сарапул местный судья по имени Петр в январе 1904 г. написал батюшке письмо, в котором просил его помолиться о своем здоровье [39, л. 251].

В г. Сарапуле Иоанн Кронштадтский отслужил богослужение в соборном храме, после чего провел беседу с местным духовенством. В ходе беседы были затронуты не только религиозные вопросы, но и вопросы современной культуры и политики. Иоанн Кронштадтский высказал мнение, что главным препятствием нормальному христианскому развитию общества является интеллигенция [10, с. 676]. По всей видимости, под «интеллигентными» и «просвещенными» людьми о. Иоанн понимал не весь высший слой российского общества, а только тех, которые ставили себя в оппозицию Церкви, писали сугубо светские произведения. В работе «Христианская философия» о. Иоанн писал, что светские писатели, подобно актерам и актрисам, «имеют предметом своим только удовлетворение земным чувствам и влечениям» [27, с. 31]. К тем «интеллигентам» и «просвещенным» людям, которые радели о благе Церкви, и были людьми христианской морали, о. Иоанн относился весьма уважительно. Так, к Иоанну Кронштадтскому обращались лица высшего слоя империи, но только с темами, касающимися церковных вопросов. В фонде «Иоанн Сергиев» (ЦГИА СПб. Ф. 2219) есть отдельно сброшюрованное дело, в котором сохранилось много писем к о. Иоанну от лиц высших слоев населения, в которых нельзя не увидеть взаимопонимание автора письма и кронштадтского священника [43].

Из Сарапула Иоанн Кронштадтский еще раз приехал в г. Вятку, где отслужил литургию в Предтеченской церкви. 28 июня 1904 г. он покинул город [21, с. 808]. Сохранился рассказ Николая Анисимова о молитве Иоанна Кронштадтского над его матерью, болящей Антониной Анисимовой, и ее последующем избавлении от болезни [2, с. 18; 19, с. 88–95]. Обратим внимание, что на рубеже XIX–XX вв. о. Иоанн стал восприниматься общественностью как «чудотворец». Современники наперебой писали о чудодейственной силе молитв о. Иоанна, причем из разных городов империи, от представителей разных сословий. В телеграммах на имя о. Иоанна читаем: «Ваша молитва много может сделать и помочь моим немощам» [39, л. 3 об.]. Были люди, которые верили, что о. Иоанн может исцелять на расстоянии. Так, Лидия написала батюшке телеграмму, в которой отмечала: «многие чудеса были сделаны именем Вашим» [40, л. 37]. Полный анализ восприятия Иоанна Кронштадтского как «чудотворца» представлен в диссертации И. Ф. Ильяшенко [8, с. 150–157].

Второй приезд на Вятку состоялся в 1907 г. В г. Вятке о. Иоанн не остался, а поехал в село Вознесенско-Вахрушево, где остановился в доме Николая Вахрушева. По обыкновению Иоанн Кронштадтский совершил литургию в местном храме, а потом ходил по домам жителей для совершения молебнов [18, с. 591–593].

Второе посещение Вятской губернии происходило в совершенно иной общественно-политической ситуации, чем та, которая была в 1904 г. В 1905 г. в России началась революция, выявившая взгляды людей на власть и Церковь. Для Иоанна Кронштадтского революция воспринималась как отступление людей от Бога, разгул анархизма и человеческих страстей. Неудивительно, что он встал на защиту монархического строя, вступил в ряды Союза русского народа. Недоброжелатели кронштадтского пастыря создавали негативные репрезентации. В. П. Протопопов поставил пьесу «Черные вороны», в которой высмеял Иоанна Кронштадтского. В защиту кронштадтского батюшки выступили его почитатели, между прочим, уроженец Вятской губернии протопресвитер А. А. Дернов.

Революционные события 1905–1907 гг. докатились до Вятской губернии. В местное жандармское управление попало письмо, в котором говорилось: «В Вятке я застал смятение. 18 декабря (1905 г. – *авт.*) минувшего года здесь было вооруженное восстание» [36, л. 2]. Осенью 1905 г. между крестьянами Вятской губернии распространялась прокламация Всероссийского крестьянского союза, призывающая установить в России демократические свободы, критиковавшая бюрократический аппарат государства [35, л. 37–37 об.]. Даже среди духовенства были лица, симпатизировавшие революционному движению. Так, Жандармское управление рассматривало дело о священнике Сергии Увицком, который «возбуждал крестьян к свержению существующего строя» [37, л. 14].

После объявления манифеста от 17 октября 1905 г. в России стали создаваться политические партии. На правом фланге были монархические партии, в которые охотно вступали

лица духовного звания [5, с. 58]. Как и в других городах России, на Вятке появились монархические организации. В Вятской губернии действовала *Вятская народная монархическая партия* (далее – ВНМП). Согласно исследованию Ю. А. Балыбердина, в ВНМП было много священнослужителей, призывавших сохранить в России главенство православной веры и самодержавия [1, с. 305].

Зная, что Иоанн Кронштадтский поддерживает монархические партии и организации, руководство ВНМП решило отправить в с. Вознесенско-Вахрушевское делегацию. Как и ожидалось, кронштадтский пастырь с радостью принял делегацию ВНМП, и высказал пожелание, чтобы численность монархической партии на Вятке увеличивалась [6, с. 3].

Среди представителей правого направления вятской интеллигенции почитательницей Иоанна Кронштадтского была *Нина Попова*. Она являлась дочерью ректора Вятской духовной семинарии о. Николая Попова. Нина Попова посетила в 1906 г. Кронштадт, где получила благословение от о. Иоанна на устройство в Вятке общежития для слепых и храма при нем. При этом о. Иоанн пожертвовал на будущую церковь икону Божией Матери «Всех скорбящих радости» [29, с. 54]. В годы революции Н. Попова направила о. Иоанну телеграмму, из которой узнаем о покушении на *Федора Ездакова* – вятского мещанина и домовладельца. Тон письма показывает, что Попова отрицательно относилась к революционерам, с другой стороны, нет и ультраправых филиппик против либералов [41, л. 67–68].

Судя по письму, покушение на Федора Ездакова было совершено во время революционных событий 1905–1907 гг. Причиной покушения было то, что он вместе с другими жителями г. Вятки просил губернатора устроить на площади молебен и ход с портретом императора. Когда началось патриотическое шествие, «возбужденная и ожесточенная толпа» монархистов совершила убийства и погромы. Н. Попова отмечала, что «противоположная партия», т. е. антимонархисты стали клеветать на Федора Леонтьевича Ездакова, будто бы он виновен в этом погроме, хотя он, по словам Поповой, не был к этому причастен [41, л. 67 об. – 68]. Н. Попова отмечала, что слепые г. Вятки очень жалеют Ездакова, так как он хотел устроить общежитие для слепых и даже купил землю для нового здания. Также Попова указывала, что Ездаков является искренне верующим человеком, который много добра сделал вятским беднякам [41, л. 68].

Н. Попова также отправила Иоанну Кронштадтскому телеграмму, в которой просила от имени комитета «Вятского Ремесленного Убежища слепых женщин» стать членом данного общества. Было особо отмечено, что членом данного общества является Павел Петрович Клобуков [42, л. 57–57 об.]. Стоит указать на то, что П. Клобуков являлся попечителем слепых детей. По всей видимости, в г. Вятке сформировался круг людей, которые совместно занимались призрением слепых и одновременно являлись почитателями о. Иоанна Кронштадтского.

В заключении стоит упомянуть о появлении в Вятской губернии *иоаннитов*. Как и в других городах России, иоанниты распространяли свое учение через книгонош. Так, книгоноши убеждали жителей Глазовского и Яранского уездов, что они якобы «пророки», посланные Иоанном Кронштадтским [31, л. 1093]. При этом иоанниты говорили, что скоро наступит конец света, а поэтому необходимо спастись «от гибели мира сего». Под влиянием такой пропаганды некоторые жители губернии покинули свои дома и уехали в Кронштадт или Петербург. Вятский купец по фамилии Катков под влиянием пропаганды иоаннитов продал свой дом, ликвидировал торговлю и уехал в Петербург [28, с. 308–309].

Кроме купцов иоаннитами становились крестьяне Вятской губернии. Крестьянка Клавдия Ёлкина с 1906 г. со своими родителями примкнула к иоаннитам, стала почитательницей Иоанна Кронштадтского, т. к. считала его «большим чудотворцем и исцелителем» [4, с. 43]. Дочь крестьянина Якова Родыгина Клавдия после приезда в Кукарскую слободу иоаннитов была отправлена в столицу империи. Родители Клавдии поверили вербовщикам, что сам о. Иоанн послал их в Вятскую губернию, а потому согласились отдать ее в один из монастырей, который якобы находился под особым покровительством кронштадтского пастыря. На самом деле Клавдия Родыгина проживала в приюте иоаннитов, расположенном в доме № 38 по Вознесенскому проспекту. После проведенного расследования столичной полицией Клавдия Родыгина была отправлена на родину [38, л. 52–54].

В ответ на распространение секты иоаннитов Иоанн Кронштадтский послал вятскому духовенству письма и телеграммы. В декабре 1907 г. он направил на имя епископа Филарета (Никольского) телеграмму, в которой просил убедить местное население, что никаких людей на Вятку не посылал. В том же месяце Иоанн Кронштадтский послал письмо на имя благочинного 3-го округа Малмыжского уезда о. Иоанна Шубина, в котором еще раз подтвердил, что

никого от своего имени в Вятскую губернию не направлял, не имеет никакого отношения к сектантам, которых назвал «проходимцами» [28, с. 311].

Подобный шаг – посылка обличительных телеграмм – был уже опробованным в пастырской деятельности Иоанна Кронштадтского. В 1894 г. в костромской епархии была выявлена пропаганда иоаннитки Пелагии Кабановой, которая призывала бросать свое имущество и ехать в Кронштадт, где якобы в лице о. Иоанна «сошел на землю сам Иисус Христос». В ответ Иоанн Кронштадтский написал письмо, в котором назвал лжеучение Пелагии Кабановой «изуверным, невежественным, бессмысленным». Это письмо было разослано по Костромской епархии [22, л. 1–5].

Новые данные о посещении Иоанном Кронштадтским Вятской губернии позволяют сделать следующие выводы. Приглашение посетить Вятку о. Иоанн получил от преосвященного Михея (Алексеева) не позднее весны 1904 г. Это значит, что Иоанн Кронштадтский должен был корректировать свой традиционный маршрут путешествий по городам России. Обнаруженные письма на имя Иоанна Кронштадтского, авторами которых были жители Вятской губернии, показывают, что жители данного региона Российской империи были вовлечены в общероссийский процесс почитания о. Иоанна.

Опубликованные документы также расширили горизонт знаний о революционных событиях в Вятской губернии 1905–1907 гг. Интересным представляется сообщение Н. Поповой о том, что организатором патриотического шествия в г. Вятке был Федор Ездаков. Возможно, нет оснований полностью доверять этому сведению, но оно имеет определенную историческую ценность. При этом поток открытий еще не иссяк, что дает стимул дальнейшему исследованию богатого фонда Иоанна Ильича Сергиева.

Список литературы

1. Балыбердин Ю. А. Церковь и общественное движение в Вятской губернии в начале XX века // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца) : мат-лы Международной научной конференции. Т. I. Киров, 1996. С. 302–307.
2. Вернувшийся домой. Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). Т. II. М. : Изд-во ПСТГУ, 2005. 575 с.
3. Душой я с вами : сб. Вятка (Киров) : Изд. Региональной общественной организации «Возрождение Вятки», 2024. 28 с.
4. Зимина Н. П. К вопросу об иоаннитском движении в Русской Православной Церкви и возникновении в конце 1920-х гг. катакомбного течения «архиепископа» Агафангела (Садаковского) // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 28–54.
5. Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М. : Наука, 1984. 224 с.
6. Иванов К. К приезду о. Иоанна Кронштадтского // Вятский вестник. 1907. № 118. С. 3.
7. Из жизни Вятской Епархиальной библиотеки-читальни // Вятские епархиальные ведомости. Отд. Неофиц. 1904. № 17. С. 1018–1020.
8. Ильяшенко Ф. А. Отец Иоанн Кронштадтский в восприятии современников : дисс. ... к. и. н. М., 2004. 194 с.
9. Киценко Н. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 390 с.
10. Кронштадтского протоиерея о. Иоанна Ильича Сергиева с духовенством Сарапульского викариатства // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отд. Неофиц. 1904. № 23. С. 665–676.
11. Левитский П. П., прот. Памяти протоиерея И. И. Сергиева // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский: Воспоминания самовидцев. М. : Отчий дом, 2011. С. 531–550.
12. Маркелов А. В. К 100-летию второго приезда отца Иоанна Кронштадтского на Вятскую землю. URL: https://ruskline.ru/analitika/2007/07/14/k_100-letiyu_vtorogo_priezda_otca_ioanna_kronshtadtskogo_na_vyatskuyu_zemlyu/ (дата обращения: 06.09.2024).
13. Маркелов А. В. Чтимые иконы и святые в жизни общества 2-й половины XVII – начала XX вв. (на примере Вятской епархии). Киров (Вятка) : Кировское обл. отд. общерос. обществ. орг. «Союз писателей России» : Витберг, 2019. 544 с.
14. Михаил (Семенов), иеромонах. Отец Иоанн Ильич Сергиев (полная биография с иллюстрациями). СПб. : Слово, 1903. 431 с.
15. Одинцов М. И. Иоанн Кронштадтский. М. : Молодая гвардия, 2014. 349 с.
16. О. Иоанн Кронштадтский на Волге летом 1894 года. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1895. 107 с.
17. О. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) в г. Вятке // Вятские епархиальные ведомости. Отд. Неофиц. 1904. № 14. С. 811–814.
18. О. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) в селе Вознесенско-Вахрушеве, Слободского уезда // Вятские епархиальные ведомости. Отд. Неофиц. 1907. № 23. С. 589–593.

19. Орлов М. А. «...Я – сын моей великой Родины» (Митрополит Нестор Анисимов) // Вятчане в истории России : мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. Киров, 2020. С. 88–95.
20. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии / под общ. ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка : Буквица, 2007. 640 с.
21. Пребывание о. Иоанна Ильича Сергиева в Вятке // Вятские епархиальные ведомости. Отд. Неофиц. 1904. № 13. С. 807–808.
22. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 175. Д. 2017.
23. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 332.
24. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1668.
25. РГИА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 494.
26. РГИА. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 37.
27. Святой Праведный о. Иоанн Кронштадтский. Христианская философия. М. : Издательский отдел Московского Патриархата (Изд. репринтное), 1992. 212 с.
28. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Письма разных лет. Т. II. 1902–1908. М. : Отчий дом, 2011. 638 с.
29. Сергей Гомаюнов, свящ., Маркелов А. Живые иконы. Святые и праведники Вятской земли. Киров : Триада-С, 1999. 160 с.
30. Семибратов В. К. Друг Иоанна Кронштадтского // Вятский епархиальный вестник. 2023. Июнь (№ 6). С. 9.
31. Телеграмма о. Иоанна Кронштадтского // Вятские епархиальные ведомости. 1907. № 40. С. 1093.
32. Филипп Ильяшенко, свящ., Фирсов С. Л. Иоанн Кронштадтский. Биография // Православная энциклопедия. Т. 24. М., 2010. С. 353–382.
33. Хондзинский Павел, свящ. Иоанн Кронштадтский. Богословские воззрения // Православная энциклопедия. Т. 24. М., 2010. С. 365–373.
34. Хроника // Вятские епархиальные ведомости. Отд. Неофиц. 1905. № 13. С. 740.
35. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 714. Оп. 1. Д. 207.
36. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 208.
37. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 217.
38. ЦГИА СПб (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 569. Оп. 20. Д. 344.
39. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 14 а.
40. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 14 б.
41. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 14 в.
42. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 18.
43. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 26.

John of Kronstadt's visits to Vyatka province in the light of new archival sources

Orlov Maxim Alexandrovich

PhD in Historical Sciences, Petersburg Lyceum. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443.
E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. At the beginning of the XX century. The Vyatka province was visited by a famous priest, Archpriest of St. Andrew's Kronstadt Cathedral John Sergiev, who was popularly nicknamed "Kronshtadtsky". He was one of the most popular church figures among the people. During the revolution of 1905–1907, fr. St. John's became a landmark for the Russian monarchist and patriotic movement. His arrival in Russian cities, including Vyatka province, attracted the attention of the local community. John of Kronstadt was associated with various strata of the Vyatka community: the clergy, the intelligentsia, the merchants, the burghers, the peasantry. As a member of the monarchist movement, John of Kronstadt maintained contacts with the Vyatka People's Monarchist Party. In connection with the appearance of the Ioannite sect in Vyatka province, John of Kronstadt sent letters and telegrams condemning the activities of people who used his name to recruit people into the religious communities of the Ioannites.

This article aims to introduce previously unknown archival documents into scientific circulation, which reflect the activities of Archpriest John Sergiev in the Vyatka province. The documents are kept in the Central State Historical Archive of St. Petersburg. The most valuable of these are letters and telegrams sent to fr. John in connection with his visits to the Vyatka province.

The article concludes that a certain circle of admirers of John of Kronstadt had formed in Vyatka province even before his arrival in the province. It was also established that the charitable institutions of Vyatka were interconnected, including in connection with the veneration of Fr. St. John's.

Keywords: John of Kronstadt, Vyatka province, revolution, monarchists, Johannites.

References

1. Balyberdin Yu. A. *Cerkov' i obshchestvennoe dvizhenie v Vyatskoj gubernii v nachale XX veka* [The Church and the social movement in Vyatka province at the beginning of the XX century] // *Religiya i cerkov' v kul'turno-istoricheskom razvitii Russkogo Severa (k 450-letiyu Prepodobnogo Trifona, Vyatskogo Chudotvorca). Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Tom I.* Kirov, 1996. Pp. 302–307.
2. *Vernuvshijsya domoj. Zpizneopisanie i sbornik trudov mitropolita Nestora (Anisimova)* [Returned home. Biography and collection of works of Metropolitan Nestor (Anisimov)]. Vol. II. M. PSTSU Publ. house, 2005. 575 p.
3. *Dushoj ya s vami: Sbornik. Vyatka (Kirov) – My soul is with you: coll. works.* Vyatka (Kirov). Publ. by Regional public organization "Vozrozhdenie Vyatki" (Resurrection of Vytaka). 2024. 28 p.
4. Zimina N. P. *K voprosu ob ioannitskom dvizhenii v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i vozniknovenii v konce 1920-h gg. katakombnogo techeniya "arhiepiskopa" Agafangela (Sadakovskogo)* [On the issue of the Johannite movement in the Russian Orthodox Church and the emergence in the late 1920s of the catacomb movement of "Archbishop" Agafangel (Sadakovsky)] // *Vestnik PSTGU. Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi – Herald of PSTU. History. The History of the Russian Orthodox Church.* 2010. Is. 4 (37). Pp. 28–54.
5. Zyryanov P. N. *Pravoslavnyaya cerkov' v bor'be s revolyuciej 1905–1907 gg.* [The Orthodox Church in the struggle against the Revolution of 1905–1907]. M. Nauka (Science), 1984. 224 p.
6. Ivanov K. *K priezdu o. Ioanna Kronshtadtskogo* [By the arrival of fr. John of Kronstadt] // *Vyatskij vestnik – Vyatka herald.* 1907. No. 118. P. 3.
7. *Iz zhizni Vyatskoj Eparhial'noj biblioteki-chital'ni – From the life of the Vyatka Diocesan Library-reading room* // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti. Otd. Neofic – Vyatka Diocesan Gazette. Department of Neofits.* 1904. No. 17. Pp. 1018–1020.
8. Il'yashenko I. F. *Otec Ioann Kronshtadtskij v vospriyatii sovremennikov : diss. ... k. i. n.* [Father John of Kronstadt in the perception of contemporaries : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M. 2004. 194 p.
9. Kicenok N. *Svyatoj nashego vremeni: otec Ioann Kronshtadtskij i russkij narod* [The Saint of our time: Father John of Kronstadt and the Russian people]. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New literaty review), 2006. 390 p.
10. *Kronshtadtskogo protoiereya o. Ioanna Il'icha Sergieva s duhovenstvom Sarapul'skogo vikariatsva* [The Kronstadt Archpriest fr. John Ilyich Sergiev with the clergy of the Sarapul Vicariate] // *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. Otd. Neofic – Yekaterinburg Diocesan Gazette. Non-official dep.* 1904. No. 23. Pp. 665–676.
11. Levitskij P. P., prot. *Pamyati protoiereya I. I. Sergieva* [In memory of Archpriest I. I. Sergiev] // *Svyatoj pravednyj otec Ioann Kronshtadtskij: Vospominaniya samovidcev – Holy Righteous Father John of Kronstadt: Memoirs of self-seers.* M. : Otchij dom, 2011. Pp. 531–550.
12. Markelov A. V. *K 100-letiyu vtorogo priezda otca Ioanna Kronshtadtskogo na Vyatskuyu zemlyu* [On the 100th anniversary of the second visit of Father John of Kronstadt to the Vyatka land]. Available at: https://ruskline.ru/analitika/2007/07/14/k_100-letiyu_vtorogo_priezda_otca_ioanna_kronshtadtskogo_na_vyatskuyu_zemlyu/ (date accessed: 06.09.2024).
13. Markelov A. V. *Chtimye ikony i svyatye v zhizni obshchestva 2-j poloviny XVII-nachala XX vv. (na primere Vyatskoj eparhii)* [Venerated icons and saints in the life of society in the 2nd half of the XVII-early XX centuries. (using the example of the Vyatka Diocese)]. Kirov (Vyatka) : Kirov regional department of All-Russia public organization "Soyuz pisatelej Rossii" (The Union of Writers of Russia) : "Vitberg", 2019. 544 p.
14. Mihail (Semenov), ieromonah. *Otec Ioann Il'ich Sergiev (polnaya biografiya s illyustracijami)* [Father John Ilyich Sergiev (full biography with illustrations)]. SPb. : "Slovo" (Word), 1903. 431 p.
15. Odincov M. I. *Ioann Kronshtadtskij* [John of Kronstadt]. M. Molodaya gvardiya (Young guard), 2014. 349 p.
16. *O. Ioann Kronshtadtskij na Volge letom 1894 goda* [Fr. John of Kronstadt on the Volga in the summer of 1894]. SPb. Tip. of P. P. Sojkin, 1895. 107 p.
17. *O. Ioann Il'ich Sergiev (Kronshtadtskij) v g. Vyatke* [Fr. John Ilyich Sergiev (Kronshtadtsky) in Vyatka] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti. Otd. Neofic. – Vyatka Diocesan Gazette. Non-official dep.* 1904. No. 14. Pp. 811–814.
18. *O. Ioann Il'ich Sergiev (Kronshtadtskij) v sele Voznesensko-Vakhrusheve, Slobodskogo uezda* [Father John Ilyich Sergiev (Kronshtadtsky) in the village of Voznesensk-Vakhrushev, Sloboda county] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti. Otd. Neofic. – Vyatka Diocesan Gazette. Non-official dep.* 1907. No. 23. Pp. 589–593.
19. Orlov M. A. *"...Ya-syn moej velikoj Rodiny" (Mitropolit Nestor Anisimov)* ["...I am the son of my great Motherland" (Metropolitan Nestor Anisimov)] // *Vyatchane in the history of Russia: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference.* Kirov, 2020. Pp. 88–95.
20. *Ocherki istorii Vyatskoj eparhii (1657–2007): 350 let Vyatskoj eparhii* [Essays on the History of the Vyatka Diocese (1657–2007): 350 years of the Vyatka Diocese] / under the gen. ed. of Mitr. Vyatka and Slobodskoy Chrysanthemums. Vyatka. Bukvica, 2007. 640 p.
21. *Prebyvanie o. Ioanna Il'icha Sergieva v Vyatke* [The stay of fr. John Ilyich Sergiev in Vyatka] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti. Otd. Neofic. – Vyatka Diocesan Gazette. Non-official dep.* 1904. No. 13. Pp. 807–808.
22. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Inv. 175. File. 2017.
23. RSHA. F. 821. Inv. 133. File. 332.
24. RSHA. F. 834. Inv. 4. File. 1668.
25. RSHA. F. 1016. Inv. 1. File. 494.
26. RSHA. F. 1082. Inv. 1. File. 37.
27. *Svyatoj Pravednyj o. Ioann Kronshtadtskij. Hristianskaya filosofiya* [Holy Righteous John of Kronstadt.

Christian Philosophy]. M. Publishing Department of the Moscow Patriarchate (reprinted), 1992. 212 p.

28. *Svyatoj pravednyj Ioann Kronshtadtskij. Pis'ma raznyh let* [The Holy Righteous John of Kronstadt. Letters from different years]. Vol. II. 1902–1908. M. "Otchij dom" (Father's house), 2011. 638 p.

29. *Sergij Gomayunov, svyashch., Markelov A. Zhivye ikony. Svyatye i pravedniki Vyatskoj zemli* [Living icons. Saints and Righteous of the Vyatka land]. Kirov. Triada-C, 1999. 160 p.

30. *Semibratov V. K. Drug Ioanna Kronshtadtskogo* [A friend of John of Kronstadt] // *Vyatskij eparhial'nyj vestnik* – Vyatka Diocesan Herald. 2023. June (No. 6). P. 9.

31. *Telegramma o. Ioanna Kronshtadtskogo* [Telegram from O. John of Kronstadt] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan news. 1907. No. 40. P. 1093.

32. *Filipp Il'yashenko, svyashch., Firsov S. L. Ioann Kronshtadtskij. Biografiya* // *Pravoslavnyaya enciklopediya* – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 24. M. 2010. Pp. 353–382.

33. *Hondzinskij Pavel, svyashch. Ioann Kronshtadtskij. Bogoslovskie vozzreniya* [John of Kronstadt. Theological views] // *Pravoslavnyaya enciklopediya* – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 24. M. 2010. Pp. 365–373.

34. *Hronika* – The Chronicle // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti. Otd. Neofic.* – Vyatka Diocesan Gazette. Non-official dep. 1905. No. 13. P. 740.

35. CSAKR (Central State Archive of the Kirov Region). F. 714. Inv. 1. File. 207.

36. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File. 208.

37. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File. 218.

38. CSHASP (Central State Historical Archive of St. Petersburg) F. 569. Inv. 20 File. 344.

39. CSHASP. F. 2210. Inv. 1. File. 18.

40. CSHASP. F. 2210. Inv. 1. File. 14 a.

41. CSHASP. F. 2210. Inv. 1. File. 14 b.

42. CSHASP. F. 2219. Inv. 1. File. 14 v.

43. CSHASP. F. 2210. Inv. 1. File. 26.

Поступила в редакцию: 01.10.2024

Принята к публикации: 03.03.2025

Дискуссия в «Литературной газете» о проблемах советской семьи в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

Вохмина Виктория Леонидовна

аспирант кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры;
преподаватель факультета гуманитарных наук, Высшая школа экономики. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0009-0009-2268-9738. E-mail: vlviktoria@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу интеллигентского дискурса о советской семье на страницах «Литературной газеты» в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В центре внимания находятся ключевые вопросы, обсуждавшиеся в рамках данной темы, такие как роль мужчины и женщины в обществе, изменение семейных ценностей, проблемы воспитания детей, тема разводов и сокращение рождаемости. Исследование основывается на статьях, письмах читателей и комментариях редакции, которые были опубликованы в «Литературной газете» за период с 1967 по начало 1970-х гг.

В рамках исследования делается вывод о том, что в формировании интеллигентского дискурса о советской семье на страницах «Литературной газеты» участвовали эксперты из разных областей. В фокусе внимания авторов находились проблемы советской семьи, и предлагались меры, которые помогли бы семье пережить «трудные времена». Кроме того, в рамках дискурса поднимается вопрос о необходимости привлечения школы к формированию представлений о семейной жизни среди молодежи, для увеличения количества успешных и долгосрочных браков.

Интеллигентский дискурс конца 1960-х – начала 1970-х гг. представил меры по просвещению, которые начали реализовываться в конце 1980-х гг., что будет рассмотрено автором в других статьях. Результаты найдут применение для изучения представлений о позднесоветской семье, формировании образа позднесоветской семьи, и будут интересны широкому кругу специалистов: педагогам, социологам, демографам, историкам и юристам.

Ключевые слова: позднесоветская семья, брак, развод, молодежь, демография, социально-культурные процессы 1960–70-х гг.

Советское государство использовало институт семьи как инструмент реализации политики, наделяя ее особыми социальными функциями. На протяжении существования СССР происходит изменение института семьи под нужды государства, о чем свидетельствует постоянная работа над семейным законодательством, а также проведение социальных реформ. Зачастую эти меры были вынужденными и имели ретроспективный характер – изменения уже произошли и их нужно было зафиксировать. Проследить существующие в обществе изменения и проанализировать их в определенный период времени позволяет язык, который находит отражение в официальной риторике, на страницах печатных изданий.

В данной статье будет представлена попытка взглянуть на институт позднесоветской семьи с позиции общественных представлений в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В этот период времени в публичном пространстве, на страницах газет и журналов, происходит фракционная борьба между сторонниками обсуждения и решения общественных проблем и сторонниками консервативных взглядов («почвенниками»), в связи с чем происходит разделение журналов. Журнал «Новый мир», «Октябрь», а позднее журналы «Молодая гвардия» и «Современник» относился к фракции «почвенников», а «Литературная газета» относилась к противоположной, как отмечают в своем исследовании И. Ку克林, М. Майофис и М. Четверякова [15]. Так как в журналах «почвенников» за 1960-е и 1970-е гг. не было рубрик, посвященных социальным проблемам, поскольку авторы в основном публиковали там литературные произведения, в том числе посвященные обличению бездуховности и буржуазности Запада, то для исследования было выбрано издание «либералов» – «Литературная газета».

«Литературная газета» (далее – ЛГ) имела свою специфику, она была разделена на две части. Первая и основная часть ЛГ, так называемая первая тетрадка, была посвящена советской литературе. Политика издания по этой теме была достаточно консервативной. Так, по воспоминаниям сотрудников ЛГ, главный редактор Чаковский А. Б. говорил, что литературная политика – «дело чрезвычайно тонкое и щепетильное. Тут, как говорится, десять раз от-

мерь и один отрежь. И мерить нужно точно, чуть не туда – и не оберешься, как говорится, на свою голову» [23, с. 219]. Однако во второй тетрадке авторы статей имели большую свободу и вовлекали читателей в дискуссии по разным темам, которая создавала «иллюзию демократии, но это была демократия Гайд-Парка, несколько не пугающая власти, зато уводящая читателя от реальных проблем советского общества» [23, с. 219]. Издание было очень популярным в среде советской интеллигенции и выходило тиражами в 1,5 миллиона экземпляров. Читателей подкупало еще то, что «вместо штамповых догм и истин появилось живое слово, живая полемика, живое столкновение взглядов, отрицаемое, казалось бы, всей системой советской идеологии» [23, с. 129].

В связи с чем общественные представления о советской семье в данной статье будут рассмотрены через призму интеллигентского дискурса в «Литературной газете» 1967–1970-х гг., сложившегося при обсуждении семейных проблем.

Существуют разнообразные подходы к изучению советской семьи, в связи с многогранностью семьи как предмета исследования. Одним из подходов в историографии советской семьи является политико-институциональный, именно он лег в основу данного исследования. Так, исследователи второй половины XX в. А. Г. Харчев [33], Н. Г. Юркевич [36], С. И. Голод [8] определили институциональные особенности семьи и брака как целостной системы, которая функционирует в соответствии с закономерностями развития общества.

Также интересен и взгляд исследователей в рамках демографического подхода, которые рассматривают семью как ключевой элемент общества, который напрямую связан с демографическими показателями – количество разводов, рост населения, рост неполных семей, феномен социального сиротства и другими. В рамках этого подхода можно выделить работы – Е. Р. Ярской-Смирновой, А. Г. Вишневского, М. С. Тольца, А. Б. Аничкина [35].

Хронологические рамки данного исследования основываются на подходе к трансформации института семьи, предложенном Вишневским А. Г. Так, автор определяет три главных этапа.

Первый – до середины 1930-х гг., «меньше государства», характеризуется ярко выраженной либеральной направленностью брачно-семейных отношений.

Второй – с середины 1930-х до середины 1950-х гг., «больше государства», отмечается более жестким контролем и регулированием института семьи.

Третий – с середины 1950-х гг. – «либерализация брачно-семейных отношений» [5, с. 86].

Первые два периода постоянно находятся под пристальным вниманием исследователей, поскольку считаются достаточно радикальными политическими эффектами по отношению к предшествующей семейной политике. Однако третий этап часто рассматривается исследователями только с точки зрения изменений в брачно-семейном праве, без учета других факторов.

Необходимо также отметить, что во второй половине XX в. советская семья претерпевает значительные изменения, связанные с процессом модернизации, одним из последствий которого становится появление приватного пространства. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» предписывало «начиная с 1958 г., в жилых домах, строящихся как в городах, так и в сельской местности, предусматривать экономичные благоустроенные квартиры для заселения одной семьей» [24], что повлияло на формирование семьи нового типа – городской семьи, неожиданным последствием которого стало ослабление контроля над семьей [10].

Потеря контроля со стороны государства над институтом семьи привела к ряду проблем, одной из которых стала демографическая. Впервые она поднимается на XXV съезде Коммунистической партии Советского союза [19], однако на XXVI съезде 23 февраля 1981 г. Брежнев Л. И., кроме упоминания этой проблемы, отмечает что семья должна стать объектом заботы правительства для поднятия демографии. Он отмечал, что «Центральный Комитет уделял серьезное внимание разработке и осуществлению эффективной демографической политики, обострившимся за последнее время проблемам народонаселения. Главный путь их решения – усиление заботы о семье, молодоженах и прежде всего о женщине» [20]. В этом заявлении не наблюдается новых мер, которые были бы предложены для устранения проблемы, однако видна риторика, основной идеей которой является забота. Государственная власть в лице Брежнева Л. И. использовала принятую в обществе модель «заботы», которая была ключевой в политике после Сталина И. В., для обозначения важности проблемы.

Несмотря на всю «демократичность», ЛГ, как и другим изданиям, выходившим в СССР, необходимо было придерживаться официальной риторики. Однако в это время уже нет един-

ства идеологической линии, в связи с чем для советской власти было характерно многоголо-сие. За влияние боролись разные люди, которые использовали разный язык, ориентируясь на определенную аудиторию. Каждый язык решал определенные задачи, в том числе и демогра-фическую. Государство надеялось на семью в устранении проблемы.

В 1965 г. наметились тенденции по уменьшению деторождения, которые касались не только Советского союза, но и других развивающихся стран. Согласно сведениям из Демогра-фического ежегодника ООН, «на тысячу жителей планеты приходилось в среднем в год по 34 новорожденных. Это очень много. Для развитых стран рождаемость равнялась – 21, для раз-вивающихся – 40. В СССР в 1965 г. на 1000 жителей приходилось 18,4 новорожденных» [13, с. 12]. В самой большой республике, РСФСР, на 1000 городского населения приходилось 16,2 но-ворожденных, в деревенской местности – 21. В Украине среди городского населения – 15, а сре-ди деревенского – 15,6, в Белоруссии – 17,9, при этом не приводилась статистика по Азиатским регионам СССР – Узбекистану и Таджикистану.

Как пишет Вишневский А. Г., «демографические изменения первичны по отношению ко многим экономическим и культурным переменам, а не вытекают из них. Рождаемость снизи-лась не потому, что женщины стали учиться, работать за зарплату, стремиться к самореали-зации, использовать противозачаточные средства и отказываться связать свою жизнь с не-проверенными партнерами. Напротив, все это стало возможным благодаря тому, что отпала прежняя необходимость в непрерывном рождении детей, огромная доля которых не выжива-ла» [5, с. 62]. В связи с этим государство стремилось найти новые механизмы воздействия на семью с целью повышения рождаемости.

Кроме того, институт семьи имел важное значение для государства и советского обще-ства, поскольку должен был заниматься воспитанием подрастающего поколения, приобще-нием молодежи к социалистическому порядку, помогать в отлучении от западной поп-культуры, а также приучать молодежь к общественно-полезному труду. Эту задачу государ-ство, кроме семьи, возлагало еще на школу. Такое разделение обязанностей между институ-тами приводило к снижению ответственности институтов, а вместе с этим и эффективности проводимых мероприятий. Школа всегда находила возможность сообщать об этом обществу, а также пыталась переложить ответственность за воспитание подрастающего поколения об-ратно на плечи семьи.

Однако в семье городского типа роли были распределены по-другому. Мать и отец, ко-торые должны были принимать участие в воспитании, были заняты на производстве, бабуш-ки и дедушки чаще всего проживали отдельно, обычно за пределами города, т. к. в городской квартире было недостаточно места для них. Все это приводило к тому, что вся ответствен-ность о воспитании молодежи полностью перекладывалась на образовательные учреждения, особенно на школу.

Неслучайно в середине 1960-х на страницах ЛГ начали обозначаться проблемы, показы-вающие дефекты позднесоветской семьи. При этом вокруг статей, поднимающих злободнев-ные проблемы, разыгрывалась нешуточная полемика, которая часто занимала страницы не-скольких номеров. Читатели, как и авторы статей, высказывали свою точку зрения и предла-гали решения по устранению этих проблем.

Одной из тем дискуссии, занимавших общественность долгое время, стало изменение в брачно-семейной политике. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1965 г. «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» [18] отме-нял сложную двуступенчатую систему разводов и обязательную публикацию информации о разводе в прессе. Согласно официальной статистике по сравнению с 1965 г. число разводов увеличилось практически вдвое и составило 646 тысяч [34, с. 170]. Эта цифра объясняется исследователями тем, что «о числе загнанных в подполье фактических разводов ничего не было известно, но когда в 1965 г. процедура развода была упрощена, число разводов за один год выросло» [4].

Упрощение процедуры разводов тоже было частью семейной политики, государство понимало, что количество зарегистрированных браков гораздо выше, чем реальное количе-ство семей. В связи с этим власть надеялась, что, предоставив возможность официально рас-торгнуть брак тем супругам, которые уже давно не заинтересованы в сохранении семьи, она открывает возможность для регистрации новых браков, которые могут привести к пополне-нию семейства, а значит, к улучшению демографической обстановки.

Однако с упрощением процедуры разводов проблема осталась, и на страницах печатных

изданий происходило обсуждение участия различных органов в бракоразводном процессе.

Так, в одной из статей говорится о рассмотрении дела о разводе в товарищеском суде, «рудиментарном» органе, который не был частью судебной системы, поэтому не мог применить никаких решений. Бондарин С. пишет, что «на этот раз судьи, входящие в товарищеский суд ЖЭКа, пытались вернуть немолодых супругов в границы нормальной семейной жизни. С первых же минут, однако, ясно, что это непросто. Лебедевы все еще живут в подвале, люто ссорятся и были бы не прочь, ссылаясь на квартирные неудобства, получить для каждого свою отдельную площадь, короче говоря, развестись» [3, с. 11]. Процесс затягивается, однако в нем участвует и несовершеннолетний ребенок, девочка, невольная свидетельница грубых столкновений родителей, «позволяющих себе не только пререкаться, но и драться на виду у всего двора и многое другое в этом же роде» [3, с. 11].

Автор подчеркивает проблему воспитания детей. Семья, которая должна стать примером для подрастающего поколения, ведет себя неправильно, не «по-граждански». Поэтому советскому обществу необходимо возвращать ее в «границы нормальной семейной жизни».

Второй волной большой дискуссии в прессе становится публикация проекта «Основ законодательства союза ССР и союзных республик о браке и семье» в 1968 г. В рубрике «Личность, коллектив и общество» выходит статья «Семья: право и мораль», в которой описывается заседание юристов, на котором они комментируют 16-ю статью.

Данная статья предусматривала уравнивание всех детей, которые выросли без отцов или с отцами, и ликвидировала термин «безотцовщина», но механизм установления отцовства не был сформирован. Предполагалось, что определение отцовства будет закреплено за матерью и затем будет подтверждено судом. Однако, по мнению экспертов и участников дискуссии, этот пункт ограничивал ответственность отца: «Ведь закон по существу не обращен против отца, который пренебрегает социалистической нравственностью, уклоняется от своего морального долга. Если же отец ребенка, руководствуясь нормами нравственности, хоть как-то участвует в его воспитании, помогает ему материально, то есть проявляет какой-то минимум порядочности, то закон его за это накажет: суд установит его отцовство и взыщет с него алименты» [11, с. 12].

Таким образом, поднимался важный вопрос о юридическом статусе ребенка от незарегистрированного брака и вопрос об алиментах на такого ребенка. Один из читателей ЛГ предлагал решить вопрос по отдельности (что не учитывал данный законопроект), он пишет: «надо предоставить матери право указывать в качестве отца того мужчину, которого она хочет указать, но при этом автоматически не связывать такую запись с элементами, т. е. «разделить метрику и алименты». Подтверждая эту мысль, одна из читательниц М. Штенберг из Ростова-на-Дону пишет: «Еще ни разу не пожалела о рождении сына, люблю его неизмеримо. Но меня убивает, буквально убивает прочерк в его метрике. Надо чтобы новый закон давал матери право вписывать в метрики полное имя настоящего отца. Мне не нужны никакие алименты: я сама в состоянии обеспечить ребенка и от такого отца я бы и не хотела ничего получить» [25, с. 12].

Но оставалась еще и третья сторона. Семья читателей из Москвы отмечает, что «совершенно нелепо выглядит предложение о праве матери вписывать в метрику любую мужскую фамилию. Боимся, что количество «детей лейтенанта Шмидта» резко возрастет» [30, с. 12], – пишет семья читателей из Москвы.

Таким образом, вместе с обсуждением проекта в прессе была инициирована дискуссия о «безотцовщине», которая назревала в обществе уже давно и была связана с непоследовательной семейной политикой Н. С. Хрущева.

В 1950-е гг. многие видные деятели эпохи «оттепели», в том числе писатели Маршак С. Я. и Эренбург И. Г., музыкант Шостакович Д. Д. и академик Сперанский Г. Н., стремились поднять проблему устаревшего законодательства. Устав, принятый в 1944 г. и просуществовавший вплоть до 1968 г., предписал детям, рожденным вне брака, в метриках в сведениях об отце ставить прочерк, таким образом, закреплялся официальный статус ребенка «безотцовщина». Если в 1944 г. ввиду войны и других обстоятельств эта мера была вынужденной, то спустя 10 лет многие считали ее пережитком прошлого и помехой для становления семьи современного типа. В 1956 г. они подписали открытое письмо Н. С. Хрущеву, к которому прилагалось напех срифмованное стихотворение С. Я. Маршака:

«От имени множества матерей,
Изведавших боль одиночества,
Мы просим Верховный совет поскорей
Вернуть их ребятам отчества.
От имени граждан будущих лет,

Еще не имеющих отчества,
Мы, взрослые, просим Верховный совет
Дать отчество им вместо прочерка.
Мы просим родившимся отчество дать
Взамен этих прочерков-клякс.
Пускай не ходили отец их мать
Любовь регистрировать в загс.

...
Так пусть же и в метриках будут равны
Для счастья рожденные дети» [17].

Письмо было опубликовано в ЛГ 9 октября 1956 г., однако реакции на него со стороны общественности и властей не последовало. В 1967 г., еще перед обсуждением законопроекта о брачно-семейном законодательстве, этот вопрос начинает снова обсуждаться. В статье «И снова об алиментах?» М. Сонин, профессор, доктор экономических наук, подводя итог рассуждению о новой роли женщины в обществе и экономической целесообразности браков, пишет: «Странно, что решительный голос нашей общественности, выступающей за отмену закона 1944 г., до сих пор не услышан. Неоднократные выступления «Литературной газеты» остались без внимания... <...> не только с моральной, но и с экономическо-демографической точки зрения нынешний порядок не выдерживает никакой критики. И чем быстрее пересмотрим мы его, тем лучше» [29, с. 10].

Следующим объектом дискуссии становится вопрос о положении советской женщины, ее социальных и экономических ролей.

Об эмансипации и равноправном положении женщины еще в начале века много писали советские идеологи: И. Арманд и А. Коллонтай. Они выпустили несколько статей, посвященных вопросам эмансипации женщин. В 1960-е гг. эта тема продолжает освещаться, используя фактически те же идеологические заголовки, например, заголовок «Долой кухонное рабство!», однако их точки зрения на решения этих проблем противоположны и во многом отличаются от предложения И. Арманд и А. Коллонтай.

Также в статьях отмечалась двойная социальная нагрузка, которая ложилась на женщину. С одной стороны, она являлась женой и матерью, хранительницей домашнего очага, а с другой стороны, выполняла еще роль работницы, которая делилась на два вида: профессиональная роль и домашние обязанности. Как отмечают авторы, в отличие от мужчины, у женщины домашние обязанности занимали фактически столько же времени, сколько и рабочие. «Хотя социологи расходятся в определении времени, которое работница тратит в среднем на домашний труд, но они едины в том, что цифра эта очень велика – от 4 до 7 часов в день. Они выводят, что женщина имеет около трех часов свободного времени ежедневно, хотя я, честно говоря, не встречала еще ни одной работающей знакомой, у которой бы регулярно оставался хотя бы час для чистого отдыха» [1, с. 12].

Как и ранее И. Арманд и А. Коллонтай, авторы предполагали, что решением проблемы по снижению домашней нагрузки на женщину должно заниматься общество, а именно советские институты, которые представляют услуги общественного питания или бытовые услуги (столовые и прачечные) и т. п., поскольку общество заинтересовано в том, чтобы женщина оставалась работницей и занимала позиции наравне с мужчиной.

Однако, с другой стороны, появлялись мнения о том, что помощь в освобождении женщины от бытовых обязанностей должен оказать мужчина, чья позиция в отношении воспитания детей предполагает более активное взаимодействие и помощь супруге. Для подкрепления данных «Литературная газета» использует социологическое исследование С. Голода, основанное на опросе польских и советских женщин, несмотря на то, что оно не основано на большой выборке, автор отмечает: «нам бы хотелось, чтобы читатель «Литературной газеты» задумался, сколько времени работа на производстве и дома отнимает у его жены, сестры или матери, – и все ли делает настоящий мужчина, чтобы помочь своим близким?» [7, с. 12].

При этом авторы добавляли, что нужно учитывать изменение ролей женщины и мужчины, на которых сказались как эмансипация женщины, так и падение нравственных ориентиров: «именно изменение нравственного облика мужчины побудило женщину превратиться в совершенную, искусственную Афродиту... Примитивная сексуальность современного мужчины толкает женщину на своего рода проституирование, вынуждая ее вступать в конкурентную борьбу, в ходе которой не принимаются в расчет какие-либо духовные ценности, а

лишь готовность физически отдаться мужчине» [2, с. 12]. А эмансипация привела к изменению роли мужчины в семье. Авторитет мужчины «основательно подорван и определяется лишь авторитетом служебным» [14, с. 12].

Роль мужчины рассматривалась также в контексте демографических вопросов. Положение мужчины в обществе начало активно обсуждаться после публикации статьи Б. Урланиса «Берегите мужчин!», которая вызвала сильный общественный резонанс. В этой статье поднимается вопрос о высокой смертности и среднем возрасте советского мужчины. В связи с этим автор предлагает ввести специальные консультации для мужчин, наподобие женских консультаций.

В ответ на статью Б. Урланиса выходит целая серия статей. В статье «Сильный пол взывает к милосердию» Л. Крячко отмечает, что «профилизация проектируемых автором консультаций (по борьбе с алкоголизмом, курением и пр.) показывает, что он полагает эти привычки чисто мужскими. Так, может, при вытрезвителях ввести кабинеты санитарного просвещения – проще и экономичней?» [12, с. 12]. Несмотря на то, что «факт высокой смертности мужчин опровергнуть нельзя» [27, с. 12], однако важно понимать, что физическая нагрузка на них выше, а социальная нагрузка – ниже, как выяснила статистика, и времени у них на развлечения и встречи с друзьями без жен – выше.

В связи с чем в статье «И женщин берегите!» А. Баскина предлагает мужчинам «разделить с женами не четверть, а хотя бы половину их домашних забот, не получили бы они при этом, кроме морального и некоторый практический выигрыш? Не помогло ли бы это избавиться им от бессмысленного «козла», на который уходят часы, не сократило бы время на пьянство, а может быть, даже и на курение? И, кто знает, не стала бы вся их жизнь интересней, полноценней, если бы их ждали дома не замотанные до потери сознания раздраженные жены, а были бы подруги жизни такими, какими им положено быть: отдохнувшими и приветливыми?» [1, с. 12]. Кроме того, автор делает акцент на «пороках», свойственных мужчинам, которые как раз и ведут к сокращению продолжительности жизни.

Чаще всего в качестве основных «пороков» мужчин отмечается пьянство, которое также упоминается экспертами в качестве одной из причин расторжения брака. Так как «пьянство – тоже совокупная причина, которая никогда не выступает в одиночку. Его вечные спутники – грубость, жестокость, нужда, неверность» [1, с. 12]. Как отмечает Н. Г. Юркевич, «из большого количества обстоятельств, обязательно ведущих к распаду семьи, выделяет три основных: легкомысленное отношение к вступлению в брак, измену и алкоголизм» [1, с. 12].

Из развернувшейся дискуссии по поводу «бережного отношения» к мужчинам и женщинам складывается понимание, что рычагов влияния на женщин и мужчин при создании семьи, а также при воспитании детей в советском обществе – нет. Те рычаги, которые были – перестали работать, а новые или не были найдены, или не были адаптированы к социальным изменениям.

В СССР начала складываться «Ein-Kind-System», то есть «система одного ребенка», которая распространялась именно в столицах и больших городах, что было связано с ростом городов, распространением городской культуры, а также жилищной политикой, проводимой государством. Как отмечали эксперты, «нам нужно разработать систему мероприятий, при помощи которых увеличится число семей, имеющих два и три ребенка» [32, с. 12].

Однако для такой системы поддержки рождаемости необходимо определить механизмы влияния. И несмотря на то, что большинство специалистов, в частности, демографов, подмечало, что «пора принимать срочные и решительные меры по регулированию рождаемости» [22, с. 12]. Они также говорили, о том, что «надо хорошо знать механизм, который ею управляет. Надо знать, на какое звено и как воздействовать, чтобы получить нужные результаты. Увы, такого нет» [22, с. 12].

Исходя из статей в ЛГ, в функционировании института советской семьи наметились серьезные сбои. Высокие стандарты, которые государство и общество предъявляло к этому институту, не были достижимы. Советская семья, по мнению авторов и экспертов ЛГ, должна была стремиться и следовать высоким идеалам, а также воспитывать молодежь, прививая ей социалистические идеалы и ценности. Но как отмечает Лебединская Л. в своей статье, ни государство, ни общество не могло дать ответ на вопрос «Как надо воспитывать детей?». «Сколько ведется по этим вопросам дискуссий и споров! Общественные организации взваливают главную тяжесть воспитания на школу, школа – на семью, а в семье эту тяжесть должна брать на себя женщина» [16, с. 8].

В связи со сложностью данной проблемы и неудачных попыток привлечь семью к ответственности за воспитание подрастающее поколение, государственная власть начала ис-

пользовать другие инструменты. Молодежь, которая на протяжении всего существования СССР была символом надежд на развитие в будущем [31], становится объектом семейной политики. Для просвещения молодежи в ЛГ начинают предлагаться новые меры, которые должны способствовать увеличению количества крепких семей, увеличению рождаемости детей, а также сокращению разводов.

Соловьев Н. в своей статье «Развод. Почему?» предлагает увеличить «испытательный срок» помолвки с 1 до 6 месяцев, «с обязательным извещением об этом акте в печати что (го-раздо приятнее, чем публикация о разводах)» [28, с. 12]. Также он говорит о создании инсти-тута наставника – консультанта по проблемам семейной жизни при загсах, и введении в школьные программы курса по домоводству, который будет обязательным. Кроме того, автор предлагает обязать статистические органы строго учитывать субъективные причины разво-дов, анализ которых позволил бы выработать новые рекомендации.

При этом в статье другого автора предлагалась «профилактизация» разводов, посред-ством развития литературы и искусства. Так, Светлана Э. в ответ на статью Соловьева Н. говорит о том, что литература и искусство могут позволить «шире развернуть палитру кра-сок, из которых легче будет сотворить самому живую и многоцветную картину личного сча-стья. Приобщить к нечеткому и тонкому искусству совершенствования внутрисемейных от-ношений» [26, с. 12]. Однако такой литературы и искусства, которая могла бы рассказать мо-лодежи в доступной форме о любви и семье, как отмечает автор, недостает. Книги, которые могут объяснить сложные темы, выходят маленькими тиражами, и это становится большой проблемой, на взгляд автора. В связи с этим авторы начинают определять новые источники для просвещения молодежи в вопросах семейных отношений, так как родители не могут справиться с просвещением в полной мере.

Таким образом, интеллигентский дискурс о семье, сформировавшийся на страницах ЛГ в конце 1960-х гг. имел особенности. В обсуждении принимали участие представители разных отраслей: юриспруденция, экономика, социология и медицина. В связи с этим отмеча-ется большой спектр проблем, связанных с институтом семьи. Социологи рассматривают ро-ли мужчины и женщины в семье, увеличение общественной и семейной нагрузки на женщи-ну. Демографы, которые ведут в основном экономические подсчеты, уточняют, насколько со-кратится население, и как на это влияет статистика по разводам. Юристы участвуют в обсуждении темы, высказывая свою точку зрения при утверждении новых правовых норм, в частности, введения «Основ законодательства о браке и семье». Медики чаще всего привле-каются как дополнительная поддержка точки зрения демографов, связанной с народонаселе-нием. В частности, в этот период они высказываются при обсуждении противозачаточных таблеток как меры ограничения рождаемости в азиатских и африканских странах [6, с. 12].

В связи с тем, что основной проблемой, обозначенной государством, была демографиче-ская, она становится ключевой на страницах ЛГ. Открывается отдельная рубрика, в которой обсуждается не только необходимость пополнения населения, но освобождение женщины от домашних обязанностей, т. к. загруженность матерей достигает критического уровня, что влияет на снижение рождаемости в городах. Кроме того, обсуждение этой проблемы также связано с регулированием брачносемейных отношений и проходит в рамках обсуждения за-конодательства, которое также было призвано устранить недочеты существующей системы.

Другой темой интеллигентского дискурса становятся семейные роли, исполняемые мужем и женой по отношению к друг другу и своим детям. К концу 1960-х гг. эта тема получа-ет свое развитие в рубрике «Социальные проблемы». В статьях активно разбирается роль от-ца и матери по отношению к детям, роль жены как хозяйки и хранителя очага, но роль мужа рассматривается косвенно и затрагивается в основном в связи с проблемой разводов или ранней смертности мужчин. Также происходит умышленное замалчивание взаимоотношений между мужем и женой как ключевыми фигурами семьи. В этом случае наблюдаются первые характеристики формирования «постсовременной семьи», которая определяется высокой степенью неопределенности отношений, наличием «сильнейших центробежных тенденций, связанных со стремлением каждого удовлетворять свои индивидуальные намерения и одно-временным отсутствием скрепляющих отношения четких норм» [9]. При этом авторами ста-тей высказываются в основном критические замечания в отношении семейного устройства, происходит формирование концепции модернизации, в которую, кроме семьи, включаются и другие общественные институты.

Появляется вопрос о создании места проведения досуга, например, для мужчины пред-лагалось «создавать при клубах, домоуправлениях какие-нибудь мастерские, где можно было

бы поработать физически, или найти другие способы, чтобы дать возможность или даже заставить мужчин в разумных пределах работать физически» [22, с. 13], для снижения домашней нагрузки на женщину рекомендовалось расширить сеть заведений общественного питания, прачечных, а также яслей и детских садов.

Отдельное место в дискуссии начинает занимать роль образовательных учреждений. Если еще в 1950-х – начале 1960-х гг. они использовались как инструмент контроля над семьей, то теперь им приписывают новую функцию, они должны просвещать молодежь в вопросах создания крепкой семьи.

Таким образом, интеллигентский дискурс, охватывая большой спектр вопросов, связанных с семьей, стремится зафиксировать реально существующие проблемы в позднесоветском обществе, осветить деловые проблемы, связанные с занятостью (загруженностью) родителей и «неприкаянностью» детей. Фокус внимания общественности сосредотачивается на детях. Молодежь становится ключевым объектом политики и попадает под перекрестное внимание партийных институтов, семьи и образовательных учреждений. Школа становится основным инструментом пропаганды семейных ценностей.

В начале 1970-х гг. во многих статьях начинает предлагаться образовательный проект, который, по мнению экспертов, станет инструментом формирования «правильных» семейных практик и закроет широкий перечень вопросов, касающихся семьи, начиная от нравственных, заканчивая ведением семейного бюджета.

Список литературы

1. Баскина А. И женщин берегите! // Литературная газета. 1968. № 37. С. 12.
2. Бодамар И. Без души, без радости, без любви // Литературная газета. 1968. № 44. С. 12.
3. Бондарин С., Черный О. Воспитание совести // Литературная газета. 1967. № 4. С. 11.
4. Вишневецкий А. Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-posledstviya-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 15.01.2025).
5. Вишневецкий А. Г. Семья в поиске // Образовательная политика. 2011. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-v-poiske> (дата обращения: 15.01.2025).
6. Герасимов Т. Ради здоровья женщины // Литературная газета. 1967. № 2. С. 12.
7. Голод С. Женщины на работе и дома // Литературная газета. 1967. № 17. С. 12.
8. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 271 с.
9. Здравомыслова О. М. Российская семья в 90-е годы: жизненные стратегии мужчин и женщин // Гендерный калейдоскоп : курс лекций / под ред. М. М. Малышевой. М., 2001. С. 475.
10. Казанков А. И. Самая тихая революция, или как Ле Корбюзье развалил СССР // 1956. Незамеченный термидор. Очерки провинциального быта. Пермь, Пермский государственный институт искусства и культуры, 2012. Гл. 7. С. 194–211.
11. Кралов Ю. Семья: право и мораль // Литературная газета. 1968. № 15. С. 12.
12. Крячко Л. Сильный пол взывает к милосердию? // Литературная газета. 1968. № 33. С. 12.
13. Кузнецова Л. Новый лик Мадонны // Литературная газета. 1968. № 10. С. 12.
14. Кузнецова Л. Так чей же удел кухня? // Литературная газета. 1967. № 28. С. 12.
15. Куклин И., Майофис М., Четверякова М. Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2022/2/kuluarnye-improvizaczii-soczialnaya-kooperacziya-obhod-pravil-i-proczessy-kulturnogo-proizvodstva-v-pozdnem-sssr.html> (дата обращения: 15.01.2025).
16. Лебединская Л. Свобода для кухни? // Литературная газета. 1967. № 8. С. 8.
17. Маршак С. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 5. М. : Художественная литература, 1970. С. 360. URL: <http://s-marshak.ru/works/poetry/poetry307.htm> (дата обращения: 28.08.2024).
18. О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1965 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 49. Ст. 729.
19. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад Генерального секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза, 24 февраля 1976 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. Т. 11. Ноябрь 1975 г. – июнь 1977 г. М. : Политиздат, 1977. URL: <https://docs.historyrus-sia.org/ru/nodes/356048-otchet-tsentralnogo-komiteta-kpss-i-ocherednye-zadachi-partii-v-oblasti-vnutrenney-i-vneshney-politiki-doklad-generalnogo-sekretarya-tsk-tovarischa-l-i-brezhneva-xxv-sezdu-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuza-24-fevralya-1976-g> (дата обращения: 20.10.2024).
20. Отчет ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского союза от Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, 23 февраля 1981 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. Т. 13. Апрель 1979 г. – март 1981 г. М. : Политиздат, 1981. URL: <https://docs.historyrus-sia.org/ru/nodes/354106-otchet-tsentralnogo-komiteta-kpss-xxvi-sezdu-kommunisticheskoy>

partii-sovetskogo-soyuza-i-ocherednye-zadachi-partii-v-oblasti-vnutrenney-i-vneshney-politiki-doklad-genera-
lnogo-sekretarya-*tsk-kpss-tovarischa-l-i-brezhneva-23-fevralya-1981-g* (дата обращения: 20.10.2024).

21. *Переведенцев В.* Берегите друг друга // Литературная газета. 1968. № 46. С. 13.
22. *Переведенцев В.* Здравый смысл или научное познание // Литературная газета. 1968. № 25. С. 12.
23. *Перельман В.* Гайд-парк при социализме // Время и мы: журнал. 1994. № 123. С. 129.
24. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1957 г. «О развитии жилищного строи-
тельства в СССР». URL: <https://docs.cntd.ru/document/765714291> (дата обращения: 20.10.2024).
25. Рождение закона. Читательская рубрика // Литературная газета. 1968. № 25. С. 12.
26. *Светланова Э.* Муж для галочки // Литературная газета. 1969. № 2. С. 12.
27. *Солнцева Н., Солнцев В.* Еще раз про "сильный" и "слабый" пол // Литературная газета. 1968.
№ 35. С. 12.
28. *Соловьев Н.* Развод. Почему? // Литературная газета. 1968. № 40. С. 12.
29. *Сонин М.* И снова об алиментах? // Литературная газета. 1967. № 4. С. 10.
30. Счастье и забота – дети. Читательская рубрика // Литературная газета. 1968. № 18. С. 12.
31. *Уль К. Б.* Поколение между «Героическим прошлым» и «Светлым будущим»: роль молодежи во
время «Оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-mezhdu-geroicheskim-proshlym-i-svetlym-buduschim-rol-molodezhi-vo-vremya-ottepeli> (дата обра-
щения: 16.01.2025).
32. *Урланис Б.* Сколько нужно детей в семье? // Литературная газета. 1969. № 4. С. 11.
33. *Харчев А. Г., Голод С. И.* Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367 с.
34. ЦСУ СССР. Население СССР. 1973: стат. сборник. М.: Статистика, 1975. С. 170.
35. Эволюция семьи и семейная политика в СССР: коллективная монография под ред. А. Г. Вишнев-
ского. Авторы: А. Б. Аничкин, А. Ю. Арутюнян, Е. М. Бубнова, Г. С. Витковская, А. Г. Вишневский, О. М. Здра-
вомыслова, Ю. М. Лукашук, А. А. Попов, Г. В. Рахманова, М. С. Тольц и др. М.: Наука, 1992. 140 с.
36. *Юркевич Н. Г.* Советская семья. Функции и условия стабильности. Минск: Изд-во БГУ, 1970. 208 с.

The discussion in "Literaturnaya Gazeta" about the problems of the Soviet family in the late 1960s – early 1970s

Vokhmina Victoria Leonidovna

postgraduate student of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture;
lecturer at the Department of Humanities, National Research University Higher School of Economics.
Russia, Perm. ORCID: 0009-0009-2268-9738. E-mail: vlviktoria@mail.ru

Abstract. The article analyses the intelligentsia discourse on the Soviet family in "The Literaturnaya Gazeta" in the late 1960s and early 1970s. The focus is on the key issues discussed, such as the role of men and women in society, changes in family values, problems of child rearing, the topic of divorce and the declining birth rate. The study is based on articles, readers' letters and editorial comments that were published in "The Literaturnaya Gazeta" between 1967 and the early 1970s. It concludes that experts from different fields participated in the formation of the intelligentsia's discourse on the Soviet family in "The Literaturnaya Gazeta". The authors focused on the problems of the Soviet family and proposed measures that would help the family to survive the "difficult times". In addition, the discourse raises the issue of the need to involve schools in the formation of ideas about family life among young people in order to increase the number of successful and long-term marriages. The intelligentsia discourse of the late 1960s and early 1970s presented educational measures that began to be implemented in the late 1980s, which will be discussed by the author in other articles. The results will find application in the study of perceptions of the late Soviet family, the formation of the image of the late Soviet family, and will be of interest to a wide range of specialists: educators, sociologists, demographers, historians and lawyers.

Keywords: late Soviet family, discourse, marriage, divorce, youth, demography, socio-cultural processes of the 1960–70s.

References

1. *Baskina A.* *I zhenshchin beregite!* [And take care of women!] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1968. No. 37. P. 12.
2. *Bodamar I.* *Bez dushi, bez radosti, bez lyubvi* [Without soul, without joy, without love] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1968. No. 44. P. 12.
3. *Bondarin S., Chernyj O.* *Vospitanie sovesti* [Education of conscience] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1967. No. 4. P. 11.
4. *Vishnevskij A. G.* *Demograficheskie posledstviya Velikoj otechestvennoy vojny* [Demographic consequences of the Great Patriotic War] // *Demograficheskoe obozrenie* – Demographic review. 2016. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-posledstviya-velikoy-otechestvennoy-voyny> (date accessed: 15.01.2025).

5. Vishnevskij A. G. *Sem'ya v poiske* [Family in Search] // *Obrazovatel'naya politika* – Educational Policy. 2011. No. 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-v-poiske> (date accessed: 15.01.2025).
6. Gerasimov T. *Radi zdorov'ya zhenshchiny* [For the sake of women's health] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1967. No. 2. P. 12.
7. Golod S. *Zhenshchiny na rabote i doma* [Women at work and at home] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1967. No. 17. P. 12.
8. Golod S. I. *Sem'ya i brak: istoriko-sociologicheskij analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis]. Spb., Petropolis, 1998. 271 p.
9. Zdravomyslova O. M. *Rossiyskaya sem'ya v 90-e gody: zhiznennye strategii muzhchin i zhenshchin* [Russian family in the 90s: life strategies of men and women] // *Gendernyj kalejdoskop. Kurs lekcij* – Gender kaleidoscope. Lecture course / ed. M. M. Malysheva. M., 2001. 475 p.
10. Kazankov A. I. *Samaya tikhaya revolyucij, ili kak Le Korbyuz'e razvalil SSSR* [The Quietest Revolution, or How Le Corbusier Destroyed the USSR] // 1956. *Nezamechennyj termidor. Ocherki provincial'nogo byta* – 1956. Unnoticed Thermidor. Essays on Provincial Life. Perm. Perm State Institute of Art and Culture. 2012. Ch. 7. Pp. 194–211.
11. Kralov Yu. *Sem'ya: pravo i moral'* [Family: Law and Morality] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1968. No. 15. P. 12.
12. Kryachko L. *Sil'nyj pol vzyvaet k miloserdiyu?* [Does the Stronger Sex Appeal to Mercy?] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1968. No. 33. P. 12.
13. Kuznecova L. *Novyj lik Madonny* [The New Face of the Madonna] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1968. No. 10. P. 12.
14. Kuznecova L. *Tak chej zhe udel kukhnya?* [So Whose Lot Is the Kitchen?] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1967. No. 28. P. 12.
15. Kuklin I., Majofis M., Chetveryakova M. *Kuluarnye improvizacii: social'naya kooperaciya, obkhod pravil i processy kul'turnogo proizvodstva v pozdnem SSSR* [Behind-the-scenes Improvisations: Social Cooperation, Rule-Breaking, and Processes of Cultural Production in the Late USSR]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2022/2/kuluarnye-improvizaczii-soczialnaya-kooperaczija-obhod-pravil-i-proczessy-kulturnogo-pro-izvodstva-v-pozdnem-sssr.html> (date accessed: 15.01.2025).
16. Lebedinskaya L. *Svoboda dlya kukhni?* [Freedom for the Kitchen?] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1967. No. 8. P. 8.
17. Marshak S. *Sobranie sochinenij v 8 tomakh. T. 5* [Collected Works in 8 vols. Vol. 5]. M., *Khudozhestvennaya literature* – Fiction, 1970. P. 360. Available at: <http://s-marshak.ru/works/poetry/poetry307.htm> (date accessed: 28.08.2024).
18. *O nekotorykh izmenenij poryadka rassmotreniya v sudakh del o rastorzhenii braka: Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 10 dekabrya 1965 goda* [On Some Changes in the Procedure for Considering Divorce Cases in Court: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 10, 1965] // *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR 1965* – Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR 1965. No. 49. Art. 729.
19. *Otchet Central'nogo Komiteta KPSS i ocherednye zadachi partii v oblasti vnutrennej i vneshnej politiki. Doklad General'nogo sekretarya CK tovarishcha L. I. Brezhneva XXV s'ezdu Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza, 24 fevralya 1976 g.* [Report of the Central Committee of the CPSU and the Party's Immediate Tasks in the Sphere of Domestic and Foreign Policy. Report of the General Secretary of the Central Committee, Comrade L. I. Brezhnev, to the 25th Congress of the Communist Party of the Soviet Union, February 24, 1976] // *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyajstvennym voprosam : Sb. dok. T. 11. Noyabr' 1975 g.-iyun' 1977 g.* – Decisions of the Party and Government on Economic Issues : coll. doc. T. 11. November 1975 – June 1977. M., Politizdat, 1977. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/356048-otchet-tsentrального-komiteta-kpss-i-ocherednye-zadachi-partii-v-oblasti-vnutrennej-i-vneshnej-politiki-doklad-generalnogo-sekretarya-tsk-tovarishcha-l-i-brezhneva-xxv-sezdu-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuza-24-fevralya-1976-g> (date accessed: 20.10.2024).
20. *Otchet CK KPSS XXVI s'ezdu Kommunisticheskoy partii Sovetskogo soyuza ot General'nogo sekretarya CK KPSS tovarishcha L. I. Brezhneva, 23 fevralya 1981 g.* [Report of the Central Committee of the CPSU to the 26th Congress of the Communist Party of the Soviet Union from the General Secretary of the Central Committee of the CPSU, Comrade L. I. Brezhnev, February 23, 1981] // *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyajstvennym voprosam : sb. dok. T. 13. Aprel' 1979 g. – mart 1981 g.* – Decisions of the Party and Government on Economic Issues : coll. doc. T. 13. April 1979 – March 1981. M., Politizdat, 1981. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354106-otchet-tsentrального-komiteta-kpss-xxvi-sezdu-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuza-i-ocherednye-zadachi-partii-v-oblasti-vnutrennej-i-vneshnej-politiki-doklad-generalnogo-sekretarya-tsk-kpss-tovarishcha-l-i-brezhneva-23-fevralya-1981-g> (date accessed: 20.10.2024).
21. *Perevedencev V. Bereгите друг друга* [Take care of each other] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1968. No. 46. P. 13.
22. *Perevedencev V. Zdravyy smysl ili nauchnoe poznanie* [Common sense or scientific knowledge] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1968. No. 25. P. 12.
23. *Perel'man V. Gajd-park pri socializme* [Hyde Park under socialism] // *Vremya i my: zhurnal* – Time and we: magazine. 1994. No. 123. P. 129.
24. *Postanovlenie CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 1957 goda "O razvitii zhilishchnogo stroitel'stva v SSSR"* [Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of 1957 "On the devel-

opment of housing construction in the USSR"]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/765714291> (date accessed: 20.10.2024).

25. *Rozhdenie zakona. Chitateľ'skaya rubrika* [Birth of the law. Reader's column] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1968. No. 25. P. 12.

26. Svetlanova E. H. *Muzh dlya galochki* [A husband for show] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1969. No. 2. P. 12.

27. Solnceva N., Solncev V. *Eshche raz pro "sil'nyj" i "slabyj" pol* [Once again about the "strong" and "weak" sex] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1968. No. 35. P.12.

28. Solov'ev N. *Razvod. Pochemu?* [Divorce. Why?] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper 1968. No. 40. P. 12.

29. Sonin M. *I snova ob alimentakh?* [And again about alimony?] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1967. No 4. P. 10.

30. *Schast'e i zabota – deti. Chitateľ'skaya rubrika* [Happiness and care – children. Reader's column] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1968. No. 18. P. 12.

31. Ul' K. B. *Pokolenie mezhdru "Geroicheskim proshlym" i "Svetlym budushchim": rol' molodezhi vo vremya "Ottepeli"* [Generation between the "Heroic Past" and the "Bright Future": the Role of Youth during the "Thaw"] // *Antropologicheskij forum* – Anthropological Forum. 2011. No. 15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-mezhdru-geroicheskim-proshlym-i-svetlym-budushchim-rol-molodezhi-vo-vremya-otte-peli> (date accessed: 16.01.2025).

32. Uralis B. *Skol'ko nuzhno detej v sem'e?* [How many children does a family need?] // *Literaturnaya gazeta* – Literary newspaper. 1969. No. 4. P. 11.

33. Kharchev A. G., Golod S. I. *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. M., Mysl', 1979. 367 p.

34. *CSU SSSR. Naselenie SSSR. 1973 : stat. sbornik* [TsSU USSR. Population of the USSR. 1973 : stat. collection]. M., Statistika, 1975. P. 170.

35. *Evoluciya sem'i i semejnaya politika v SSSR : kollektivnaya monografiya pod red. A. G. Vishnevskogo* [Evolution of the family and family policy in the USSR : collective monograph ed. by A. G. Vishnevsky]. Authors: A. B. Anichkin, A. Yu. Arutyunyan, E. M. Bubnova, G. S. Vitkovskaya, A. G. Vishnevskij, O. M. Zdravomyslova, Yu. M. Lukashuk, A. A. Popov, G. V. Rakhmanova, M. S. Tol'c i dr. M., Nauka, 1992. 140 p.

36. Yurkevich N. G. *Sovetskaya sem'ya. Funkcii i usloviya stabil'nosti* [Soviet Family. Functions and Conditions of Stability] / ed. N. G. Yurkevich. Minsk, *Izd-vo BGU* – BSU Publishing House, 1970. 208 p.

Поступила в редакцию: 04.03.2025

Принята к публикации: 26.03.2025

«Артхашастра», диадохи и слоны: об индийском влиянии на военное дело эпохи эллинизма

Абакумов Аркадий Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. ORCID: 0000-0003-0917-7198. E-mail: arc79@yandex.ru

Аннотация. В русском переводе «Артхашастры», древнеиндийского трактата об управлении государством и ведении войн, делается предположение об использовании против боевых слонов специальных колющих приспособлений вроде тех, которые применялись против конницы; среди средств для обороны города упоминается также «панчалийская доска» с шипами, укладывавшаяся в ров. В войнах диадохов нечто подобное было успешно применено в битвах при Мегалополе (318 г. до н. э.) и Газе (312 г. до н. э.). Традиционно автором «Артхашастры» считается Каутилья, индийский мыслитель, политик и современник этих событий, однако ряд исследователей склоняется к более поздней датировке памятника (первые века новой эры). Тем не менее античные авторы ссылаются на то, что победители при Мегалополе (Дамис) и Газе (Птолемей и Селевк) участвовали в походе Александра в Индию. Поэтому представляется вполне допустимым видеть здесь один из примеров индийского влияния на эллинистическое военное искусство; от индийцев греки научились и использованию слонов в качестве «живого оружия» (само слово «индиец» в значении «погонщик слона» стало нарицательным), и способам противодействовать им, зафиксированным как в индийских, так и в греческих источниках.

Ключевые слова: военное дело в древности, Древняя Индия, боевые слоны, диадохи, Мегалополь, Птолемей I.

Появление в античных армиях боевых слонов стало одной из самых ярких страниц военной истории древности после завоеваний Александра Великого. Битва с войском царя Пора при Гидаспе (326 г.; здесь и далее все даты – до н. э.) произвела на македонян сильное впечатление. Александр успел собрать внушительный слоновый корпус, насчитывавший более 200, а возможно, и около 300 слонов (Arr. Anab. Alex. VI.2.2, 5.6, 16.4). После смерти Александра в 323 г. корпус принял участие в войнах сторонников и противников единой власти над империей. Он неоднократно дробился между диадохами, нес потери и переходил из рук в руки; в дальнейшем из Индии прибыли как новые животные, так и обслуживающий персонал. Впоследствии само слово «индийцы» в источниках надолго стало нарицательным для обозначения погонщиков слонов, махаутов (Polyb. I.40.15, 1 Макк. 6:37 и др.), команды также отдавались на их языке, и греки долго считали, что слоны понимают только его (Ael. De nat. anim. XI. 25).

Тем не менее македоняне не стали полностью копировать индийский опыт и соединили его с собственными военными традициями. Это выразилось, в частности, в вооружении «экипажей»: если, как сообщали античные авторы, у индийцев это были лучники (Strab. XV.1.52) и метатели дротиков (Ael. De nat. anim. XIII.9), то на катафалке Александра были изображены и македонские воины на слонах «со своим обычным вооружением» (ἐλέφαντας κεκοσμημένους πολέμικῳς, ἀναβάτας ἔχοντας ἐκ μὲν τῶν ἔμπροσθεν Ἰνδοῦς, ἐκ δὲ τῶν ὀπίσθεν Μακεδόνας καθωπλισμένους τῇ συνήθει σκευῇ – Diod. XVIII.27.1), т. е. с пиками-сариссами. Безусловно, это было вполне логичным решением, поскольку благодаря длине пики и росту слона сариссофор мог эффективно ей действовать, поражая врагов как на неприятельских слонах, так и на земле. В знаменитой битве при Рафии (22 июня 217 г.) воины на слонах также были вооружены сариссами (Polyb. V.84.2), хотя в «экипаж» могли входить и стрелки.

Главным же македонским нововведением были башни на слонах, первое упоминание о которых приходится именно на период войн диадохов (Plut. Eum. 14.4 – битва при Паретакене, 317 г.). Однако другие источники это не подтверждают, и со столь ранним появлением башен

соглашаются не все исследователи. Чаще это датируют началом III в. – больше всего ссылок на них относится к войску царя Пирра Эпирского (Dion. Hal. Ant. Rom. XX.2.5; Plut. Pyrrh. 32.1; Zonar. VIII.3), и поэтому изобретателем башен могут называть либо самого Пирра, либо кого-то из его окружения [15, p. 241].

Вместе с тем, разумеется, целый ряд приемов боевого применения слонов в эллинистических армиях был так или иначе привнесен инструкторами-индийцами. Другое дело, что подробностей, относящихся к использованию слонов непосредственно в Древней Индии, сохранилось мало, и наиболее ценным источником здесь является знаменитый трактат «Артхашастра, или Наука политики» [17, p. 140]. В индийской традиции его авторство приписывается мудрецу Каутилье, современнику Александра и советнику царя Чандрагупты, основателя империи Маурьев (кон. IV – кон. III вв.). Однако в историографии нет единого мнения по поводу как датировки этого памятника, который, вероятно, был закончен уже в первые века новой эры [1, с. 5, 501–510; 14, p. 76; 17, p. 180, 333], так и его содержания: даже если допустить, что он действительно содержит сведения из эпохи Маурьев, неизвестно, в какой степени там отражена реальная ситуация, а в какой – представления автора о некоем идеальном государстве. Тем не менее иные материалы «Архашастры», относящиеся к боевому использованию слонов, местами коррелируют с информацией античных источников о войнах диадохов в частности и эллинистическом военном деле в целом.

Так, согласно Аппиану, каждому слону придавался особый пеший эскорт (Syr. 18), предположительно, из легковооруженных воинов. Кроме защиты животного, он мог также отделять слонов в боевом построении друг от друга для большей безопасности и удобства командования [15, p. 246]. Точная численность этого эскорта является дискуссионной и обычно выводится из соотношения легковооруженных и слонов в боевой линии при наличии информации о ней (как 2500 критян и 60 слонов при Рафии – Polyb. V.79.10; 82.8). «Пешие охранители» слонов, как и конницы, и колесниц, упоминаются и в «Артхашастре» (10.5.11).

Уже во время Первой войны диадохов (321–319 гг.) можно встретить два любопытных примера использования слонов не в полевом сражении, а при штурме укреплений и переправах через реки. Оба относятся к кампании регента Пердикки против Птолемея, мятежного наместника и будущего царя Египта (321 г.). «Артхашастра» упоминает как «взламывание стен, ворот и башен», так и помощь «при переходе водных рубежей и спуске: стояние, переход и спуск» (10.4.14. Здесь и далее пер. Б. В. Семичова) в числе действий, которые могут совершать боевые слоны. Согласно Диодору, Пердикка последовательно применил как первое (при атаке Верблюжьего вала), так и второе (при форсировании Нила); при этом неизвестно, в какой степени он следовал советам индийцев и обращался ли за ними вообще, хотя то, что в Индии слонов учат ломать стены, было известно грекам и ранее (Ctes. Ind. 3; Arist. Hist. anim. IX.1.24). Сколько именно слонов было в его армии, Диодор не сообщает.

Крепость Верблюжий вал (Καμήλων τεῖχος) находилась на берегу Нила, ее обороной руководил сам Птолемей, и Пердикка решил штурмовать ее, бросив пехоту на стены по осадным лестницам, а слонов – крушить палисад и насыпи. Возможно, он решился на последнее, поскольку Верблюжий вал мог напоминать, скорее, укрепленный лагерь с частоколом, чем настоящий город [10, p. 129]; то, что теоретически это могло закончиться успехом, может доказывать взятие карфагенскими войсками неприятельской базы у Утики во время войны с восставшими наемниками (240 г.); слоны прорвали укрепления и нанесли врагу большие потери (Polyb. I.74.1–7). Тем не менее сейчас у Пердикки не получилось: отличился сам Птолемей, выведя из строя сариссой одного из слонов (Diod. XVIII.34.2), воины Пердикки несколько раз ходили на приступ, но их отбрасывали, и с приближением темноты он распорядился отвести войска.

Некоторое время спустя Пердикка вышел к Нилу «напротив Мемфиса», нашел брод и попытался наладить переправу: по одну сторону брода распорядился поставить слонов, чтобы сформировать «живую плотину» и замедлить течение, а по другую – конников, которые должны были спасать пехотинцев, если их собьет и понесет река. Однако и здесь ничего не вышло: животные и люди подняли со дна реки тучи песка, брод стал глубже (вода и до этого была высотой по горло воинам), и переправа сорвалась. Тех, кто успел перейти Нил, было слишком мало для успешного наступления, и Пердикка скомандовал отход (Diod. XVIII.35.1–5). Неудача и большие потери вызвали в его войске бунт, Пердикка был убит, и поход провалился. Так ли именно индийские рекомендации предписывали использовать слонов при форсировании рек, и сколько животных в этом участвовало, источники не сообщают, но, тем не менее, Пердикка стал первым эллинистическим полководцем, кому пришлось с этим столкнуться.

В «Артхашастре» приводится перечень средств борьбы с боевыми слонами: «Против войска из слонов должно быть войско, обладающее слонами, машинами, защищенным повозками центром, пиками, метательными снарядами, «кхарватаками», бамбуковыми и железными копьями» (9.2.26). Комментируя его, Б. В. Семичов делает интересное предположение: «Кхарватаки (kharvaṭaka) – так согласно Джолли; у Ганапати Шастри: hāṭaka. Термин kharvaṭaka комментаторы не объясняют. Шамашастри и Мейер также оставляют его без перевода. Однако, если производить это слово от kharvaṭa, что означает «деревня у подножия горы», то семантически его можно понять как «шипы», которые расставляются на земле, чтобы преградить слонам дорогу, как это, например делается в зоологическом саду. Слон не может наступить на такие шипы, не повредив себе ног. Аналогичные шипы «хасаки» с тремя остриями, но гораздо меньших размеров, применялись в Средней Азии и Монголии против вражеской конницы. Такие шипы применялись и войсками Ивана Грозного против конницы татар» [1, с. 696].

Слово hāṭaka (2.18.7) в русском издании «Артхашастры» переводится как трезубец, разновидность копья [1, с. 611]; в том же значении оно используется в новом переводе П. Оливелля [12, р. 355, 549]. Тем не менее даже если не принимать вариант Б. В. Семичова, в «Артхашастре» упоминается другое похожее приспособление – «панчалийская доска» с шипами, помещаемая в ров с водой при обороне города (2.18.6) [1, с. 610; 12, р. 549]. В истории войн диadoхов опять-таки имелись примеры использования подобного средства, причем дважды – при осаде Полиперхонтом г. Мегалополя (318 г.) и в сражении при Газе (312 г.). Оба этих примера показательны тем, что у победившей стороны (защитники Мегалополя, армия Птолемея) собственных слонов не было, но она сумела нейтрализовать слонов противника именно благодаря этому средству, что стало если не кульминационным, то как минимум немаловажным эпизодом сражения. Вдобавок Полиперхонт, как и Пердикка при атаке Верблюжьего вала, попытался использовать слонов (всего в его армии их было 65 – Diod. XVIII.68.3) при штурме города и направил их в брешь, пробитую осадными машинами. Не исключено, что он, среди прочего, рассматривал их как психологическое оружие, намереваясь напугать защитников [10, р. 139]. Однако их руководитель Дамис некогда участвовал в индийском походе Александра и знал, как противостоять слонам: он успел разложить у бреши замаскированные доски с гвоздями (θύρας γὰρ μεγάλας πλείονας ἤλοις ὀξέσι καταπυκνώσας καὶ ταύτας ἐν ὀρύγμασι ταπεινοῖς καταστρώσας καὶ τὰς ἐξοχὰς τῶν κέντρων ἐπικρυψάμενος κατέλιπε διὰ τούτων δίοδον – XVIII.71.3), а по бокам расставить стрелков. Ловушка сработала и позволила не только остановить атаку, но и опрокинуть слонов, многие из которых были ранены или остались без погонщиков, на собственные войска (XVIII.71.6). Взять город Полиперхонт не смог.

В 312 г. при Газе состоялась битва между войском Птолемея и армией Деметрия Антигониды. Птолемея тогда сопровождал еще один участник как битвы при Гидаспе, так и египетского похода Пердикки, – Селевк, будущий правитель эллинистической Азии. Рассказывая о сражении, Диодор ставит их рядом (XIX.83.1), из чего можно заключить, что они командовали вместе, но едва ли это было так – все же в тот момент они были в разном статусе [6, р. 35; 9, р. 72]. Армии были примерно равны по силе – Птолемей имел больше пехоты (18 000 против 11 000 – Diod. XIX.69.1; 80.4), но несколько уступал в коннице, а слонов либо не имел вообще (хотя после гибели Пердикки мог завладеть его корпусом), либо не взял с собой. По предположению Я. Зайберта, Птолемея вообще не интересовали слоны как боевое средство [16, S. 355]. Возможно, он компенсировал их отсутствие за счет большого количества легковооруженных воинов, значительную часть которых могли составлять упомянутые Диодором коренные египтяне (XIX.80.4) [11, S. 436].

У Деметрия было 43 слона, 30 из которых вместе с конницей он поставил перед своим левым флангом, остальных – перед центром, снабдив всех животных поддержкой из легкой пехоты (XIX.82.3–4). Вероятно, на мощь слонов он и полагался более всего, считая их своим главным преимуществом [18, р. 64]; так как фронт его войска был короче, и окружить врага он не мог, оставался единственный выход – стремительный прорыв по примеру Александра [11, S. 442]. На левом, ударном фланге Деметрия и развернулись основные события битвы – так как своих слонов у Птолемея, предположительно, не имелось, было принято решение задержать неприятельских, поставив на их пути стрелков и некие приспособления с железными шипами, соединенные цепями (χάρακα σείσθηρωμένον καὶ δεδεμένον ἀλύσειν). Чьей именно это было идеей – самого Птолемея, Селевка или кого-либо еще из числа ветеранов индийского похода, Диодор не поясняет. По-видимому, легкая пехота обеспечила «экран», под прикрытием которого удалось разместить эти «мины» незаметно для противника [7, р. 30].

Контрмеры против слонов, предпринятые при Газе, напоминают действия Дамиса в Мегалополе, но неизвестно, совпадали ли эти приспособления конструктивно [13, р. 485]. Применительно к Газе (XIX.83.2), но не к Мегалополю, Диодор использует слово *χάραξ* (частокол); по версии И. Г. Дройзена, это были «балки, снабженные железными наконечниками и связанные между собой цепями» [3, с. 207–208], у П. Коннолли – нечто наподобие «ежей» [4, с. 71], у Р. Биллоуза – просто железные колья или гвозди, соединенные цепями [5, 1990, р. 127]. По предположению Г. Бенгтсона, «противники вбили в землю столбы и прикрепили к ним железные цепи, в которых слоны и запутались» [2, с. 68]. Как считает Г. Скаллард, раз конструкцию нужно было разместить быстро, едва ли она была сложной и тяжелой; это могли быть и доски с гвоздями [15, р. 95]. В последнем случае можно предположить наличие и «кхарватаки», и «панчалийской доски» (если это вообще не было одним и тем же приспособлением под разными названиями, причем при Мегалополе она могла использоваться и по своему прямому назначению – как средство отражения штурма).

Что бы это ни было, свою задачу оно выполнило: одновременно с началом боя конницы слоны двинулись в атаку, но, оказавшись на «минном поле» и под обстрелом, остановились (Diod. XIX.84.3). Когда большая часть погонщиков погибла, а все слоны были захвачены, всадники Деметрия обратились в бегство. Что происходило на других участках поля битвы, сведений нет.

Оценивая все эти боевые эпизоды, Я. Зайберт объясняет их исход участием либо неучастием полководцев в сражении при Гидаспе (если Птолемей и особенно Селевк, командовавший отборной пехотой (Arr. Anab. Alex. V.13.4, 16.3), участвовали, Пердикка находился с конницей в другом месте, а Полиперхонт и вовсе в македонском лагере) [16, S. 354–355]. Как представляется, он придает этому слишком большое значение, поскольку одному (использованию против слонов сарисс – Curt. VIII.14.16 или легковооруженных воинов для массового обстрела – Curt. VIII.14.24–25; Arr. Anab. Alex. V.17.3, 5) там действительно можно было научиться, другому (привлечение слонов к штурму укреплений или переправе через реку, применение «мин») – нет. Скорее, тут можно говорить о советах индийских инструкторов или же пренебрежении ими, тем более что герой обороны Мегалополя Дамис получил свой опыт явно не в бою со слонами Пора. По мнению А. Дивайна, Птолемей при Газе сумел вовремя сориентироваться и переброшить отборную конницу на главный участок, а с помощью простреливаемого легкой пехотой «минного поля» побил главный козырь противника. Правда, гениальным тактиком это его не делает; скорее, можно говорить лишь о хорошем усвоении уроков Александра [7, р. 36]. Деметрий же, со своей стороны, ошибся не столько в том, что сделал ставку на слонов (в чем его иной раз упрекают [8, р. 222, 227; 18, р. 64]), сколько слишком ослабил свое правое крыло [6, р. 35, 37]. Впрочем, с этим соглашаются и П. Уитли и Ш. Данн, полагая, что Деметрий не сумел грамотно реализовать свое превосходство в коннице, когда ее часть на другом фланге просто бездействовала [18, р. 65]. Вместе с тем поражение при Газе не сильно сказалось на репутации Деметрия, который в дальнейшем одержал ряд громких побед и на море, и в Греции, получив прозвище Полиоркета (Градоосаждаателя). Его сын Антигон Гонат стал царем Македонии.

Следует отметить, что, судя по сохранившимся данным, «минные поля» (будь то та или иная модификация «панчалийской доски», либо же оригинальная разработка) как средство против боевых слонов в войнах эллинистических правителей после Мегалополя и Газы больше не использовались. Можно предположить, что расчистка пути для слонов вошла в обязанности пешего эскорта. Тем не менее само появление таких заграждений на полях битв вполне можно рассматривать в контексте индийского влияния на греко-македонское военное искусство после смерти Александра; ряд общих мест в описании боевого использования слонов в «Артхашастре» и у греческих авторов это могут косвенно подтверждать.

Список литературы

1. Артхашастра, или Наука политики. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 793 с.
2. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М. : Наука, 1982. 390 с.
3. Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. М. : Типо-литография В. Ф. Рихтер, 1893. 385 с.
4. Коннолли П. Греция и Рим: Энциклопедия военной истории. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 320 с.
5. Billows R. A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley : University of California Press, 1990. 514 p.
6. Devine A. M. Diodorus' Account of the Battle of Gaza // Acta Classica. 1984. № 27. Pp. 31–40.
7. Devine A. M. The Generalship of Ptolemy I and Demetrius Poliorcetes at the Battle of Gaza (312 B.C.) // The Ancient World. 1989. Vol. XX. № 1–2. Pp. 29–38.
8. Gaebel R. E. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman : University of Oklahoma Press, 2002. 345 p.

9. Grainger J. D. Seleukos Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. L. ; N. Y. : Routledge, 1990. 268 p.
10. Guet R. L'usage des éléphants dans la poliorcétique grecque à l'époque hellénistique // Revue internationale d'histoire militaire ancienne. 2023. № 12. Pp. 121–139.
11. Kahnes E., Kromayer J. Drei Diadochenschlachten // J. Kromayer et al. Antike Schlachtfelder. Bausteine zu einer antiken Kriegsgeschichte. Bd. 4. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1931. S. 391–446.
12. King, Governance, and Law in Ancient India: Kautilya's Arthaśāstra. A New Annotated Translation by Patrick Olivelle. Oxford : University Press, 2013. 753 p.
13. Meeus A. The History of the Diadochoi in Book XIX of Diodoros' Bibliotheke. A Historical and Historical-geographical Commentary. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2022. 625 p.
14. Olivelle P. Science of Elephants in Kautilya's Arthaśāstra // Conflict, Negotiation, and Coexistence: Rethinking Human-Elephant Relations in South Asia. Oxford : University Press, 2016. Pp. 76–88.
15. Scullard H. H. The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaca (N. Y.) : Cornell University Press, 1974. 288 p.
16. Seibert J. Der Einsatz von Kriegselefanten // Gymnasium. 1973. Bd. 26. S. 348–362.
17. Trautmann Th. R. Elephants and Kings: An Environmental History. Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 2015. 372 p.
18. Wheatley P., Dunn Ch. Demetrius the Besieger. Oxford : University Press, 2020. 496 p.

Arthaśāstra, Diadochi and Elephants: On Ancient Indian Influence on Hellenistic Warfare

Abakumov Arkady Alexeyevich

PhD in Historical Sciences, associate professor of World History Department, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0003-0917-7198. E-mail: arc79@yandex.ru

Abstract. The Russian translation of Arthaśāstra, an Ancient Indian treatise on government and warfare, suggests that special thorny devices similar to those used against cavalry were used against war elephants too (9.2.26); Arthaśāstra also mentions a Pāñcālīka (some kind of spiked plank placed in a ditch) among various military devices (2.18.6). In the Wars of the Diadochi, some seemingly related device was successfully used twice, in the battles of Megalopolis (318 BC) and Gaza (312 BC). Traditionally, Kautilya, an Indian philosopher, politician and contemporary of these events, is considered the author of Arthaśāstra, but a number of researchers are inclined to a later dating of this text (the first centuries of the new era). Nevertheless, ancient authors refer to the fact that the victors at Megalopolis (Damis) and Gaza (Ptolemy and Seleucus) earlier took part in Alexander's campaign in India. Therefore, it seems quite acceptable to see here one of the examples of Indian influence on Hellenistic warfare; the Greeks have learned from the Indians both the use of elephants as "living weapons" (the very word "Indian" in the meaning of "elephant driver" became a household word), so as the methods of counteracting them, recorded in both Ancient Indian and Greek sources.

Keywords: Ancient warfare, Ancient India, war elephants, Diadochi, Megalopolis, Ptolemy I.

References

1. Arthaśāstra, ili Nauka Politiki [Arthaśāstra, or, The Art of Politics]. M. ; L., USSR Academy of Sciences Press, 1959. 793 p.
2. Bengtson H. Praviteli epochi ellinisma [Hellenistic Rulers]. M., Nauka (Science), 1982. 390 p.
3. Droysen I. G. Istoriya Ellinisma [The History of Hellenism]. Vol. 2. M., W. F. Richter Typography, 1893. 385 p.
4. Connolly P. Greksia I Rim: Encyclopaedia voennoi istorii [Greece and Rome: An Encyclopaedia of Military History]. M., Eksmo-Press, 2001. 320 p.
5. Billows R. A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley : University of California Press, 1990. 514 p.
6. Devine A. M. Diodorus' Account of the battle of Gaza // Acta Classica. 1984. No. 27. Pp. 31–40.
7. Devine A. M. The Generalship of Ptolemy I and Demetrius Poliorcetes at the Battle of Gaza (312 B.C.) // The Ancient World. 1989. Vol. XX. No. 1–2. Pp. 29–38.
8. Gaebel R. E. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman : University of Oklahoma Press, 2002. 345 p.
9. Grainger J. D. Seleukos Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. L. ; N.Y. : Routledge, 1990. 268 p.
10. Guet R. L'usage des éléphants dans la poliorcétique grecque à l'époque hellénistique // Revue internationale d'histoire militaire ancienne. 2023. No. 12. Pp. 121–139.
11. Kahnes E., Kromayer J. Drei Diadochenschlachten // Kromayer J. et al. Antike Schlachtfelder. Bausteine zu einer antiken Kriegsgeschichte. Bd. 4. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1931. S. 391–446.
12. King, Governance, and Law in Ancient India: Kautilya's Arthaśāstra. A New Annotated Translation by Patrick Olivelle. Oxford : University Press, 2013. 753 p.

13. *Meeus A.* The History of the Diadochoi in Book XIX of Diodoros' Bibliotheke. A Historical and Historical-geographical Commentary. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2022. 625 p.
14. *Olivelle P.* Science of Elephants in Kauṭilya's Arthaśāstra // Conflict, Negotiation, and Coexistence: Rethinking Human–Elephant Relations in South Asia. Oxford: University Press, 2016. Pp. 76–88.
15. *Scullard H. H.* The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 1974. 288 p.
16. *Seibert J.* Der Einsatz von Kriegselefanten // Gymnasium. 1973. Bd 26. S. 348–362.
17. *Trautmann Th. R.* Elephants and Kings: An Environmental History. Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 2015. 372 p.
18. *Wheatley P., Dunn Ch.* Demetrius the Besieger. Oxford : University Press, 2020. 496 p.

Поступила в редакцию: 28.04.2025

Принята к публикации: 12.05.2025

К вопросу о времени завершения Аммианом Марцеллином своего сочинения

Дряхлов Владимир Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Волго-Вятский институт – филиал, Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-4846-2365. E-mail: were.152j@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Одна из проблем в изучении творчества позднеримского историка Аммиана Марцеллина (ок. 330 – ок. 400) состоит в определении времени, когда он завершил свое сочинение «*Res Gestae*» («Деяния») – важнейший источник по истории Поздней Римской империи в 350–370-е гг. О. Зеек предложил способ ее решения путем изучения умолчаний Аммиана Марцеллина о некоторых событиях того времени, что используется при исследовании его творчества вплоть до настоящего времени. *Результаты.* Традиционный вывод о времени завершения работы над «*Res Gestae*» основан на упоминании Аммианом Марцеллином храма Серапеума в Александрии (XXII, 15.12–13), разрушенного христианами в 391 г., что дало основания для большинства авторов датировать окончание работы рубежом конца 380-х – начала 390-х гг. *Обсуждение результатов.* Другие подходы продлевают датировку вплоть до 394 г., когда император Феодосий I, умерший в январе 395 г., был назван у Аммиана в качестве правившего (XXIX, 6.15). По оценкам А. Кэмерона, Аммиан завершил свое сочинение немного ранее, до смерти императора Валентиниана II (15 мая 392 г.), ибо опасался говорить о некоторых событиях из времени его правления. *Заключение.* Автор основывает версию о датировке на словах Аммиана Марцеллина о Рихомере, высокопоставленном франке на римской службе, чья смерть зимой 393–394 гг. не была упомянута им. Это позволяет определить срок завершения «*Res Gestae*» в отрезке времени от 390/391 гг. до 394 г.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, «*Res Gestae*» («Деяния»), Поздняя Римская империя, методы (определения) датировки, предельная дата датировки сочинения.

Введение. Примерно в конце 378 – начале 379 гг. Аммиан Марцеллин бежал из Антиохии в Рим. Его опасение за собственную безопасность оказалось наиболее весомой причиной для этого. В 371–372 гг. он был задействован, правда, в неизвестной для нас должности, в судебном процессе в Антиохии по обвинению представителей аристократии и городской верхушки восточных провинций в заговоре против императора Валента (364–378). Суд завершился многими казнями и конфискациями имущества. Несомненное участие Аммиана Марцеллина в нем, очевидное по ряду его откровенных признаний и намеков (XXIX, 1.24; 2.4, 15 – по переводу Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни [1] с уточнением деталей по изданию Дж. К. Рольфа [9]), не вызывает сомнений у историков [14, р. 40; 15, р. 144; 19, р. 50; 21, р. 13].

В сражении при Адрианополе (378 г.) вместе с императором Валентом погибли многие сановники (XXXI, 11.1), среди которых, вероятно, находились прежние начальники или покровители Аммиана. Последствия смены императоров в те времена часто были непредсказуемы, поскольку для удовлетворения общественного мнения обычно карали ретивых приспешников прежних императоров, участвовавших в проведении террора (XV, 3.1–3; XXII, 3.10; XXVIII, 1.57). Поэтому бегство в Рим, где было можно затеряться в массе жителей, послужило для Аммиана оптимальным вариантом поведения [4, с. 49].

В Риме он оказался в окружении лиц из среды языческой сенаторской аристократии, частных к высшей политике в управлении империей. Знакомство и поддержание связей с ними оказалось для него одним из источников сведений, возможно, в том числе и по закрытым темам.

Его сочинение задумывалось им, по-видимому, как продолжение работ Корнелия Тацита. Но, будучи знаком с их содержанием, Аммиан понимал необходимость самоопределения в подборе методов исследования. К этому подталкивали намеки Тацита на опасности, ожидавшие историков, восхвалявших нежелательных для правившего режима общественных деятелей (Tac. Ann., IV, 34; Hist., I, 1–2; Agric., 2).

Поэтому Аммиан Марцеллин, осознавая все беды, подстерегавшие, по его словам, «правдивых повествователей» (XXVI, 1.1), был вынужден определить собственные правила для написания истории. Провозглашая основой своей работы опору на собственные наблюдения и тщательную проверку данных, собранных им от свидетелей конкретных событий (XV, 1.1), он полагал, что будет лучше «не приступать к описанию того, что всем ближе знакомо» (XXVI,

1.1), явно намекая на недавние события. Историк в те времена был вынужден принимать меры предосторожности, занимаясь строгой самоцензурой. Предположительно, давний Юлиев закон о преступлениях против величия (*Lex Julia de majestatis*) использовался и во времена Поздней империи. Указы императоров об ответственности за порочащие произведения составили целую главу в Кодексе Феодосия (Cod. Theod., IX, 34).

Поэтому среди авторов, изучающих творчество Аммиана Марцеллина, гипотеза о том, что во времена Поздней империи историки не могли свободно говорить об их императоре-современнике, стала общепринятой. «Эта аксиома используется не только для определения того, когда закончилась утерянная или частично сохранившаяся работа, то есть с окончанием предыдущего правления, но и для определения даты публикации любого исторического труда после падения конкретных выводов (например, о датах), но сами по себе они остаются нечеткими» [13, p. 39].

Результаты. Традиционные подходы к датировке окончания Аммианом Марцеллином своего сочинения были давно заложены О. Зееком в биографической статье об Аммиане Марцеллине. Упоминание о храме Серапеуме как о все еще стоявшем в Александрии (XXII, 15.12–13), но разрушенном христианами в 391 г., позволяло датировать написание XXII книги до этого времени. Далее Зеек обратил внимание, что самыми поздними по упоминанию событиями у Аммиана являются слова о консульстве Неотерия (XXII, 5.14) в 390 г. и о префектуре Петрония Проба в Риме (XXVII, 11.1), который был еще жив в 389 г. Т. е., XXII и XXVII книги, в оценке Зеека, создавались где-то на рубеже 389–390 гг.

Слова об императоре Феодосии I (378–395) как о все еще правящем императоре (XXIX, 6.15) служат убедительным доказательством, что XXIX книга разрабатывалась явно при его жизни. Зеек, подводя итог в вопросе о датировке, указал на то, что Аммиан, обычно говоривший о судьбе своих персонажей, ничего не сказал о судьбе Гильдона – брата мавританского царя Фирма, поднявшего мятеж в Африке. В 375 г. Гильдон перешел на сторону воевавшего с Фирмом магистра Феодосия Старшего (XXIX, 3.6, 21, 24), отца будущего императора Феодосия I. В 397 г. Гильдон начал войну с Римом и был объявлен сенатом осенью 397 г. как «*hostis publicus*» [22]. Следовательно, по оценке Зеека, XXIX книга была написана до осени 397 г., а все сочинение было завершено незадолго до 400 г. [20, столб. 1847].

В отечественной литературе исследование вопроса о датировке не пользовалось пристальным вниманием историков. З. В. Удальцова, оставившая в отечественной литературе наиболее полную оценку творчества Аммиана Марцеллина [8], обошла эту проблему. В других подходах это решалось либо в общих и размытых формулировках типа «...на склоне лет»... [3, с. 111], либо «около 390 г.» на основе упоминания Серапеума [2, с. 20]. Р. У. Ибатуллин, сопоставив мнения зарубежных исследователей творчества Аммиана Марцеллина, полагал, что XXVI–XXXI книги были завершены между 391–396 гг. [5, с. 5].

Обсуждение результатов. Приведенные нами предположения в вопросе о датировке завершения работы Аммиана Марцеллина над своим сочинением построены как на упоминании им реально датированных фактов, так его намеков и недоговорок. Не случайно Г. Келли назвал Аммиана Марцеллина «намекающим историком», чей текст нуждается в дополнительном толковании и расшифровке, позволяющими взглянуть по-новому на содержание его труда [14].

Подходы О. Зеека по датировке сочинения Аммиана Марцеллина на основе его отдельных о событиях или людях использовались в дальнейшем; в частности, Э. Томпсон, также основываясь на упоминании Серапеума, заключил, что вся работа была завершена в 392 г. [21, p. 19]. Дж. Мэтьюз, ссылаясь на упоминание о Петронии Пробе, полагал, что XXV–XXVI книги были написаны около 390 гг. [18, p. 22–23], ибо Аммиан после XXII книги нигде не говорил о разрушении Серапеума. Но во всяком случае упоминание о Серапеуме позволяет датировать этим только завершение первой части сочинения (до XXV книги) временем не позднее 391 г. [12, p. 548].

В большинстве подходов, как заметил А. Кэмерон, определение даты завершения работы Аммианом Марцеллином привязывается к дате, не так далеко отстоящей от 390 г. [11, p. 337]. Так, отмечается, что Аммиан Марцеллин завершил последние книги между 390–391 гг. [13, p. 53] или «около 390 г.» [10, p. 54], либо после 388–389 гг., но до 391 г. [16, p. 82, 102].

Поэтому, говоря об упоминании Аммианом Серапеума, следует согласиться с тем, что использование такого способа датировки обосновано. Однако, слова о Серапеуме, во-первых, позволяют датировать не все сочинение полностью, а лишь написание XXII книги до 391 г. Во-вторых, Аммиан, будучи уроженцем Востока, поддерживал связи с восточными провинциями и о таком крупном событии, как разрушение Серапеума, попросту не мог не знать. Наконец, не будем упус-

каль из вида также и то обстоятельство, что осенью 392 г. религиозная и политическая обстановка в империи резко изменилась: эдиктом от 8 ноября 392 г. Феодосий I запретил исполнение языческих культов и потребовал закрытия языческих храмов [6, с. 275]. Поэтому упоминание о Серапеуме, даже если оно было написано после 392 г., могло служить зашифрованным посланием Аммиана к читателю-язычнику о том, что отныне этого храма уже больше нет.

Наконец, нельзя совершенно исключить из рассуждений вполне допустимую гипотезу о том, что Аммиан, рассыпая любезности в адрес правящего Феодосия как «славного императора» (XXIX, 6.15) и остерегаясь рассказывать о суде над его отцом Феодосием Старшим и его казни в 376 г. («не приступать к описанию того, что всем ближе знакомо» – XXVI, 1.1), вполне мог попросту промолчать о разрушении знаменитого храма. Упоминание им о здравствовавшем императоре Феодосии в XXIX книге объективно позволяет говорить о завершении «*Res Gestae*» по максимальному временному пределу вплоть до смерти императора в январе 395 г. То, что его работа была написана в правление Феодосия I, очевидно не только из слов о нем как о все еще правящем императоре, но также и из того обстоятельства, что Аммиан нигде не критиковал его правление [13, р. 54].

А. Кэмерон объяснил попытки отдельных историков отодвинуть датировку на более поздний срок к 395 г. их идеями о том: а) что в середине 390-х гг. в Риме, где находился тогда Аммиан Марцеллин, происходила сильная языческая реакция; б) что в качестве одного из источников Аммиан Марцеллин использовал исчезнувшие «*Анналы*» Никомаха Флавиана, написанные тем примерно после 390 г., но до его смерти в 394 г.

Никомах Флавиан, квестор 389/390 гг., префект претория Иллирика и Италии 390–392 гг., был одним из близких друзей Квинта Аврелия Симмаха, лидера проязыческой группировки среди сената и аристократии Рима. Флавиан активно поддержал узурпатора-язычника Евгения (392–394), захватившего власть в Италии. Флавиан был назначен Евгением консулом 394 г. [12, с. 347–349]. После разгрома войск Евгения в сентябре 394 г. Флавиан покончил с собой (Ruf. Hist. eccl., II, 33). Поэтому Г. Сабба, ссылаясь на некоторые умолчания Аммиана, его осторожные высказывания и общую атмосферу неуверенности в его последних книгах, относил их завершение к «беспокойным годам языческой реакции 392–394 гг.» [19, р. 54].

Но по оценке А. Кэмерона, отвергавшего поздние датировки в завершении работы над «*Res Gestae*», содержание последних книг Аммиана не позволяет утверждать об его явно враждебном отношении к христианству. К тому же хвалебные суждения Аммиана Марцеллина о полководческом таланте Феодосия Старшего могли быть написаны только тогда, когда Феодосий I в 388–391 гг. находился в Италии, т. е., до появления «*Анналов*» Флавиана. А. Кэмерон заметил, что если бы Аммиан Марцеллин завершил свою работу в 395 г., то почему он нигде не упомянул Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия I, принявших власть в январе 395 г., но при этом благосклонно отзываясь об их деде Феодосии Старшем? [11, р. 339–341].

По оценке А. Кэмерона, Аммиан закончил свою работу до смерти Валентиниана II (15 мая 392 г.). По его убедительному рассуждению, Аммиан не был свободен говорить о ряде событий. В частности, рассказывая о заговоре военных по провозглашению четырехлетнего Валентиниана Августом в 375 г. (XXX, 10. 1–6), он не упомянул среди организаторов заговора некоторых участников того события. Именно после этого события был казнен Феодосий Старший, отец будущего императора, который, по предположению Кэмерона, вероятно, тоже участвовал в том заговоре. Аммиан, написав с намеком, что он расскажет о многом «в подходящем месте» (XXVIII, 1.57), так и не сделал этого.

Другой аргумент А. Кэмерон взял из работы О. Мэнчен-Хэлфена 1955 г. [17], который обратил внимание на то, что работа Аммиана была известна христианскому писателю Иерониму (347–419). В работе «*Adversus Jovianum*», написанной весной 393 г., Иероним писал о том, что «номады, троглодиты, скифы и свирепые гунны, которые совсем недавно стали нам известны, едят полусырое мясо» (Adv. Jovian., II.7). Это восходит к словам Аммиана в последней, XXXI книге своего сочинения об образе жизни гуннов («они питаются корнями трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного погреть» – XXXI, 2.3). Но при этом вполне возможно, он ошибочно воспринял кем-то рассказанные ему сведения об образе жизни гуннов.

А. Кэмерон также сослался на более раннее упоминание о полусыром мясе [11, р. 353], обнаруженном Дж. Мэтьюзом у Иеронима [18, р. 529]. Этот факт содержится в «*Житии пленного монаха Малха*» в описании того, чем Малх питался, будучи уведённым кочевниками в пустыню: «Полусырое мясо было нам пищей, верблюжье молоко – питьем». «*Житие...*» появи-

лось между 386/387–392 гг. Поэтому А. Кэмерон на сходстве фраз о гуннах у Аммиана Марцеллина и Иеронима заключил, что XXXI книга была написана как раз до смерти Валентиниана в 392 г., вероятно, в 390/391 гг. [11, р. 354, 356].

Заключение. Однако обратим внимание еще на одно имя, упоминаемое Аммианом. Рихомер, *comes domesticorum*, прибыл во Фракию из Галлии с войсками для поддержки Валента против вестготов и принял общее командование этой частью армии (XXXI, 7.4–5; 12.4), впоследствии присоединившейся к Валенту. Рихомер был франком: обстоятельства его появления на римской военной службе неизвестны. То ли он был родом из летов – пленных германцев, расселенных в Галлии, то ли был свободным германским добровольцем, перешедшим к римлянам, – об этом приходится только предполагать. Возможно, что он происходил из родоплеменной знати: Аммиан вскользь упомянул о «достоинстве его положения и происхождения...» (*indicia dignitatis et natalium* – XXXI, 12.15), правда, так и не завершив эту фразу. К 377 г. Рихомер дослужился до высокого звания комита дворцовой стражи.

Рихомер получил от Аммиана оценку смелого человека (XXXI, 12.15, 17), которому удалось уцелеть в сражении при Адрианополе (XXXI, 13.9). Впоследствии Рихомер был *magister militum per Orientalem* 383 г., консулом 384 г. и *magister utriusque militiae* на Востоке в 388–393 гг. Там Рихомер побывал в Антиохии, где познакомился с известным оратором Либанием (314–393): он также был знаком с римским аристократом Квинтом Аврелием Симмахом (ок. 345–403) – т. е., с людьми, которых хорошо знал Аммиан Марцеллин и которые благожелательно относились к Рихомеру, неоднократно обращаясь к нему с письмами [12, р. 765–766].

Помимо всего Рихомер был язычником и дядей Арбогаста (ум. 394) – влиятельного полководца при дворе Валентиниана II, вступившего с императором в острый конфликт, после которого тот был найден повешенным, по-видимому, покончив жизнь самоубийством [12, р. 934–935]. Рихомер находился на Востоке, когда в Италии пришел к власти император Евгений (392–394), провозглашенный Арбогастом. Рихомер должен был возглавить войска, направленные в Италию против Евгения и Арбогаста, но умер до начала похода, по-видимому, зимой 393/394 гг. [12, р. 766].

Сенаторская аристократия в Риме, возглавляемая Квинтом Аврелием Симмахом, стремилась к поддержанию языческих верований в их противостоянии с христианством. Идейная связь Аммиана Марцеллина с деятельностью этих кругов не вызывает сомнений [8, с. 132]. Но общественный авторитет Симмаха и его окружения был запятнан сотрудничеством с узурпаторами императорской власти на западе Империи, с которыми Феодосию I пришлось вести вооруженную борьбу. Воспользовавшись кризисом императорской власти в западных провинциях во время узурпации Магна Максима (383–388), Симмах и его соратники восстанавливали языческие храмы в качестве противовеса усилению христианства. Однако после разгрома Максима Феодосий все-таки простил Симмаха [7, с. 231].

Затем во время узурпации Евгения, склонившегося к поддержке язычества, в Италии и Риме вновь началось возрождение языческих обрядов и праздников. Никомах Флавиан, консул 394 г., оказался центральной фигурой последней языческой реставрации на западе империи [6, с. 277–278; 7, с. 240–242]. Поэтому для Аммиана Марцеллина, написавшего о последних событиях и о людях, в них вовлеченных, возникала явно вынужденная необходимость держаться в той политической обстановке на безопасном расстоянии от скомпрометировавшей себя сенатской верхушки. Таким образом, его упоминания о Рихомере, верно служившем Валентиниану II и Валенту, а после них – Феодосию I, служили своеобразным знаком политической благожелательности к правящему режиму Феодосия.

Последним аргументом в пользу версии об отходе Аммиана от сенаторов-язычников служит его известная, весьма обстоятельная и язвительная критика образа жизни высшей аристократии в Риме, ее ленивой праздности, падения нравов и стремления к накоплению богатства. Все это появилось в XXVIII книге, т. е. примерно в конце 380-х гг. – времени разгрома узурпатора Максима и пребывания Феодосия в Италии после одержанной победы.

Таким образом, во-первых, указание Аммиана на «достоинство положения» Рихомера может быть воспринято в качестве подтверждения того, что историк написал эти слова, когда Рихомер достиг высокого поста *magister utriusque militiae*. Во-вторых, отсутствие у Аммиана данных о смерти Рихомера позволяет объективно утверждать о том, что XXXI книга была написана Аммианом явно при жизни Рихомера. Поэтому датировка его смерти зимой 393/394 гг. играет роль *terminus ante quem*, т. е. продвигая срок завершения «*Res Gestae*» вплоть до 394 г. Таким образом, время, в котором Аммиан Марцеллин завершил свою работу, может не продле-

ваться до 397 г., как это предложил О. Зеек. Определение этого срока с учетом нашей версии об обстоятельствах неоднократного упоминания Аммианом Марцеллином имени Рихомера находится в отрезке времени от упомянутой ранее датировки А. Кэмерона (390–391 гг.) и примерно до 394 г., до смерти императора Феодосия в январе 395 г., но не далее.

Список литературы

1. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб. : Алетейя, 2000. 160 с.
2. Банников А. В. Аммиан Марцеллин и особенности его исторического метода // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2015. № 6 (96). С. 19–25.
3. Бокщанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима. М. : Изд-во МГУ, 1981. 160 с.
4. Дряхлов В. Н. Аммиан Марцеллин в судебных процессах в Скифополе (359–360) и Антиохии (371–372) // Право и общество. 2023. № 3 (12). С. 45–50.
5. Ибатуллин Р. А. Аммиан Марцеллин: биография в контексте эпохи : дисс. ... канд. ист. наук. Казань : Изд-во Казанского гос. университета, 2000. 22 с.
6. Казаков М. М. Император и Церковь. Феодосий Великий и христианство в конце IV в. Смоленск : Свиток, 2023. 360 с.
7. Казаков М. М. Христианизация Римской империи в IV в. Смоленск : Универсум, 2002. 464 с.
8. Удадьцова З. В. Развитие исторической мысли // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М. : Наука, 1984. С. 124–139.
9. *Ammianus Marcellinus. Works. With an English translation by J. C. Rolfe.* London : Heinemann, 1950. Vol. I. 585 p. Vol. 2. 683 p. Vol. 3. 602 p.
10. Barnes T. D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca : Cornell University press, 1998. 290 p.
11. Cameron A. Nicomachus Flavianus and the date of Ammianus's last books // *Athenaem.* 2012. Vol. 100. Pp. 337–358.
12. Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge : Cambridge University press, 1971. Vol. I (A.D. 260–395). 1152 p.
13. Kaldelis A. How Perilous Was It to Write Political History in Late Antiquity // *Studies in Late Antiquity.* 2017. Vol. I. Number 1. Pp. 38–64.
14. Kelly G. Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian. Cambridge : Cambridge University press, 2008. 378 p.
15. Kelly G. Ammianus, Valens and Antioch // Antioch II. Many faces of Antioch: Intellectual Exchange and Religious Diversity, CE 350–450 / ed. by S.-P. Bergjan and S. Elm. Tübingen : Mohr Siebeck, 2018. Pp. 137–162.
16. Kulikowski M. Coded Polemic in Ammianus Book 31 and the Date of its Composition // *Journal of Roman Studies.* 2012. Vol. 102. Pp. 79–102.
17. Maenchen-Halfen O. J. The date of Ammianus Marcellinus' Last Books // *American Journal of Philology.* 1955. № 76. Pp. 384–399.
18. Matthews J. The Roman Empire of Ammianus. London : Duckworth, 1989. 617 p.
19. Sabbah G. Ammianus Marcellinus // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A. D.* Leiden – Boston : Brill, 2003. Pp. 43–84.
20. Seeck O. Ammianus Marcellinus // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* / ed. G. Wissowa. Stuttgart, Alfred Drukenmüller. 1894. Bd. 1. Hbd. 2. S. 1845–1852.
21. Thompson E. A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge : Cambridge University press, 1947. 145 p.
22. Wijnendaele J. W. P. The Career and 'Revolt' of Gildo, comes et magister utriusque militiae per Africam (c. 385–398 C. E.) // *Latomus.* 2017. T. 76. Fasc. 2. Pp. 385–402.

On the question of the time when Ammianus Marcellinus completed his work

Dryakhlov Vladimir Nikolaevich

PhD in Historical Sciences, associate professor of Department of Theory and History of State and Law, Volgo-Vyatka Institute (branch) O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy). Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0002-4846-2365. E-mail: were.152j@gmail.com

Abstract. Introduction. One of the problems in studying the work of the late Roman historian Ammianus Marcellinus (c. 330 – c. 400) is to determine the time when he completed his work «*Res Gestae*» («Acts») – the most important source on the history of the Late Roman Empire in the 350–370-s. O. Seeck proposed a way to solve it by studying the omissions of Ammianus Marcellinus about some of the events of that time, which is used in the study of his work up to the present. **Results.** The traditional conclusion about the time of completion of the work on «*Res Ges-*

tae» is based on the mention by Ammianus Marcellinus of the temple of the Serapeum in Alexandria (XXII, 15.12–13), destroyed by Christians in 391 A.D., which allowed most authors to date the completion of the work beyond the end of the 380-s. – beginning of the 390-s. A.D. *Discussion of the results.* Other approaches extend the dating up to 394 A.D., when Emperor Theodosius I, who died in January 395 A.D., was named by Ammianus as the ruler (XXIX, 6.15). According to estimates by A. Cameron, Ammianus completed his work a little earlier, before the death of Emperor Valentinian II (May 15, 392), because he was afraid to talk about some events from his reign. *Conclusion.* The author bases the dating theory on the words of Ammianus Marcellinus about Richomeres, a high-ranking frank in the Roman service, whose death in the winter of 393–394 A.D. was not mentioned by him. This makes it possible to determine the completion date of "Res Gestae" in the time period from 390/391 A.D. till to 394 A.D.

Keywords: Ammianus Marcellinus, «Res Gestae» («Acts»), the Late Roman Empire, methods (definitions) of dating, date limit of dating of the work.

References

1. Ammian Martsellin. Rimskaya istoriya [Roman history] / transl. from Latin Y. A. Kulakovskogo and A. I. Sonni. SPb., Aletejya, 2000. 160 p.
2. Bannikov A. V. Ammian Martsellin i osobennosty ego istoricheskogo metoda [Ammianus Marcellinus and the Features of His Historical Method] // Almanah sovremennoy nauki i obrazovaniya – [The Almanac of Modern Science and Education]. Tambov, Gramota, 2015. No. 6 (96). Pp. 19–25.
3. Bokshanin A. G. Istochnikovedenie Drevnego Rima [Source studies of Ancient Rome]. M. : Moscow State University publishing, 1981. 160 p.
4. Dryakhlov V. N. Ammian Martsellin v sudebnih protsessah v Skifopole (359–360 A.D.) i Antiohii (359–360 A.D.) [Ammianus Marcellinus in the trials in Scythopolis (359–360) and Antioch (371–372)] // Pravo i obshchestvo – Law and society. 2023. No. 3 (12). Pp. 45–50.
5. Ibatullin R. A. Ammian Martsellin: biografiya v kontekste epohi : diss. kand. ist. nauk [Ammianus Marcellinus: Biography in the Context of His Era : diss. ... PhD of Historical Sciences]. Kazan, Kazan State University publishing, 2000. 22 p.
6. Kazakov M. M. Imperator i Tserkov'. Theodosiy Velikiy i hristianstvo v kontse IV v. [The Emperor and the Church. Theodosius the Great and Christianity in the late 4th century]. Smolensk, Svitok, 2023. 360 p.
7. Kazakov M. M. Hristianizatsiya Rimskoy imperii v IV v. [Christianization of the Roman Empire in the 4th century]. Smolensk, Universum, 2002. 464 p.
8. Udaltsova Z. V. Razvitiye istoricheskoy misli [The development of historical thought] // Kultura Vizantii. IV – pervaya polovina VII v. – The Culture of Byzantium. 4th – First Half of the 7th Century. M., Nauka (Science), 1984. Pp. 124–139.
9. Ammianus Marcellinus. Works. With an English translation by J. C. Rolfe. London : Heinemann, 1950. Vol. I. 585 p., Vol. 2. 683 p., Vol. 3. 602 p.
10. Barnes T. D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca : Cornell University press, 1998. 290 p.
11. Cameron A. Nicomachus Flavianus and the date of Ammianus's last books // Athenaeum. 2012. Vol. 100. Pp. 337–358.
12. Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge : Cambridge University press, 1971. Vol. I (A. D. 260–395). 1152 p.
13. Kaldellis A. How Perilous Was It to Write Political History in Late Antiquity // Studies in Late Antiquity. 2017. Vol. I. Number 1. Pp. 38–64.
14. Kelly G. Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian. Cambridge : Cambridge University press, 2008. 378 p.
15. Kelly G. Ammianus, Valens and Antioch // Antioch II. Many faces of Antioch: Intellectual Exchange and Religious Diversity, CE 350–450. Ed. by S.-P. Bergjan and S. Elm. Tübingen : Mohr Siebeck, 2018. Pp. 137–162.
16. Kulikowski M. Coded Polemic in Ammianus Book 31 and the Date of its Composition // Journal of Roman Studies. 2012. Vol. 102. Pp. 79–102.
17. Maenchen-Halfen O. J. The date of Ammianus Marcellinus' Last Books // American Journal of Philology. 1955. No. 76. Pp. 384–399.
18. Matthews J. The Roman Empire of Ammianus. London : Duckworth, 1989. 617 p.
19. Sabbah G. Ammianus Marcellinus // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A.D. Leiden–Boston : Brill, 2003. Pp. 43–84.
20. Seck O. Ammianus Marcellinus // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / ed. G. Wissowa. Stuttgart, Alfred Drukenmüller. 1894. Bd. 1. Hbd. 2. Sp. 1845–1852.
21. Thompson E. A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge : Cambridge University press, 1947. 145 p.
22. Wijnendaele J. W. P. The Career and 'Revolt' of Gildo, comes et magister utriusque militiae per Africam (c. 385–398 C.E.) // Latomus. 2017. T. 76. Fasc. 2. Pp. 385–402.

Поступила в редакцию: 27.03.2025

Принята к публикации: 02.06.2025

Тернистый путь в академики Л. В. Черепнина

Гилевич Никита Дмитриевич

инженер-исследователь лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях,
Уральский федеральный университет. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0009-0005-4716-9553.
ResearcherID: ACN-4066-2022. E-mail: gilevich.nikita@urfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика выборов в Академию наук СССР с антропологической стороны, то есть с точки зрения влияния на процесс избрания или неизбрания всех значимых факторов для одного конкретного кандидата. Л. В. Черепнин станет академиком в 1972 г., пережив перед этим с 1958 по 1966 гг. пять неудачных попыток избрания. Анализ истории данных баллотировок позволит рассмотреть на довольно широком промежутке времени, какие факторы оказывали влияние на процесс выборов. Особую актуальность данное исследование имеет в связи с 300-летием Российской академии наук, так как дополнительно раскрывает вопрос о пополнении ее состава новыми членами. Предпочтение рассмотрению фигуры Л. В. Черепнина отдано также в связи с хорошей обеспеченностью источниками как делопроизводственными, созданными в процессе выборов в структуре Академии наук СССР, так и личного происхождения, отразившими неформальную сторону выборов. Эти источники позволяют сделать выводы о том, что на положительный исход выборов помимо величины научных заслуг играли роль степень поддержки кандидата в направляющей организации, принадлежность к тому или иному научному сообществу и их противостояние друг другу, личные взаимоотношения между учеными. Особо стоит отметить противостояние научного сообщества порядку, когда выдвижение происходило на основе идеологической и политической актуальности исследований кандидата или же по административным соображениям, в качестве альтернативы чему выдвигался Черепнин, обладавший большим числом научных трудов.

Ключевые слова: Л. В. Черепнин, советская историческая наука, Академия наук СССР, академические выборы.

Избрание в члены Академии наук СССР было одним из высших признаний научных заслуг для советского ученого. Однако говорить о том, что результат голосования всегда зависел исключительно от величины научного вклада, не приходится. Чтобы понять, почему тот или иной человек стал членом-корреспондентом или академиком, необходимо учитывать личные симпатии или антипатии отдельных ученых, борьбу научных школ и сообществ, указания партийных структур и административные соображения. Кроме того, следует помнить, что в естественных и технических науках до некоторой степени определить величину научного вклада проще. В общественных и гуманитарных науках, особенно при их политизации и идеологизации, это было сделать гораздо сложнее. Соответственно, в этих науках влияние не чисто научных факторов, стоит предположить, при распределении почетных званий можно было встретить чаще.

Наиболее изучены выборы в АН СССР 1929 г. [3], последующие же выборы изучены достаточно слабо. О. П. Белозеров дает обзор архивных материалов двух неудачных попыток избрания в состав АН биолога М. М. Завадовского [17]. В. В. Тихонов в статье 2016 г. анализирует академические выборы 1953 г. в Отделении исторических наук с точки зрения процессов десталинизации, а также приводит, с одной стороны, примеры влияния партийных структур, фактически гарантировавших прохождение А. М. Панкратовой и П. Н. Поспелова, и с другой стороны, противостояние избранию выдвинутому по административным соображениям А. Л. Сидорову из-за его неоднозначной репутации в исторической науке и личного конфликта с И. И. Минцем [28, с. 109–110]. В. В. Птушенко в свою очередь также рассматривает проблему «неизбрания» одобренного партийными структурами кандидата С. П. Трапезникова уже на общем собрании АН в 1966 г. [26].

В данной статье предлагается рассмотреть проблематику выборов в АН СССР с антропологической стороны, то есть с точки зрения влияния на процесс избрания или неизбрания

для одного конкретного кандидата таких факторов, как научные достижения, политическая актуальность, личные связи, научная репутация, административные соображения. Здесь видится исследовательски перспективно рассмотреть фигуру Л. В. Черепнина. Он станет академиком в 1972 г., но перед этим переживет пять неудачных попыток избрания. Рассмотрение истории данных баллотировок Черепнина позволит изучить противостояние различных сил в рамках АН на довольно широком промежутке времени.

Также предпочтение отдано фигуре Л. В. Черепнина в связи с хорошим обеспечением источниками по данному вопросу. Во-первых, сохранилась многочисленная делопроизводственная документация, связанная с подготовкой академических выборов: стенограммы обсуждения выдвижения кандидатов и протоколы голосования по ним на Ученом совете в Институте истории АН СССР, стенограммы обсуждения и протоколы голосования по кандидатам в рамках Отделения исторических наук [4–15]. Важна также и неформальная сторона выборов, которая редко находит отражение в делопроизводственных источниках. Чтобы ее изучить, нужны источники личного происхождения, и здесь фигура Черепнина весьма удачна, так как сохранились и письма, и дневники, и мемуары, где приводились личные мнения и оценки ситуации от Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной, И. И. Минца, С. С. Дмитриева, Л. Н. Пушкарева и самого Л. В. Черепнина [1; 18; 20–25; 27; 30]. Благодаря этим источникам возможно рассмотреть обстоятельства и «внутреннюю кухню» некоторых из попыток избрания Л. В. Черепнина в АН СССР. Всего кандидатура Черепнина четыре раза выдвигалась для избрания в члены-корреспонденты (в 1958, 1960, 1962, 1964 гг.) и два раза в академики (1966 и 1972 гг.).

Согласно уставу Академии наук СССР 1959 г. не позднее чем за два месяца до проведения выборов в центральной печати (как правило, это были «Известия») публиковалась информация о проведении выборов и число вакансий, на замещение которых научные организации должны были выдвинуть кандидатов с соответствующей мотивировкой [29, с. 153].

После того, как те или иные учреждения выставили своих кандидатов и сообщили о них в Академию, работала экспертная комиссия в составе академиков, действовавшая по назначению Президиума Академии наук. Комиссия проверяла данные, относящиеся к выдвинутым кандидатам, и составляла рекомендательный список для выбора в академики или члены-корреспонденты. Таким образом, первый фильтр, который должен был преодолеть кандидат, это голосование в рамках направляющей организации.

По просьбе Президиума АН СССР, который указал, что с 1953 г. не проводились выборы, 25 января 1958 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о проведении выборов, в рамках которых были объявлены в том числе три вакансии членов-корреспондентов по специальности «История СССР и археология», а также постановил «разрешить Академии наук СССР проводить ежегодно, начиная с 1959 г., выборы академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР в пределах имеющихся вакансий по специальностям, утверждаемым Президиумом Академии наук СССР» [2, с. 876].

В 1958 г. кандидатура Л. В. Черепнина в члены-корреспонденты АН СССР была выдвинута на Ученом совете исторического факультета МГУ, но по свидетельству С. С. Дмитриева не прошла этап тайного голосования [18, с. 1026]. Эта неудача была довольно неожиданной, и академик В. П. Волгин на Ученом совете (УС) Института истории АН СССР заявлял: «Меня успокоили, что Черепнин где-то, кажется, прошел в другом месте», – и предложил голосовать не о выдвижении, а лишь о поддержке выдвижения, пока до него не довели сведения о «непроходе» Черепнина в МГУ [11, л. 44]. Выдвижение кандидатуры Черепнина на УС было поддержано письмом Н. М. Дружинина (текст которого, к сожалению, неизвестен, из стенограммы же понятен лишь общий посыл) и речью В. Т. Пашуто от имени сектора «истории СССР эпохи феодализма». При выдвижении указывалось, что Черепнин являлся автором более 130 научных работ по проблемам истории СССР, среди которых Пашуто особо выделил «Русские феодальные архивы», «Русскую историографию до XIX в.», «Русскую палеографию», «Хронологию», «Духовные и договорные грамоты», редакторскую работу над учебником для вузов «История СССР» и «Очерками истории СССР», а также была обозначена готовность на тот момент еще неопубликованной монографии «Образование русского централизованного государства» [11, л. 54–55]. Черепнин получил 26 голосов за выдвижение и 3 голоса против. Такой результат свидетельствовал о высоком уровне поддержки Черепнина в Институте истории. Для сравнения: выдвигаемые одновременно с Черепниным в члены-корреспонденты М. П. Ким получил «за» 22 голоса и «против» 9, а В. К. Яцунский – «за» 16 и «против» 14, В. И. Шунков – «за» 11 и «против» 17 [11, л. 68].

Итак, голосование в ученом совете учреждения не было простой формальностью, не устраивающего по той или иной причине кандидата могли при голосовании провалить. В слу-

чае с непрохождением Черепнина в МГУ, то тут большую роль сыграл конфликт с М. Н. Тихомировым, профессором и заведующим кафедрой в МГУ, бывший к тому же некоторое время деканом исторического факультета. Истоки данного конфликта традиционно видят в написании Черепниным в 1949 г. разгромной рецензии на учебник, одним из авторов которого был Тихомиров, а вторым С. С. Дмитриев, также принимавший участие в Совете [19]. Как отмечал А. А. Зимин, после публикации рецензии Тихомиров «сделался на всю жизнь его злейшим врагом» [20, с. 173]. Кроме того, провалу на Ученом совете исторического факультета МГУ способствовало и то, что согласно Зимину, он так и не стал там «своим»: «Чужаком Льва считали и университетские лбы типа Епифанова и Белявского, которым куда ближе был кондовый Миха[и]л Никола[е]в[ич]» [20, с. 174].

Тем не менее не стоит преувеличивать роль неудачи на данном этапе, так как у кандидатов была возможность получить рекомендацию от другого учреждения: Черепнин в итоге был выдвинут УС Института истории АН СССР, а провалившегося там В. И. Шункова в 1960 г. выдвинет в члены-корреспонденты Ученый совет Института этнографии АН СССР.

Затем наступила очередь второго этапа: рассмотрение списков кандидатов экспертной комиссией Отделения исторических наук. Согласно М. Н. Тихомирову, бывшему академиком-секретарем Отделения в 1953–1957 гг., «в некотором отношении экспертная комиссия как бы предвзяла исход выборов, но далеко не всегда и не при всех условиях» [1, с. 235]. В 1958 г. экспертная комиссия в составе В. П. Волгина (реально отсутствовал), И. И. Минца, Е. А. Косминского, И. А. Орбели и М. Н. Тихомирова из 38 кандидатов в члены-корреспонденты по специальности «История СССР» отобрала троих: «Пономарева Бориса Николаевича, Третьякова Петра Николаевича, Гафурова Бободжана Гафуровича» [7, л. 56]. Все три кандидата обладали большим административным весом: Пономарев был заведующим Международным отделом ЦК КПСС, Третьяков – директором Института славяноведения АН СССР, а Гафуров – директором Института востоковедения АН СССР. В то же время научные заслуги Б. Г. Гафурова и Б. Н. Пономарева, которые были больше известны как партийные функционеры, были не столь очевидны. Тем не менее они были предпочтены Черепнину. Вполне возможно, помимо административных соображений невыдвижению Черепнина экспертной комиссией способствовала неприязнь со стороны М. Н. Тихомирова.

После оглашения рекомендаций экспертной комиссии следовало обсуждение всех выдвинутых кандидатов в рамках Отделения истории АН СССР. В поддержку кандидатуры Черепнина выступил академик Н. М. Дружинин, вкратце повторив тот же набор достижений, что озвучивался на УС Института истории АН СССР, и добавив про его роль как организатора [7, л. 103]. Однако на голосование академиков это выступление не повлияло, так что за Черепнина, похоже, проголосовал только Дружинин, и он получил лишь один из 12 голосов [7, л. 3].

Во время выборов 1960 г., когда по специальности «История СССР», была выделена одна вакансия члена-корреспондента, Черепнин выдвигается на УС Института истории АН СССР, на заседании которого 5 мая 1960 г. В. Т. Пашуто добавил к прежним аргументам «блестящее представление советской исторической науки за рубежом», его роль как организатора и основателя научной школы. Помимо Черепнина, набравшего 21 голос «за», УС направил заявки также на имя М. П. Кима (19 голосов «за») и В. К. Яцунского (15 голосов «за») [12, л. 23].

Экспертная комиссия Отделения в свою очередь поставила на первое место М. П. Кима, на второе В. И. Шункова и на третье Л. В. Черепнина [8, л. 2]. Попадание М. П. Кима на первое место можно объяснить негласной установкой от Отдела науки ЦК КПСС на увеличение представленности в АН историков, занимающихся советским периодом. В. И. Шунков был выдвинут, вероятно, из-за занимаемой им должности заместителя академика-секретаря Отделения. Попадание Черепнина в список рекомендованных может быть объяснено не только его заслугами, но и наличием в составе комиссии Н. М. Дружинина. Стоит отметить, что выдвижение кандидатуры Черепнина на обсуждении формально поддержал и Б. А. Рыбаков [8, л. 15]. Этот факт хорошо соотносится с характеристикой, данной ему Черепниным. Согласно ей Рыбаков против него «предпочитал играть взакрытую», используя обвинения о якобы имевшем место плагиате со стороны Черепнина: «Очень на этом (слухах о плагиате. – Н. Г.) играл (недобросовестно и недостойно играл) Борис Александрович Рыбаков – плохой и нечестный человек, который каждый раз, как происходили академические выборы и выдвигалась моя кандидатура, начинал кампанию против меня, указывая на присвоение мною чужого труда (так мне рассказывали, ибо Рыбаков предпочитал играть взакрытую)» [30, с. 163].

Всего в рамках Отделения могло проходить до трех туров голосования по вакансиям, при этом для прохождения в следующий тур нужно было получить более половины голосов

присутствующих на собрании, а для избрания в рамках Отделения, которое затем должно было быть утверждено Общим собранием АН СССР, необходимо было набрать не менее 2/3 от общего числа действительных членов Отделения истории АН (10 голосов). Черепнин был отсеян уже по результатам первого тура 7 июня 1960 г., получив лишь 3 голоса. Первое место занял М. П. Ким, набрав 9 [8, л. 24]. Таким образом, для избрания в первом туре ему не хватило одного голоса. В итоге он был избран 10 июня 1960 г. во время третьего тура.

На УС Института истории АН СССР 17 мая 1962 г. кандидатура Черепнина была выдвинута путем письменного обращения к совету академика Н. В. Нечкиной: «Выдвигаю кандидатуру Л. В. Черепнина к избранию в члены корреспонденты АН СССР по специальности “История СССР”. Лев Владимирович известный и всеми уважаемый ученый имеет многочисленные исследовательские труды по истории нашей Родины, обогатившие советскую марксистскую науку. Известны его выдающиеся качества. Он является редактором весьма ценных в научном отношении богатейших очерков истории феодализма. Он полон сил, энергии и поражает своей выдающейся трудоспособностью. Он постоянный и активный участник всех наших коллективных трудов, беря на себя и успешно разрешая сложные задачи. Могу засвидетельствовать это и на активном участии Льва Владимировича в работах группы по истории исторической науки. Академик Сказкин уполномочил меня присоединить его подпись к настоящему выдвижению» [13, л. 14–15]. После прочтения данного письма Черепнин был единогласно выдвинут открытым голосованием [15, л. 17]. Вслед за этим также единогласно проголосовали за кандидатуру Д. М. Кукина [13, л. 23], чье выдвижение поддерживалось партийными структурами, вероятно, в связи с его работой в ЦК КПСС и планируемым назначением на пост заместителя директора Института марксизма-ленинизма.

Что до голосования в экспертной комиссии и в Отделении, то сохранилось письмо Н. М. Дружинина к В. К. Яцунскому от 29 июля 1962 г., где подробно описывались все перипетии: «В Экспертной комиссии и на выборах Нечкина и я выдвигали Черепнина, но встретили сильное противодействие со стороны Тихомирова, который лично ненавидит Черепнина. Когда Кукин после совещания у президента снял свою кандидатуру “ввиду отсутствия единодушия”, двумя первыми кандидатурами были объявлены Черепнин и Шунков. Перед обсуждением кандидатур на избирательном собрании Отделения Пospelов объявил, что партийная группа предлагает Шункова. Партийцы, связанные предварительным решением, + Тихомиров составили нужное большинство (8 против 3 беспартийных – Нечкиной, Сказкина и меня); голосование, в сущности, оказалось проформой: мы оказались в меньшинстве. Думаю, что избранию Шункова помогли не только усиленная агитация Тихомирова, Устюгова и др., но и административные соображения: через 6 месяцев Жуков должен уйти с поста академика-секретаря и хотел сохранить Шункова не только как заместителя для себя, но и для своего преемника» [25, с. 233–234]. Дружинин утешал себя тем, что удалось отвести кандидатуру партийного выдвиженца Кукина и все же избрать, хотя и по административным соображениям, настоящего ученого Шункова, известного своими работами по истории Сибири. В ответном письме от 4 августа В. К. Яцунский поддержал и развил данную мысль: «Шунков не Кукин, конечно. И хотя Черепнин не *chevalier sans peur et sans reproche* (рыцарь без страха и упрека. – Н. Г.), но даже как человек он, вероятно, не хуже своего “победителя”. А в научном отношении его превосходство, несмотря на заслугу Шункова в изучении Сибири, вряд ли может вызвать сомнение. По уставу Академии, надо выбирать наиболее крупных ученых. Из академиков-партийцев (а их большинство) только один Рыбаков может быть назван ученым, да и тот в свое время прошел не столько за научные заслуги, а больше за то, что они отвечали конъюнктуре момента. Ну и сейчас это большинство (характерно, что от его имени выступал человек, у которого никаких трудов нет) руководилось прежде всего “своими” вненаучными критериями. А нам приходится “радоваться”, что избрали все же ученого, что пополнение Отделения, которое нельзя назвать коллегией, где руководят ученые, произошло все же путем увеличения ученого меньшинства этой коллегии» [25, с. 235].

Вероятно, недовольство части научной среды складывающейся ситуацией привело к тому, что за продвижение кандидатуры Черепнина на следующих выборах 1964 г. взялись, кажется, с еще большим усердием. На УС Института истории АН СССР кандидатуру Черепнина лично выдвинули академики Н. М. Дружинин и М. В. Нечкина [14, л. 79–82], так что неудивительно, что Черепнин на УС вновь прошел единогласно [14, л. 91]. Однако на самих выборах вновь последовала неудача: новым членом-корреспондентом стал директор издательства

«Наука» и специалист по истории Великой Отечественной войны А. М. Самсонов. Последний, стоит отметить, также был выдвинут УС Института истории АН СССР, получив 19 голосов «за» при одном воздержавшемся [14, л. 92]. В. К. Яцунский в письме к Н. М. Дружинину от 6 июля 1964 г. выразил недоумение сложившейся ситуацией: «Черепнин кроме научных бесспорных заслуг не только член КПСС, но и статьи (о Лаппо-Данил[евском] и др.) для “доказательства своего идейного уровня” писал. Чем он не угодил...?» [25, с. 253].

Причины этого мы и попробуем понять. В обстоятельствах данных выборов помогает разобраться довольно обстоятельное письмо Н. М. Дружинина от 11 июля 1964 г. к В. К. Яцунскому. Из письма следует, что в экспертной комиссии академиком Е. М. Жуковым на совещании с президентом АН СССР М. В. Келдышем была выдвинута кандидатура А. В. Фадеева, специалиста по истории Кавказа XIX в. М. В. Нечкина и С. Д. Сказкин «отстаивали Черепнина, остальные молчали» [25, с. 254]. Как результат, появилась формулировка о «двух равноценных кандидатурах», и вместо одного человека от экспертной комиссии на избирательном собрании Отделения были выдвинуты две кандидатуры – Черепнин и Фадеев [25, с. 254]. Однако затем П. Н. Поспелов объявил, «что партийная группа рекомендует голосовать за Фадеева» [25, с. 254]. В качестве аргументов было заявлено о «научном достоинстве его работ, в частности, об оценке движения Шамиля», на что Дружинин и Нечкина «противопоставляли ему (Фадееву. – Н. Г.) как более глубокого и широко охватившего многие важные проблемы ученого – Черепнина» [25, с. 254]. Для отвода Черепнина требовалось подобрать более веские аргументы, и здесь были использованы порочащие репутацию Черепнина слухи о плагиате: «Гафуров, ссылаясь на записку Тихомирова, поднял вопрос о “нечистоплотности” Черепнина (имея в виду эпизод с “Русской метрологией”); мы и Арциховский решительно опровергли эту инсинуацию» [25, с. 254]. По результатам первого и второго тура голосования лидировал Черепнин. Правда, он не набрал нужных тогда для избрания 18 голосов. Фадеев на втором туре набрал меньше половины голосов и выбыл из числа кандидатов. Как зафиксировал Дружинин, после этого Е. М. Жуков «прервал заседание, чтобы партийная группа могла решить, кем заменить Фадеева, ею рекомендованного. Перерыв длился долго, очевидно, были споры. После перерыва Поспелов заявил, что партийная группа рекомендует Самсонова ввиду актуальности его тематики» [25, с. 254–255]. Дружинин в такой ситуации настроился, скорее, не на избрание Черепнина, а провал вакансии. Однако «большинство испугалось перспективы лишения вакансии и проголосовало 21 голосами против 5 за Самсонова» [6, л. 26; 25, с. 255]. В целом же Дружинина в данной ситуации больше волновала не неудача Черепнина, а то, что «этот “новый порядок” (давление на выборы со стороны партийной группы. – Н. Г.), превращающий выборы в фикцию, – не исключение, а декретированное правило» [25, с. 255]. М. В. Нечкина в свою очередь подала заявление вице-президенту АН СССР В. А. Кириллину о грубом давлении со стороны партгруппы на избирательную коллегию, в чем ее морально поддержал в письме от 2 июля 1964 г. Н. М. Дружинин. Последний, впрочем, считал, что говорить надо с руководящими партийцами, хотя и не брался судить, насколько отвод Черепнина зависел от более высокой инстанции [2, с. 469–470].

В 1966 г. М. В. Нечкина 10 мая подписала представление Черепнина на выборы сразу в академики [21, с. 475]. Это было связано с тем, что, как зафиксировал в дневнике И. И. Минц, «в целях омоложения Академии был установлен 55-летний предел для членов-корреспондентов, поэтому всех “переростков”, вполне достойных в член-корры, сразу выдвинули в академики, среди них Л. В. Черепнин» [23, с. 186]. Нечкина, согласно Е. Н. Городецкому, приложила большие усилия в организации этих выборов [22, с. 414]. Так, 12 мая она лично выступила на УС Института истории АН СССР для продвижения кандидатуры Черепнина [15, л. 11–14]. В итоге при тайном голосовании «за выдвижение кандидатом в академики Льва Владимировича Черепнина подано 22 голоса, против 7» [15, л. 65].

28 июня 1966 г. экспертная комиссия объявила, что «по “Истории СССР” выдвинуты шесть человек в действительные члены Академии Наук. Из них экспертная комиссия считала наиболее ценными: А. В. Арциховского, Б. Г. Гафурова, Л. В. Черепнина, В. В. Мавродина, С. А. Токарева, В. И. Шункова» [10, л. 145]. К сожалению, из имеющихся документов непонятно, почему при наличии всего одной вакансии академика экспертная комиссия рекомендовала сразу шесть человек.

По результатам первого тура голосования в Отделении истории АН СССР 28 июня 1966 г. Мавродин (ноль голосов), Токарев (один голос), Шунков (два голоса) были отсеяны. Черепнин получил шесть голосов, обогнав на один голос оставшихся кандидатов. В связи с этим обнадеживающим результатом Е. И. Дружинина в письме, написанном, скорее всего, 28 июня 1966 г., выра-

зила поддержку Л. В. Черепнину: «Не жалеете, что вы баллотировались и, пожалуйста, не зарекайтесь на будущее! Для науки и для престижа Академии будет очень плохо, если ученые откроют “зеленую улицу” кандидатам, выдвинутым по должностному принципу или по мотивам приятельских отношений. Один сотрудник хорошо сказал: “Л. В. заслони́л своим телом корпорацию академиков от проникновения в нее таких лиц, кому не следует”. Это, конечно, жертва с Вашей стороны, и мы все Вам очень благодарны. А для Вас, – мы в этом уверены, – мнение сотен друзей дороже, чем отношение четырех лиц, положивших отрицательные бюллетени» [25, с. 289]. Остается лишь гадать, были ли направлены слова о «проникновении» против кого-то конкретного из тех, кто был отсеян на первом туре, или же речь шла о ситуации с выборами в АН СССР в целом.

По результатам первого тура осталось три кандидата по истории СССР: член-корреспондент АН СССР и известный археолог А. В. Арциховский, продолжавший работать директором Института востоковедения АН СССР Б. Г. Гафуров и Л. В. Черепнин. Арциховский не преодолел второй тур, состоявшийся 29 июня, набрав три голоса. Лидирующую позицию в этот раз занял Гафуров с шестью голосами, Черепнин же получил только пять [5, л. 4]. И. И. Минц, согласно его дневнику, видя подобный расклад, призывал академиков в третьем туре голосовать за обоих кандидатов, но в итоге 30 июня десять голосов академиков разделились поровну, и вакансия была не занята [23, с. 186–187].

В связи с такой ситуацией Е. Н. Городецкий в письме к Нечкиной от 12 июля 1966 г. заявил: «Очень меня огорчает очередная неудача с выборами Л. В. Черепнина. Как это несправедливо и бессмысленно. Просто непостижимо – неужели 10 человек не могут договориться. Представляю, сколько сил душевных и физических стоила Вам эта выборная кампания» [22, с. 414]. Кроме того, Н. М. Дружинин 9 января 1967 г. направил обращение к Президенту АН СССР по вопросу об академических выборах. Помимо жалоб на давление партгруппы на результаты голосования, что нарушало Устав Академии, там содержалось предложение «устранить искусственные преграды для выборов членов-корреспондентов в виде возрастного ценза» [16, л. 5–6]. Так как эти вопросы были крайне важны для Черепнина, то ему была отослана письмом копия данного обращения.

Видимо, в это время Л. В. Черепнин принимает решение отказаться от дальнейшего участия в выборах, о чем упомянул без точной даты Л. Н. Пушкарёв в своих мемуарах. Каждая подобная неудача тяжело переживалась Черепниным, так что, согласно Пушкареву, он, больше стараясь убедить самого себя, пространно высказался о приоритете ученой степени доктора наук над званием академика [27, с. 180].

Тем не менее в 1972 г. Л. В. Черепнин решился вновь баллотироваться. Предположим, что этому поспособствовало противоборство двух важных членов партийной группы Отделения истории АН СССР Е. М. Жукова и Б. А. Рыбакова, имевшее тогда место согласно мемуарам А. А. Зимина [20, с. 174]. Данное противоборство шло вокруг места академика-секретаря, ставшее вакантным после смерти в марте 1972 г. академика В. М. Хвостова, и могло повлиять на единство партийной группы. Уже в первом туре Черепнин был избран в Отделении истории, обойдя ранее побеждавших его при выборах в члены-корреспонденты М. П. Кима и А. М. Самсонова, а затем он был утвержден и на Общем собрании АН [6, л. 12; 23, с. 311]. В связи с этим Н. М. и Е. И. Дружинины в письме от 28 ноября 1972 г. так поздравляли Черепнина: «Теперь уже окончательно поздравляем и крепко Вас обнимаем! Только что состоялся подсчет голосов на общем собрании Академии Наук СССР: Вы избраны большинством 187 гол[осов] при проходном балле 141. После 22 ноября, когда Ваша кандидатура с успехом прошла в Отделении исторических наук, до нас доходили отклики на это событие из разных отделов и секторов: “В Институте – всеобщее ликование, все поздравляют Л. В. Черепнина, поздравляют друг друга...”. “Это не только праздник советской науки, – это победа честных и благородных принципов...”» [16, л. 13].

Академия наук СССР должна была объединять в качестве своих членов наиболее выдающихся ученых страны. Соответственно, в идеальной ситуации ученый, обладающий большим числом достижений, должен был получать на выборах преимущество. Черепнин обладал большим числом научных достижений, возраставших к тому же со временем, но тем не менее предпочтение каждый раз отдавалось не ему, хотя по этому показателю он своим противникам не уступал или даже превосходил.

Поэтому рассмотрим вместе те факторы, которые на протяжении почти полутора десятилетий препятствовали избранию Черепнина в Академию наук СССР, чтобы понять недостающие составляющие успеха при выборах. Первый из них – это политическая актуальность

тематики, важная для партийных органов, которые в свою очередь могли оказать влияние на партийных академиков. С точки зрения политической актуальности Черепнин, занимавшийся феодальным периодом, проигрывал занимавшимся советским периодом.

Второй значимый фактор, сыгравший не в пользу Черепнина, это административные соображения, или так называемые выдвижения по «должностному принципу». Черепнин был «лишь» заведующим сектором академического института и не выглядел как равноценный кандидат по сравнению с директорами институтов или лицами, занимающими должности в руководстве АН.

Третий фактор – это вопрос о личных отношениях с отдельными академиками. Если хорошие взаимоотношения с Нечкиной и Дружининым играли для Черепнина положительную роль, то конфликт с М. Н. Тихомировым – сугубо отрицательную. Возможно, один отрицательный голос не играл бы столь большой роли, но Тихомиров был одним из распространителей слухов о плагиате, якобы совершенном Черепниным в отношении Н. В. Устюгова при издании в 1944 г. «Русской метрологии» [31].

О том, что Тихомиров поддерживал слухи о плагиате, свидетельствует его собственная запись в дневнике [1, с. 416] и уже упомянутая выше поданная им записка во время академических выборов 1964 г. Об этом факте писал в своих воспоминаниях и Н. И. Павленко: «Академик Михаил Николаевич Тихомиров неизменно выступал против его кандидатуры, напоминая и о плагиате ... В итоге академиком Черепнин стал только в 1972 году, через семь лет после смерти Тихомирова» [24, с. 126]. Однако Тихомиров не был единственным, кто распространял подобные слухи. И. И. Минц зафиксировал в дневнике в 1968 г., т. е. уже после смерти Тихомирова, что Б. А. Рыбаков в связи с выборами в члены Академии наук СССР неоднократно ранее высказывался о плагиате Черепнина, но «не доказал этого» [23, с. 233]. Если Тихомировым, скорее всего, двигала именно личная обида, то Рыбаков, будучи членом партийной группы, использовал в данном случае недоказанные и неформальные обвинения в плагиате, скорее, как удобный повод для отвода довольно сильной кандидатуры. Как писал Зимин: «Во лжи и интриге Рыбаков виртуоз. Примеров тому неисчерпаемое множество... Вот еще: “Моя совесть ученого не позволяет мне голосовать за плагиатора” (о Черепнине на узком выборном заседании академиков). Ведь надо же оболгать Черепнина, и все потому, что он в нем видит возможного конкурента» [20, с. 202–203].

Несмотря на неблагоприятные факторы, данная история закончилась благополучно для Л. В. Черепнина. Помимо собственно научных заслуг последнего этому способствовало то, что «новый порядок» продавливания партийной группой на выборах кандидатов, отобранных не по научным, а по идеологическим или административным критериям, вызывал активное сопротивление со стороны научного сообщества. Активная поддержка кандидатуры Черепнина при голосовании в Отделении истории АН СССР со стороны Дружинина, Нечкиной, Сказкина, т. е. беспартийных членов Отделения, была в том числе обусловлена стремлением представить реальную альтернативу подобным кандидатам. Немалую роль в его избрании сыграл высокий уровень поддержки Черепнина в целом со стороны коллектива Института истории АН СССР, что позволило раз за разом повторно выдвигать его кандидатуру и в конце концов добиться желаемого.

Список литературы

1. Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 784 с.
2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991. Т. 2. 1952–1958. М. : РОССПЭН, 2010. 1279 с.
3. Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. Академическая наука и власть на выборах в АН СССР в 1928–1929 гг. // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 4. С. 380–386.
4. АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 411. Оп. 61. Д. 3.
5. АРАН. Ф. 411. Оп. 61. Д. 5.
6. АРАН. Ф. 411. Оп. 61. Д. 17.
7. АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 103.
8. АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 104.
9. АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 311.
10. АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 507.
11. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 414.
12. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 452.

13. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 483.
14. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 521.
15. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 566.
16. АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 355.
17. Белозеров О. П. Участие М. М. Завадовского в выборах в Академию наук СССР: обзор архивных материалов 1938–1946 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 892–905.
18. Дмитриев С. С. Дневники. Т. 1. 1941–1960. СПб. : Алетейя, 2023. 1378 с.
19. Зайончковский П. А., Черепнин Л. В. Рец. на: М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев. История СССР. С древнейших времен до 1861 года // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 134–141.
20. Зимин А. А. Храм Науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М. : Аквариус, 2015. 440 с.
21. «...И мучилась и работала невероятно» : дневники М. В. Нечкиной. М. : РГГУ, 2013. 822 с.
22. «История в человеке» – академик М. В. Нечкина. М. : Новый хронограф, 2011. 1067 с.
23. Минц И. И. «Из памяти выплыли воспоминания...» : дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И. И. Минца. М. : Собрание, 2007. 600 с.
24. Павленко Н. И. Воспоминания историка. М. : Памятники исторической мысли, 2016. 160 с.
25. Переписка Н. М. и Е. И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / сост. В. Г. Бухерт. М. : Памятники исторической мысли, 2018. 465 с.
26. Птушенко В. В. Непокорная Академия наук на выборах 1966 года // Социология науки и технологий. 2023. № 4. С. 30–48.
27. Пушкарев Л. Н. Воспоминания о Л. В. Черепнине // Отечественная история. 2001. № 1. С. 175–183.
28. Тихонов В. В. Впервые после Сталина: историки и выборы в академию наук СССР в 1953 году // Вестн. Перм. ун-та. Серия: История. 2016. № 2 (33). С. 108–113.
29. Устав Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик: 1959 г. // Уставы Академии наук СССР. М. : Наука, 1975. С. 150–164.
30. Черепнин Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1. М. : Языки славянской культуры, 2015. 400 с.
31. Черепнин Л. В. Русская метрология. М. : Трансжелдориздат НКПС, 1944. 94 с.

The thorny path to becoming an academician by L. V. Cherepnin

Gilevich Nikita Dmitrievich

researcher, Laboratory of Digital Technologies in Historical and Cultural Research, Ural Federal University.
ORCID: 0009-0005-4716-9553. ResearcherID: ACN-4066-2022. E-mail: gilevich.nikita@urfu.ru

Abstract. The article examines the problems of elections to the USSR Academy of Sciences from the anthropological side, that is, from the point of view of the influence of all significant factors on the process of election or non-election for one particular candidate. L. V. Cherepnin became an academician in 1972, having previously survived five unsuccessful attempts to be elected from 1958 to 1966. A review of the history of these ballots will allow us to consider over a fairly wide period of time what factors influenced the election process. This study is particularly relevant in connection with the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences, as it additionally reveals the issue of replenishing its membership with new members. Preference was also given to considering the figure of L. V. Cherepnin due to the good availability of sources, both clerical, created during the election process in the structure of the USSR Academy of Sciences, and personal origin, reflecting the informal side of the election. These sources allow us to conclude that the positive outcome of the election, in addition to the amount of scientific merit, was influenced by the degree of support for the candidate in the governing organization, membership in a particular scientific community and their opposition to each other, and personal relationships between scientists. It is particularly worth noting the opposition of the scientific community to the order, when the nomination was based on the ideological and political relevance of the candidate's research or for administrative reasons, and as an alternative, Cherepnin, who has many scientific works, was put forward.

Keywords: L. V. Cherepnin; Soviet historical science, Academy of Sciences of the USSR, academic elections.

References

1. Akademik M. N. Tikhomirov: *Vospominaniia. Dnevnik. Perepiska s uchenikami* [Academician M. N. Tikhomirov: Memoirs. The diaries. Correspondence with students]. M.; SPb. : Nestor-Istoriya, 2022. 784 p.
2. *Akademiia nauk v resheniiakh Politbiuro TsK RKP(b)–VKP(b)–KPSS* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party(b)–VKP(b)–CPSU]. 1922–1991. Vol. 2. 1952–1958. M., ROSSPEN, 2010. 1279 p.
3. Anan'ev V. G., Bukharin M. D. *Akademicheskaiia nauka i vlast' na vyborakh v AN SSSR v 1928–1929 gg.* [Academic science and power in the elections to the USSR Academy of Sciences in 1928–1929] // *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* – Herald of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 91. No. 4. Pp. 380–386.

4. ARAS (Archive of Russian Academy of Sciences). F. 411. Inv. 61. F. 3.
5. ARAS. F. 411. Inv. 61. F. 5.
6. ARAS. F. 411. Inv. 61. F. 17.
7. ARAS. F. 457. Inv. 1. F. 103.
8. ARAS. F. 457. Inv. 1. F. 104.
9. ARAS. F. 457. Inv. 1. F. 311.
10. ARAS. F. 457. Inv. 1. F. 507.
11. ARAS. F. 1577. Inv. 2. F. 414.
12. ARAS. F. 1577. Inv. 2. F. 452.
13. ARAS. F. 1577. Inv. 2. F. 483.
14. ARAS. F. 1577. Inv. 2. F. 521.
15. ARAS. F. 1577. S. 2. F. 566.
16. ARAS. F. 1791. S. 1. F. 355.
17. Belozеров О. П. *Uchastie M. M. Zavadovskogo v vyborah v Akademiiu nauk SSSR: obzor arkhivnykh materialov 1938–1946 gg.* [M. M. Zavadovsky's participation in the elections to the USSR Academy of Sciences: a review of archival materials from 1938–1946] // *Vestnik arkhivista – Herald of an archivist.* 2023. No. 3. Pp. 892–905.
18. Dmitriev S. S. *Dnevnik. Vol. 1. 1941–1960* [Diaries. Vol. 1. 1941–1960]. SPb., Aletaya, 2023. 1378 p.
19. Zaionchkovskii P. A., Cherepnin L. V. *Rets. na: M. N. Tikhomirov i S. S. Dmitriev. Istoriia SSSR. S drevneishikh vremen do 1861 goda* [Rev. of: M. N. Tikhomirov and S. S. Dmitriev. The history of the USSR. From ancient times to 1861] // *Voprosy istorii – Questions of history.* 1949. No. 2. Pp. 134–141.
20. Zimin A. A. *Khram Nauki* [Temple of Science] // *Khoroshkevich. A. L. (Comp.) Sud'by tvorcheskogo naslediiia otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka* [The fate of the creative heritage of Russian historians of the second half of the 20th century]. M., Aquarius, 2015. 440 p.
21. "...I muchilas' i rabotala neveroiatno" *dnevnik M. V. Nechkinoi* ["... And suffered and worked incredibly" diaries of M. V. Nechkina]. M., RSHU, 2013. 822 p.
22. *"Istoriia v cheloveke" – akademik M. V. Nechkina* ["History in man" – academician M. V. Nechkina]. M., Novy chronograf, 2011. 1067 p.
23. Mints I. I. *"Iz pamiati vyplyli vospominaniia..."*: *Dnevnikovye zapisi, putevye zametki, memuary akademika AN SSSR I. I. Mints* ["Memories came out of memory...": Diary entries, travel notes, memoirs of academician of the USSR Academy of Sciences I. I. Mints]. M., Sobranie, 2007. 600 p.
24. Pavlenko N. I. *Vospominaniia istorika* [Memoirs of a historian]. M., Monuments of Historical Thought, 2016. 160 p.
25. *Perepiska N. M. i E. I. Druzhininykh s istorikami, literaturovedami, pisateliami* [Correspondence of N. M. and E. I. Druzhinin with historians, literary critics, and writers] / Bukhert V. G. (Comp.). M., Monuments of Historical Thought, 2018. 465 p.
26. Ptushenko V. V. *Nepokornaia Akademiia nauk na vyborah 1966 goda* [The rebellious Academy of Sciences in the 1966 elections] // *Sotsiologiya nauki i tekhnologii – Sociology of Science and Technology.* 2023. No. 4. Pp. 30–48.
27. Pushkarev L. N. *Vospominaniia o L. V. Cherepnine* [Memoirs of L. V. Cherepnin] // *Otechestvennaia istoriia – National History.* 2001. No 1. Pp. 175–183.
28. Tikhonov V. V. *Vpervye posle Stalina: istoriki i vybory v akademiiu nauk SSSR v 1953 godu* [For the first time after Stalin: historians and elections to the USSR Academy of Sciences in 1953] // *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriia – Herald of Perm University. Ser. History.* 2016. No. 2 (33). Pp. 108–113.
29. *Ustav Akademii Nauk Soiuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: 1959 g.* [Charter of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics: 1959] // *Ustavy Akademii nauk SSSR – Charters of the Academy of Sciences of the USSR.* M., Nauka (Science), 1975. Pp. 150–164.
30. Cherepnin L. V. *Moia zhizn'. Vospominaniia. Kommentarii. Prilozheniia. T. 1* [My life. Memories. Comments. Appendices. Vol. 1]. M., Yaziki slavyanskoi kulturi, 2015. 400 p.
31. Cherepnin L. V. *Russkaia metrologiia* [Russian metrology]. M., Transzheldorizdat NKPS, 1944. 94 p.

Поступила в редакцию: 29.01.2025

Принята к публикации: 13.02.2025

Образы российского самодержавия в мемуаристике 1950–1960-х гг.: осмысление в советской и постсоветской историографии

Катаев Денис Сергеевич

аспирант кафедры истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Пермь. E-mail: kataev-ds@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются подходы к осмыслению в отечественной историографии феномена мемуарных произведений периода «хрущевской оттепели» и раннего «застоя», авторами которых стали очевидцы социально-политических процессов в Российской империи, происходивших до 1917 г.

Эти воспоминания являются важным комплексом источников для изучения исторических образов институтов Российской империи в условиях трансформации системы социокультурных институтов исторической памяти в СССР в период с 1953 по 1970 г.

Особое внимание уделяется рассмотрению в советской и постсоветской историографии наиболее изученных сюжетов данного проблемного поля, связанных, в том числе, с мемуарным наследием публициста В. В. Шульгина и советского государственного деятеля К. Е. Ворошилова, осмысленных лишь в научно-популярной и беллетристической литературе. В статье также рассмотрены подходы к изучению «солдатских мемуаров» участников Первой мировой войны.

В статье также предлагаются наиболее перспективные для дальнейшего изучения исследовательские вопросы, связанные с изучением образов власти в мемуарной литературе 1950–1960-х гг. Среди таких вопросов можно выделить: соотношение интереса мемуаристов к фактору «общественных масс» и «роли личности в истории», понятийно-терминологический и символический аппарат, которым оперировали авторы мемуарных произведений при описании института российской монархии, контекст развития мемуарного жанра в условиях цензурного контроля, роль авторов мемуаристики в развитии новых идеологических тенденций в рамках государственной идеологии СССР и оппозиционных течений, авторы мемуарных изданий как представители поколения последних очевидцев событий истории дореволюционной России, пересмотр коммеморативных практик в отношении ряда военно-политических событий рубежа XIX и XX вв. Данные вопросы объединены проблемой 1950–1960-х гг. как переходного периода в пересмотре наследия поздней Российской империи.

Ключевые слова: «хрущевская оттепель», историческая память, самодержавие, мемуары, российская историография.

Мемуарный дискурс. Литературный жанр мемуаров неразрывно связан с историографической рефлексией прошлого. Мемуаристика является неотъемлемым «документальным остатком» того времени, в котором создавались мемуарные произведения, и отражением прошедшей действительности [8, с. 126–138]. Период «хрущевской оттепели» в СССР стал временем переосмысления культурного и научного значения мемуарных исторических источников.

«Хрущевская оттепель» в целом стала периодом сильных изменений в советской политике исторической памяти, развивавшейся «под знаком переходного состояния идеологии КПСС» [30, с. 218], что отразилось на системе историографических взглядов советских историков, в том числе касающихся периода царствования последних представителей императорского дома Романовых.

В этом контексте научный интерес вызывают ретроспективные репрезентации образов дореволюционной России, освещенные в мемуарных произведениях, раскрытые именно в таких мемуарных произведениях, которые вышли в свет или готовились к выходу в СССР в период «хрущевской оттепели», и были созданы авторами, которые могли осмысленно наблюдать социально-политические процессы Российской империи с конца 1870-х по 1917 г.

В аспектах развития системы социокультурных институтов исторической памяти в СССР 1953–1960-х гг. особенно важным становится анализ репрезентаций образов властных институтов Российской империи конца XIX – начала XX в. Наиболее ярко эти образы выражены в мемуарном наследии публициста В. В. Шульгина, государственного деятеля К. Е. Ворошилова. Стоит отметить, что их мемуарное наследие во многом осмыслено не в научных публикациях, а в научно-популярной и беллетристической литературе.

Именно анализу в историографии мемуаров этих авторов будет уделено особое внимание в данной статье. Также будет рассмотрено то, как образы российского самодержавия рассматривались при анализе «солдатских мемуаров» Первой мировой войны.

Но перед этим важно уделить внимание источниковедческим аспектам темы, а завершить – теми контекстуальными вопросами, которые важны для анализа социокультурных институтов исторической памяти периода «хрущевской оттепели». Важно проанализировать и наиболее перспективные для дальнейшего изучения исследовательские вопросы данного проблемного поля.

При анализе историографии советских мемуарных репрезентаций Российской империи стоит учитывать, что в советских исторических трудах периода «оттепели» и «застоя» непроработанными проблемами остались природа российского абсолютизма и его эволюция в ходе исторического развития страны [20, с. 59–60].

Современными российскими историками, не в последнюю очередь – с помощью привлечения как раз мемуарных источников, созданных в период «оттепели», переосмыслены психологические и культурные аспекты реалий Российской империи периода Первой мировой войны [22, с. 185–199].

Необходимо уделить внимание и тому, как в историографии рассматривались особенности публикации источников в период «оттепели».

Конец 1960-х гг. стал «временем юбилеев», что и обуславливало повышенную публикационную активность [15, с. 187–188]. Однако комплекс опубликованных мемуарных источников использовался историками зачастую с ограниченным применением внутренней и внешней источниковедческой критики [4, с. 80–96]. Платформой для размещения мемуарных публикаций выступали литературные журналы, созданные или переформатированные именно в период «оттепели», а точнее даже в короткий период 1956–1957 гг. [33, с. 16].

Если переходить к анализу в историографии конкретных мемуарных источников, содержащих отражения образов российского самодержавия конца XIX – начала XX вв., то они рассматривались достаточно неравномерно. С 1990-х гг. подробно в историографии освещена публичная деятельность В. В. Шульгина, в научно-популярных изданиях нашли отражение эпизоды из воспоминаний К. Е. Ворошилова, уделялось внимание и взгляду на социально-политические процессы из «солдатских» мемуаров участников Первой мировой войны.

С середины 2010-х гг. объектом анализа стали ретроспективные свидетельства участников Первой мировой войны, готовившиеся к публикации именно в период «оттепели».

Уральская исследовательница Н. В. Суржикова проговорила невостребованность опыта Первой мировой войны, в период СССР находившейся в тени революционных событий 1917 г. Также отмечалось, что описание опыта службы в царской армии, особенно офицерского, являлось той темой, подробное освещение которой было нежелательно из соображений цензуры и самоцензуры [31, с. 25–34].

Так, например, в написанных в период оттепели воспоминаниях о Первой мировой войне ефрейтора П. Г. Жакова, выходца из окрестностей села Ильинского Пермского уезда, присутствует обращение автора к роли самодержавия как ключевого политического института, вовлекшего Россию в войну [9, с. 131–139]. Сходные оценки самодержавия проявились и при анализе уральскими исследователями мемуаров выходца из Кунгурского уезда В. Н. Журавлева [32, с. 279–302], где индивидуальный ретроспективный нарратив рассматривался как результат мемориальной политики советского государства за полвека. Однако размышления авторов о природе дореволюционной российской власти анализировались историками только вскользь.

Феномен В. В. Шульгина. Один из немногих наиболее изученных сюжетов в отечественной историографии, связанный с публикацией в период «оттепели» мемуарных произведений авторов, в начале XX в. являвшихся апологетами монархизма, трансформации их политических взглядов в период «оттепели», – это ситуация вокруг произведений и публичной активности Василия Витальевича Шульгина – публициста, депутата II, III и IV созывов Государственной думы, а в период Гражданской войны – одного из ключевых организаторов Белого движения.

Анализ его биографии и политических взглядов, еще к концу 1980-х гг. бывший относительно малоизученной темой в историографии, в 1990-х гг. привлек внимание публицистов, а в 2000–2010-х гг. – и профессиональных историков, осветивших дореволюционный период его политической деятельности, роль в эмигрантском сообществе (включая спровоцированное ОГПУ участие в операции «Трест») [5, с. 6], период тюремного содержания в системе ГУЛАГ и последние два десятилетия во Владимире.

В 1961 г. выпущенный из мест заключения пятью годами ранее, В. В. Шульгин был приглашен на XXII съезд КПСС, где, по оценке Ю. А. Полякова, «старейший борец против коммунизма получил возможность лицезреть, как принималась программа построения коммунизма» [21, с. 118]. Происходило это в условиях, когда промонархическая социокультурная активность в условиях правового поля СССР могла быть однозначно истолкована как уголовное преступление против основ конституционного строя советского государства.

В том же 1961 г. было издано произведение В. В. Шульгина «Письма к русским эмигрантам», в 1965 г. на экраны вышел фильм режиссера Ф. М. Эрмлера «Перед судом истории», посвященный биографии Василия Витальевича, с его участием в качестве актера, а по факту – и непосредственного соавтора диалогов и сценария. Особое внимание было уделено парламенту Российской империи – Государственной думе, в которой В. В. Шульгин заседал со II созыва.

Выход Шульгина в «публичное поле» через полвека стал оцениваться в отечественной историографии как одна из знаковых примет периода «оттепели». И на течение этого сюжета сильно влияли общесоюзные политические трансформации, связанные с изменениями политического курса на съездах КПСС и в связи со сменой руководства страны и партии [24, с. 36].

На рубеже 1966–1967 гг. в журнале «История СССР» вышли главы из книги «Годы». И если прокат фильма «Перед судом истории» был быстро ограничен, то публикация воспоминаний в одном из ключевых академических гуманитарных журналов вызвала знаковый скандал. Противоречия вокруг публикации В. В. Шульгина стали, в оценке Ю. А. Полякова, одним из признаков сворачивания «оттепели» и, в принципе, любых идеологических послаблений в ходе начинающего ее сменять «застоя» [21, с. 120]. 7 апреля 1967 г. вопрос о данной публикации даже рассматривался на заседании Секретариата ЦК КПСС под председательством А. П. Кириленко, не последнее внимание в ходе которого было уделено контрреволюционному, монархическому характеру произведений В. В. Шульгина.

Во вступительной статье сценариста фильма «Перед судом истории» В. П. Владимирова к публикации глав из книги «Годы» актуальность публикации, которая могла вызвать много вопросов со стороны органов идеологического контроля, оговаривалась особо.

Воспоминания Шульгина должны были показать советскому читателю силу сопротивления монархических движений революции 1905–1907 гг. и дальнейшей активности противников самодержавия [7, с. 66]. Критической рецензией на воспоминания Шульгина оказалась завершающая к этой серии публикаций статья А. Я. Авреха, в которой достоверность приведенных В. В. Шульгиным сведений ставилась под сильное сомнение, а комплиментарные оценки системы самодержавия Российской империи и некомплиментарные – лично императора Николая II – оценивались с классовых позиций как взгляд помещика из малороссийских губерний, заинтересованного в начале политической карьеры в консервации монархического строя России [1, с. 145].

В биографической книге о В. В. Шульгине, созданной писателем В. И. Ерашовым, почти не раскрыта тема деятельности В. В. Шульгина в СССР после освобождения из мест заключения [11]. В свою очередь, для Д. А. Жукова в книге «Таинственные встречи», выпущенной в 1992 г. [12], эта тема становится одной из ключевых. В своей книге Д. А. Жуков обширно цитировал материалы из архивного фонда Шульгиных в Государственном архиве Российской Федерации (р5974), приводя данные материалы как речь В. В. Шульгина от первого лица, высказанную автору во время личных встреч. Однако при цитировании материалов не было приведено ни единой точной ссылки на архивные документы.

Д. А. Жуковым уделено внимание атмосфере 1960-х гг. как времени развития в СССР историко-культурного активизма и национализма: «1965 год памятен для меня резко обозначившейся тягой к познанию родной истории и восстановлению национального самосознания. Это был год создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в рамках которого регулярно проводились «вторники», посещавшиеся писателями, историками, архитекторами, режиссерами, всякого рода русскими интеллигентами, объединенными желанием общаться и отстаивать наше культурное наследие» [12, с. 96]. Именно в таком контексте произошло знакомство Д. А. Жукова с фильмом «Перед судом истории» и в общем с персоналией В. В. Шульгина. Действительно, 1965 г. стал этапным в развитии советского историко-культурного активизма, для которого оказалась значимой проблема отношения к наследию Российской империи [19, с. 40–41].

Д. А. Жуков уделил внимание контексту появления фильма «Перед судом истории» конкретно в условиях изменения общесоюзной политической конъюнктуры после отставки Н. С. Хру-

щева и прихода к власти Л. И. Брежнева: «Впрочем, напомним, что год был 1965-й, почти безвременье в идеологических установках, совсем недавнее утверждение Брежнева наверху иерархической пирамиды», а сам фильм назвал «историей благосклонности Хрущева к престарелому монархисту» [12, с. 101].

В книге Д. А. Жукова, имеющей заметные конспирологические черты, был сделан акцент на «мистических» сторонах наследия В. В. Шульгина. Особо ярко это проявилось в неверифицированном тезисе Д. А. Жукова, приписанном В. В. Шульгину о том, что в последние дни перед расстрелом в Екатеринбурге императрица Александра Федоровна оставила на стене в доме Ипатьева свастичный символ [12, с. 80].

Д. А. Жуков констатировал, что фильмом «Перед судом истории» советские власти были намерены «Судить самого Шульгина в его лице, судить контрреволюцию» [12, с. 97]. Кроме того, Д. А. Жуков выдвинул тезис о появлении идеи фильма как предложенной одним из руководителей управления Комитета государственной безопасности по Владимирской области. Фильм должен был стать рассказом о предпосылках и истории революции от первого лица, «пока жив этот исторический кладезь» [12, с. 108].

Сама же политическая позиция В. В. Шульгина характеризовалась такими его цитатами, в которых были продемонстрированы противоречия его позиции и политических действий: «Ненавидя политику, я все же был пламенным монархистом. Но это был монархизм. Как сказать, прирожденный... А впоследствии пришлось принять отречение двух императоров. Ну не странно ли?» [12, с. 120]. Характеризуя позицию В. В. Шульгина во второй половине 1960-х гг., Д. А. Жуков также приводил такую цитату: «Я за самодержавие... Нужен самодержец! А где он?» [12, с. 102].

История освобождения В. В. Шульгина из мест заключения связывалась Д. А. Жуковым с образами царствовавшей фамилии. В своей книге он рассказывал о сне В. В. Шульгина 16 мая 1956 г., в котором императрица Александра Федоровна поздравляла Шульгина с «высокоотраженнейшим днем» [12, с. 141–142].

Особое место в рефлексии о самодержавии, приписывавшейся Д. А. Жуковым В. В. Шульгину, занимали размышления о судьбе дочерей Николая II, великих княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. Именно с ними связана одна из ключевых сцен фильма «Перед судом истории» – беседа В. В. Шульгина с выпускницами ленинградских школ. В этой сцене Василию Витальевичу было приписано намерение кратким, но явным намеком на четырех великих княжон «выразить неприятие кровавой российской традиции убивать царей». После фильтров цензуры и редактур данная сцена была охарактеризована в книге «Таинственные встречи» как «глупейший диалог» [12, с. 103]. Возможные сценарии данной сцены подробно описаны самим В. В. Шульгиным в рукописных записях, отложившихся в личном фонде Шульгина в Государственном архиве Российской Федерации. В одной версии В. В. Шульгин характеризует себя как «старого русского колдуна», превратившего четырех принцесс в «золушек» [10, л. 23–23 об.], а в другой был намерен рассказать выпускницам «печальную историю четырех принцесс» [10, л. 29].

Уделил внимание Д. А. Жуков и отражению в воспоминаниях В. В. Шульгина попытки срыва левыми депутатами Государственной думы монархических ритуалов в ходе открытия заседаний парламента [12, с. 142].

Таким образом, осмысление образов российского самодержавия, высказанное в мемуарном наследии В. В. Шульгина, достаточно ярко освещено в беллетристическом издании Д. А. Жукова.

Но наиболее знаковым было сотрудничество с В. В. Шульгиным во второй половине 1960-х гг. писателя М. К. Касвинова. Результатом этого уже в период «застоя» стало издание книги «23 ступени вниз», посвященной падению императорского дома Романовых и гибели царской семьи. В 1972–1973 гг. главы из будущей книги издаются в журнале «Звезда», а в 1978 г. произведение выходит отдельной книгой [16, с. 51–52]. Внимание партийных органов и спецслужб к взаимодействию В. В. Шульгина с деятелями советской культуры и науки в 1960-е гг. также рассматривал А. В. Репников в ряде своих работ, в том числе в соавторстве с В. С. Христофоровым [25, с. 155–169].

С. Ю. Рыбас в книге о В. В. Шульгине для знаменитого цикла «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» деятельность Шульгина периода «оттепели» оценивал, в свою очередь, как продолжение многолетней политической борьбы. По мнению автора, в ней он сумел «обойти» советские власти, не сумевшие добиться от его публикаций и публичных выступлений необходимого пропагандистского эффекта [29, с. 476–499].

Если говорить об оценках В. В. Шульгина, касающихся сходств и различий самодержавного строя Российской империи и партотократии СССР, то авторитарный (или даже тоталитарный) характер советского режима публицистом отчасти объяснялся реинкарнацией методов русского самодержавия в период сталинизма [24, с. 34].

Мемуары К. Е. Ворошилова. Еще один автор, оставивший изученное мемуарное наследие в контексте образов российского самодержавия, – это советский государственный и военный деятель Климент Ефремович Ворошилов.

Материалы для неизданной части его мемуаров, отразивших события с 1907 по 1914 гг., стали основой для публикации биографического издания и альбома В. С. Акшинского о К. Е. Ворошилове, впервые увидевших свет в 1974 и 1978 гг. [3; 14]. Вклад В. С. Акшинского в подготовку мемуарного издания от имени самого К. Е. Ворошилова оценивался как «равный соавторству» [28, л. 149].

Отраженная в мемуарном наследии К. Е. Ворошилова тема взаимодействия с институтами российской монархии как участника революционного движения и как политического ссыльного освещена в научно-популярных изданиях из серии «Жизнь замечательных людей», авторами которых в разное время выступили В. И. Кардашов и Н. Т. Великанов. При крайне некомплиментарных оценках самодержавия в мемуарном наследии К. Е. Ворошилова в его воспоминаниях нашлось место и для отражения использования верноподданнической пропаганды и верноподданнических чувств представителей властей Пермской и Архангельской губерний буквально для решения бытовых проблем политического ссыльного.

Особое место занимает «обросший легендами» в научно-популярной, беллетристической литературе и журналистских публикациях сюжет о том, как К. Е. Ворошилов «проучил» ныробского урядника с помощью портрета императора Николая II.

В неопубликованных рукописных материалах из фонда К. Е. Ворошилова в Российском государственном архиве социально-политической истории указанная история четко связана с попытками К. Е. Ворошилова избавиться от излишнего надзора ныробского урядника Янковского. Идея вывесить в комнате ссыльного портрет императора Николая II из журнала «Нева» приписывалась мемуаристом Софье Львовне Милициной, супруге почтового чиновника из Ныроба [27, л. 320]. Сам эпизод ссылки датируется началом 1913 г. В научно-популярных публикациях данная история, в свою очередь, связывалась с пребыванием в Холмогорах и с бракосочетанием Клим Ворошилова с Екатериной Давидовной Горбман, которое также «переносилось» авторами в Архангельскую губернию из Пермской в более ранний период его ссылки.

У Н. Т. Великанова этот эпизод описан следующим образом:

«Сразу по возвращении Голды, теперь Екатерины Ворошиловой, в Холмогоры не обошлось без очередных осложнений: жандарм, надзиравший за Ворошиловым, потребовал немедленного отъезда ее из поселения: нельзя, мол, расконвоированной жить вместе с ссыльным. На сборы и выезд дал три дня. Тогда молодожены придумали хитрость: повесили в избе вырезанный из журнала портрет императора Николая II. Когда жандарм пришел проверять исполнение его приказа, у Ворошиловых собралась толпа ближних соседей. Жандарм стал кричать, почему «посторонняя» не уехала. Соседи вступились за Екатерину. Жандарм матерился по-черному, обещал всех отправить в тюрьму. Клим охладил его, указал на портрет императора и на фальцете воскликнул:

– Не смейте сквернословить перед ликом государя! Перевел дыхание и добавил: Я донесу о сем в Департамент полиции.

Жандарм увидел на стене портрет Николая II и сразу обмяк. Обильный пот выступил на его покрасневшем лице. Он сменил тон:

– Я ведь за порядок. Чтоб все было по закону. Ладно, оставайтесь, только чтоб без нарушений закона...» [6, с. 86–87].

Автор более ранней биографии К. Е. Ворошилова В. И. Кардашов также связывал брак Ворошилова с пребыванием в Архангельской губернии, однако история с урядником и иные подобные моменты ссылки никак не упоминались [13, с. 82].

Таким образом, яркие эпизоды ссылки из мемуаров К. Е. Ворошилова, в которых нашлось место и для взаимодействия с ритуалами, церемониями и монархическими образами, найдя отражение в научно-популярных изданиях, так и не нашли корректного научного осмысления. Во многом это касается и изучения наследия В. В. Шульгина.

Особенности и перспективы темы. Если переходить к историографическим аспектам о «хрущевской оттепели», которые могут быть важны для изучения контекста проблемы, то

стоит отметить, что историческую память о самодержавии как фактор в развитии русского национализма в СССР рассматривал Н. А. Митрохин¹.

Он отметил интерес со стороны части советской молодежи и среднего поколения периода «оттепели» к обращению к личным свидетельствам старшего поколения о дореволюционной России – как устным, так и письменным, мемуарным (в основном – самиздатовским), некоторые из которых содержали комплиментарные оценки последних Романовых [17, с. 360]. Александр Пыжиков также отметил роль интереса к дореволюционному историко-культурному наследию как к фактору развития неформальных движений националистического и монархического толка в СССР, начиная с середины 1960-х гг. [23, с. 83–93].

Важным аспектам истории повседневности, раскрывающим социокультурную роль старшего поколения в период «оттепели» в осмыслении опыта жизни в дореволюционной России, посвящены исследования А. Р. Клоц и М. В. Ромашовой [34, pp. 573–598]. Состарившееся поколение первых комсомольцев в 1960-е гг. стало одной из движущих сил «архивной революции», именно воспоминания этих людей, в том числе со свидетельствами об образах монархической власти Российской империи, созданные на основе их детских и юношеских впечатлений, становились основой активно пополнявшихся в тот период личных фондов в региональных архивах РСФСР. М. В. Ромашовой особо отмечается, что часть старшего поколения стала проводниками в советскую действительность иных норм и ценностей, в том числе – антиатеистических, религиозных [26, с. 64], то есть пересекавшихся с монархическими.

Ю. В. Аксютин, уделяя пристальное внимание строго политическим аспектам «оттепели», обратился и к социокультурным аспектам инакомыслия в 1950–1960-е гг. Период с конца 1950-х гг. характеризовался Ю. А. Аксютиным как время рождения в стране политической, организованной и нелегальной оппозиции [2, с. 278]. В таком контексте образы имперской эпохи России, транслировавшиеся в период «оттепели», могли стать выглядящими как культурная и политическая альтернатива советским институтам.

Переходя к выводам, можно сказать, что период краха Российской империи и период «оттепели» имеют обширную историографию. Но в вопросе изучения образов дореволюционной России в советской мемуаристике эта тема подробно освещена только в отношении ряда отдельных ярких сюжетов. Один из сюжетов – это история публичной активности В. В. Шульгина с 1950-х гг. Стоит отметить, что вопросы публикации мемуаров в советской периодике рассматривались и с литературоведческой точки зрения [18, с. 174–178], но преимущественно на материале 1920–1940-х гг.

За более чем полвека советская и постсоветская историография, так же как и советская мемуаристика, достаточно часто испытывали проблемы с определением понятия и границ применения терминов, связанных с российским самодержавием, транслируя в разных ситуациях то обращение к личности самого императора, то ко всей административной машине Российской империи.

При анализе образов российского самодержавия в советской мемуаристике периода «оттепели» в контексте их связи с проблемным полем истории России конца XIX – начала XX вв. можно сделать вывод, что изучение следующих проблем может быть перспективным:

- соотношение интереса мемуаристов к фактору «общественных масс» и «роли личности в истории»;
- понятийно-терминологический и символический аппарат, которым оперировали авторы мемуарных произведений при описании института российской монархии, в особенности – границы применения таких понятий, как «царизм» и «самодержавие»;
- контекст развития мемуарного жанра в условиях цензурного контроля со стороны партийных органов и спецслужб;
- роль авторов мемуаристики и профессиональных историков – как ведомой силы в условиях политических трансформаций «оттепели» и раннего «застоя», так и зачинателей новых идеологических тенденций в рамках государственной идеологии СССР и оппозиционных течений;
- авторы мемуарных изданий как представители поколения последних очевидцев событий истории дореволюционной России, и одновременно – первого массового поколения советских пенсионеров;

¹ Митрохин Николай Александрович внесен Министерством юстиции Российской Федерации в перечень лиц, выполняющих функции иностранного агента.

– пересмотр коммеморативных практик в отношении ряда военно-политических событий рубежа XIX и XX вв.

В свою очередь, ключевая проблема, которую только предстоит разработать в отечественной историографии в контексте анализа мемуаров периода «оттепели» как продуктов социокультурного поля исторической памяти, – это эпоха «оттепели» как переходный период в пересмотре наследия поздней Российской империи. В такой постановке вопроса эпохи сталинизма и «застоя» более изучены в отечественной и зарубежной историографии по сравнению с периодом 1953–1970 гг.

Список литературы

1. Аврех А. Я. «Дни» и «годы» В. В. Шульгина // История СССР. 1967. № 1. С. 145–159.
2. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М. : РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 622 с.
3. Акишинский В. С. Климент Ефремович Ворошилов. М. : Политиздат, 1974. 287 с.
4. Астрахан Х. М. Об использовании мемуаров об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде как исторического источника // История СССР. 1984. № 6. С. 80–96.
5. Бабков Д. И. Политическая деятельность и взгляды В. В. Шульгина в 1917–1939 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2008. 24 с.
6. Великанов Н. Т. Ворошилов. М. : Молодая гвардия, 2017. 509, [1] с., [16] л. ил.
7. Владимиров В. П. О воспоминаниях В. В. Шульгина // История СССР. 1966. № 6. С. 65–70.
8. Георгиева Н. П. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 1. С. 126–138.
9. Голикова С. В. Солдатские мемуары: ефрейтор П. Г. Жаков о Первой мировой войне // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 2. С. 131–139.
10. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 314.
11. Ерашов В. П. Шульгин: Документальный роман-размышление. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. 512 с.
12. Жуков Д. А. Таинственные встречи. М. : Патриот, 1992. 299 с.
13. Кардашов В. И. Ворошилов. М. : Молодая гвардия, 1976. 368 с., 17 л. ил.
14. Климент Ефремович Ворошилов: Жизнь и деятельность в фотографиях и документах : альбом / сост. В. С. Акшинский. М. : Плакат, 1978. 103 с.
15. Козлов Д. Наследие оттепели: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х годов // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 187–188.
16. Кормина Ж. «Император осматривал город»: Сюрреалистический социализм и политика памяти // Новое литературное обозрение. 2018. № 4 (152). С. 34–57.
17. Митрохин Н. А.² Русская партия: Движение русских националистов в СССР (1953–1985). М. : Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
18. Михайлова М. А. Мемуарная проза писателей в журнале «Новый мир» 1958–1970 гг. : дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 212 с.
19. Неплюев П. А. «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране» : историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период // Культурный код. 2020. № 3. С. 38–49.
20. Основные итоги изучения истории первой русской революции за последние двадцать лет (редакционная статья) // История СССР. 1975. № 5. С. 59–60.
21. Поляков Ю. А. Апрель шестьдесят седьмого: страсти по Шульгину // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 118–125.
22. Поршнева О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–199.
23. Пыжиков А. В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953–64 гг.). М. : Акад. гуманитар. наук, 1998. 195 с.
24. Репников А. В., Гребёнкин И. Н. Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 25–40.
25. Репников А. В., Христофоров В. С. Василий Витальевич Шульгин // Российская история. 2009. № 5. С. 155–169.
26. Ромашова М. В. «Дефицитная» бабушка: советский дискурс старости и сценарии старения // Новое литературное обозрение (НЛО). 2015. № 133. С. 55–65.
27. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 74. Оп. 1. Д. 211.
28. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 219.
29. Рыбас С. Ю. Василий Шульгин: судьба русского националиста. Серия: Жизнь замечательных людей. М. : Молодая гвардия, 2014. Вып. 1478. 543 с.

² Признан иностранным агентом.

30. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М. : Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.

31. Суржикова Н. В. Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4 (89). С. 25–34.

32. Суржикова Н. В., Лобанов Д. А., Ощепков Л. Г. Первая мировая война в воспоминаниях Василия Журавлева // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург : АСПУр, 2014. С. 279–302.

33. Чупринин С. И. Оттепель как неповиновение. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 224 с.

34. Klots A., Romashova M. Lenin's Cohort: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Summer 2018. Vol. 19. № 3. Pp. 573–598.

Images of Russian monarchy in the memoirs of 1950–1960s: comprehension in Soviet and Post-soviet historiography

Kataev Denis Sergeevich

postgraduate student, Department of History and Archeology, Perm State University. Russia, Perm.
E-mail: kataev-ds@mail.ru

Abstract. In the article are analyzed approaches to understanding the phenomenon of memoirs of the "Khrushchev thaw" and early "Era of Stagnation" in Russian historiography. Authors of which memoirs were eyewitnesses of the socio-political processes in the Russian Empire that took place before 1917. These memoirs are an important set of sources for studying the historical images of the institutions of the Russian Empire in the context of the transformation of the system of socio-cultural institutions of historical memory in the USSR in the period from 1953 to 1970.

Special attention is paid to the consideration of the most studied subjects of this problematic field in Soviet and post-Soviet historiography, related to the memoir legacy of the publicist V. V. Shulgin and the soviet statesman K. E. Voroshilov. The article also examines approaches to studying the "soldier's memoirs" of participants in the First World War.

The article also suggests the most promising research issues for further study related to the study of images of power in the memoir literature of the 1950s – 1960s. Among such issues are: the relationship between the interest of memoirists in the factor of "public masses" and "the role of the individual in history"; the conceptual, terminological and symbolic apparatus that the authors of memoirs used when describing the institution of the Russian monarchy; the context of the memoir genre under censorship control; the role of memoir authors in the development of new ideological trends within the framework of the state ideology of the USSR and opposition movements; authors of memoir publications as representatives of the generation of the last eyewitnesses of the events of the history of pre-revolutionary Russia; the revision of commemorative practices in relation to a number of military and political events at the turn of the 19th and 20th centuries.

The key problem is 1950–1960s as a transitional period in the revision of the legacy of the late Russian Empire.

Keywords: Khrushchev Thaw, social memory, Tsarist autocracy, memoirs, Russian historiography.

References

1. Avrekh A. Ya. "Dni" i "gody" V. V. Shul'gina. ["Days" and "Years" of V. V. Shulgin]. *Istoriya SSSR – History of USSR*. 1967. No. 1. Pp. 145–159.
2. Akshinskij V. S. Kliment Efremovich Voroshilov [Kliment Efremovich Voroshilov]. M., Politizdat, 1974. 287 p.
3. Aksyutin, Yu. V. Khrushchevskaya "ottepel'" i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg. [Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR in 1953–1964] M., ROSSPEN, Eltsin Center, 2010. 622 p.
4. Astrakhan H. M. Ob ispol'zovanii memuarov ob Oktyabr'skom vooruzhennom vosstanii v Petrograde kak istoricheskogo istochnika [On the use of memoirs about the October uprising in Petrograd as a historical source]. *Istoriya SSSR – History of USSR*. 1984. No. 6. Pp. 80–96.
5. Babkov D. I. Politicheskaya deyatel'nost' i vzglyady V. V. Shul'gina v 1917–1939 gg. : diss. ... kand. ist. nauk [Political activities and views of V. V. Shulgin in 1917–1939 : diss. ... of PhD in Historical Sciences]. Bryansk, 2008. 24 p.
6. Velikanov N. T. Voroshilov [Voroshilov]. M., Molodaya gvardiya, 2017. 509 p.
7. Vladimirov V. P. O vospominaniyah V. V. Shul'gina [On memoirs of V. V. Sulgin]. *Istoriya SSSR – History of USSR*. 1966. No. 6. Pp. 65–70
8. Georgieva N. P. Memuary kak fenomen kul'tury i istoricheskij istochnik [Memoirs as a cultural phenomenon and historical source]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*, 2012, No. 1. Pp. 126–138.

9. Golikova S. V. *Soldatskie memuary: efreytor P. G. Zhakov o Pervoy mirovoy voyne* [Soldier's memoirs: Corporal P. G. Znakov about the First World War]. Perm University Herald. History. No. 2 (2015). Pp. 131–139.
10. SARF (State Archive of Russian Federation). F. P-5974. Inv. 1. File 314.
11. Erashov V. P. *Shul'gin: Dokumental'nyy roman-razmyshlenie* [Shulgin: Documentary novel-reflection]. M., TERRA – Knizhnyy klub, 2004. 512 p.
12. Zhukov D. A. *Tainstvennye vstrechi* [Mysterious Meetings]. M., Patriot, 1992. 299 p.
13. Kardashov V. I. *Voroshilov* [Voroshilov]. M., Molodaya gvardiya, 1976. 368 p.
14. Kliment Efremovich Voroshilov: *Zhizn' i deyatel'nost' v fotografiiah. i dokumentah* [Kliment Efremovich Voroshilov: Life and activity in photographs and documents]. Al'bom. Comp. V. S. Akshinskij. M., Plakat, 1978. 103 p.
15. Kozlov D. *Nasledie ottepei: k voprosu ob otnosheniyakh sovetskoy literatury i obshchestva vtoroy poloviny 1960-kh godov* [The Legacy of the Thaw: On the Relationship between Soviet Literature and Society in the Second Half of the 1960s.] // *Novoe literaturnoe obozrenie* (NLO). 2014. No. 125. Pp. 187–188.
16. Kormina Zh. *"Imperator osmatrival gorod": Syurrealisticheskiy sotsializm i politika pamyati* ["The Emperor Surveyed the City": Surrealist Socialism and the Politics of Memory] // *Novoe literaturnoe obozrenie* (NLO). 2018. No. 4 (152). Pp. 34–57.
17. Mitrokhin N. A.³ *Russkaya partiya: Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR (1953–1985)* [Russian Party: Movement of Russian nationalists in the USSR (1953–1985)]. M., *Novoe literaturnoe obozrenie* (NLO), 624 p.
18. Mikhaylova M. A. *Memuarnaya proza pisateley v zhurnale "Novyy mir" 1958–1970 gg. : diss. ... kand. filol. nauk* [Memoir prose of writers in the magazine "Novy Mir" 1958–1970. : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2016. 212 p.
19. Neplyuev P. *"Esli chelovek ravnodushen k pamyatnikam istorii svoey strany, znachit, on ravnodushen k svoey strane": istoriograficheskiy obzor istoriko-kul'turnogo aktivizma v pozdnesovetskiy period* ["If a man is indifferent to the historical monuments of his country, then he is indifferent to his country": historiographic review of historical and cultural activism in late-soviet period]. *Kul'turnyy kod – Cultural code*. 2020. No. 3. Pp. 38–49.
20. *Osnovnye itogi izucheniya istorii pervoy russkoy revolyutsii za poslednie dvadtsat' let (redaktsionnaya stat'ya)* [The main results of the study of the history of the first Russian revolution over the past twenty years]. *Istoriya SSSR – History of USSR*. 1975. No. 5. Pp. 59–60.
21. Polyakov Yu. A. *Aprel' shest'desyat sed'mogo: strasti po Shul'ginu* [April 1967: Passions for Shulgin]. *Voprosy istorii – Questions of history*. 1994. No. 3. Pp. 118–125.
22. Porshneva O. S. *"Nastroenie 1914 goda" v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii* ["The Mood of 1914" in Russia as a phenomenon of history and historiography]. *Rossiyskaya istoriya – Russian history*. 2010. No. 2. Pp. 185–199.
23. Pyzhikov A. V. *Ottepel': ideologicheskie novatsii i proekty (1953–64 gg.)* [The Thaw: Ideological Innovations and Projects (1953–1964)]. M., Akademiya gumanitarnykh nauk, 1998. 195 p.
24. Repnikov A. V., Grebyonkin I. N. *Vasiliy Vital'evich Shul'gin* [Vasily Vitalyevich Shulgin]. *Voprosy istorii – Questions of history*. 2010. No. 4. Pp. 25–40.
25. Repnikov A. V., Khristoforov V. S. *Vasiliy Vital'evich Shul'gin* [Vasily Vitalyevich Shulgin]. *Rossiyskaya istoriya – Russian history*. 2009. No. 5. Pp. 155–169.
26. Romashova M. *"Defitsitnaya" babushka: sovetskiy diskurs starosti i stsenarii stareniya* ["Deficient" grandmother: Soviet discourse of old age and scenarios of aging]. *Novoe literaturnoe obozrenie* (NLO). 2015. No. 133. Pp. 55–65.
27. RSASPH (Russian State Archive of Socio-Political History). F. 74. Inv. 1. File. 211.
28. RSASPH. F. 74. Inv. 1. File. 219.
29. Rybas S. Yu. *Vasiliy Shul'gin: sud'ba russkogo natsionalista* [Vasily Shulgin: the fate of a Russian nationalist]. M., Molodaya gvardiya, 2014. 543 p.
30. Sidorova L. A. *Ottepel' v istoricheskoy nauke. Sovetskaya istoriografiya pervogo poslestalinskogo desyatiletiya* [The Thaw in Historical Science. Soviet Historiography of the First Post-Stalin Decade]. M., Pamyatniki istoricheskoy mysli. 1997. 288 p.
31. Surzhikova N. V. *Rossiya 1917 goda v otechestvennykh i zarubezhnykh ego-dokumentakh* [History of the Urals in ego-documents (XVIII – mid-XX centuries): to the characteristics of a promising study] // *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2017. No. 4 (89). Pp. 25–34.
32. Surzhikova N. V., Lobanov D. A., Oshchepkov L. G. *Pervaya mirovaya vojna v vospominaniyakh Vasiliya Zhuravleva* [The First World War in the Memories of Vasily Zhuravlev] // *Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki*. Ekaterinburg, AsPUr, 2014. Pp. 279–302.
33. Chuprinin S. I. *Ottepel'. Deystviyushchie litsa* [The Thaw. Actors]. M., *Novoe literaturnoe obozrenie* (NLO), 2023. 1112 p.
34. Klots A., Romashova M. *Lenin's Cohort: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 19, No. 3. Pp. 573–598.

Поступила в редакцию: 21.04.2025

Принята к публикации: 05.05.2025

³ Recognized as a foreign agent.

Комплекс находок Нового времени городища Уфа-II*

Сафуанов Фанис Фларисович¹, Камалеев Эльвир Винерович²,
Проценко Антон Сергеевич³

¹научный сотрудник отдела археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа». Россия, г. Уфа. ORCID: 0000-0001-5554-2905. E-mail: safuanov30@mail.ru

²кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. Россия, г. Уфа. ORCID: 0000-0002-3143-5037. E-mail: kamaleev-ivir@mail.ru

³кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа». Россия, г. Уфа. ORCID: 0000-0002-5152-8564. E-mail: anton.procenko@mail.ru

Аннотация. В работе вводятся в научный оборот материалы археологических раскопок 2023 г. городища Уфа-II, относящиеся к периоду Нового времени. Памятник, расположенный в центре столицы Республики Башкортостан, на данный момент является наиболее изученным многослойным археологическим объектом Южного Урала, содержащий артефакты от периода раннего средневековья и вплоть до этнографической современности.

В раскопе площадью 77 кв. м на юго-западной оконечности памятника было выявлено 1353 артефакта, из которых 566 фрагментов гончарной посуды и 24 индивидуальных предмета Нового времени. Интересной находкой является ручка костяной зубной щетки, датируемой XIX – нач. XX вв. Важными датированными находками являются монеты советского и дореволюционного периода, упряжной бубенчик, стеклянные чернильницы, бутылки и флаконы с клеймами.

В данной статье впервые с начала широкомасштабных раскопок на памятнике в 2006 г. дается анализ и классификация керамического материала XVIII – нач. XX вв., а также описание индивидуальных находок, полученных в ходе раскопок 2023 г. Отдельно была рассмотрена посуда восстановительного и окислительного обжига, что связано с одновременными этапами их существования и развития гончарного ремесла в г. Уфа. Исследованные фрагменты гончарной посуды относятся к таким характерным для XVIII – нач. XX вв. типам, как латки (посуда в форме миски с более высокими стенками), миски, кринки, горшки с крышками, крупные корчаги, кувшины, с характерным носиком-сливом или с сохранившейся ручкой, а также уплощенные тарелки. Все же количественно преобладают горшки и их более крупный вариант – корчаги, а также кринки.

Ключевые слова: культурный слой, г. Уфа, гончарная посуда, индивидуальные находки, Южный Урал.

Территория Уфимского полуострова и ближайшей округи являлась привлекательным местом для обитания древних племен Южного Приуралья. В настоящий момент известно более сотни археологических памятников разных эпох на данной территории. Наиболее изученным археологическим объектом является – городище Уфа-II, расположенное в историческом центре г. Уфы на мысу, образованном двумя глубокими оврагами, по дну которых протекали ручьи, впадающие в р. Белую. Исследованиями 2006–2017, 2021–2023 гг. изучено более 3000 кв. м культурного слоя цитадели городища, также небольшие разведочные работы проводились на территории посада [15, с. 100]. Время функционирования памятника определяется IV/V–XIV вв. [19, с. 165], однако наибольшего расцвета городище достигло в V–VIII вв. [22, с. 135].

В настоящей статье представлено описание материалов Нового времени, полученных в ходе археологических исследований городища Уфа-II, проведенных в 2023 г. (рук. Ф. Ф. Сафуанов).

© Сафуанов Фанис Фларисович, Камалеев Эльвир Винерович, Проценко Антон Сергеевич, 2025

*Работа подготовлена в рамках государственного задания по теме «Археология поселений Южного Урала. Структура расселения и организация жизненного пространства в условиях природной и культурной трансформации», № 1022040500498-5-6.1.2. FMRS-2025-0051.

Необходимо отметить, что начиная с первых вводных публикаций, изданных по материалам раскопок [8; 9; 10 и др.], по настоящее время, поздние материалы городища практически не рассматривались. Объектом внимания материалы Нового времени, на современном этапе изучения городища Уфа-II, являлись лишь в единичных исследованиях [24, с. 107]. Это объясняется тем, что фокус внимания исследователей был сосредоточен на раннесредневековых материалах памятника [прим.: 18]. В некоторых работах отмечалось наличие поздних материалов, к примеру, в материалах раскопок 2012 г. указывается, что «на верхних горизонтах выявлен сосуд нового времени (рис. 329)» [20, с. 98], однако являлся ли данный сосуд единственной находкой данного времени, не ясно. Количественные показатели керамики этнографического времени были отмечены только авторами коллективной монографии, вышедшей по результатам работ 2017 г. [2, с. 85], в последующем анализ данной группы керамики проведен авторами настоящей статьи [16, с. 497]. Таким образом, актуальность рассмотрения материалов Нового времени городища Уфа-II обусловлена необходимостью изучения некоторых аспектов материальной культуры и быта населения этого региона в указанный период.

Раскоп 2023 г. был заложен в юго-западной части памятника (площадь составила 77 кв. м) и являлся продолжением археологических исследований, начатых в 2022 г. Данный участок значительно удален от основной исследованной части (2006–2017, 2021 гг.) строительным котлованом, на котором в начале 2000-х гг. был уничтожен культурный слой памятника (свыше 2000 кв. м). Таким образом, в юго-западной части городища Уфа-II (вдоль ул. Воровского, длиной 50 м и шириной 4–9 м) на сегодняшний день осталась незначительная часть культурного слоя, которую удалось спасти от разрушения в ходе раскопок 2022–2023 гг.

Всего из раскопа происходит 1353 ед. находок. Основная масса – фрагменты лепной и гончарной керамики и остеологического материала (2532 ед.). Коллекция индивидуальных находок из раскопа (38 ед.), обнаруженных в результате исследования городища Уфа-II в 2023 г., представлена изделиями из глины, кости, металла, стекла. Из них к периоду Нового времени относятся 24 ед.

Изделия из металла (14 ед.). Два кованых гвоздя четырехгранные с круглой шляпкой (15,0×3,5 см, 23,1×3,5 см) происходят из гор. 1 кв. Б3 и гор. 2 кв. Б5 (рис. 1: 14, 15).

Нумизматическая коллекция (6 ед.) представлена пятью монетами (рис. 1: 4–8) советского периода первой пол. XX в. (1 коп. 1936 г., 20 коп. 1943 г., 10 коп. 1945 г., 5 и 15 коп. 1946 г.), найденными в гор. 1, 3–5 кв. Б3, Б4, Б5, и единственной монетой XIX в. – ½ копейки с серебром. 1840 г. (рис. 1: 3), в гор. 5 кв. А1.

Среди находок Нового времени выделяется фрагмент упряжного бубенца с отверстиями и надписью вокруг ушка «Товарищество И. М. Трошина и А. И. Бадянова в Нижегородской губернии с. Пурех» (рис. 1: 9). Центром промысла по изготовлению металлических бубенцов и колокольчиков в сер. XIX в. являлось село Пурех Балахнинского уезда Нижегородской губернии. Пурехские бубенцы изготавливались методом литья из бронзы и железа, они отличались высоким качеством исполнения и мелодичным звучанием, что принесло им всероссийскую известность. Данное изделие происходит из мастерских Товарищества И. М. Трошина и А. И. Бадянова. Совместное производство Ивана Михайловича Трошина и Андрея Ивановича Бадянова шло с 1903 по 1916 гг. [17, с. 64]. Также к элементу конской сбруи относится найденная в осыпи кв. Б4 круглая бляха (d=2,5 см) (рис. 1: 1).

Предметы украшения XX в. представлены орнаментированной крышкой от украшения из гор. 2 кв. Б3 (рис. 1: 10) и двумя женскими кольцами, диаметром каждая по 2 см: первое кольцо украшено розовой вставкой из стекла, обнаружено в осыпи кв. Б4 (рис. 1: 11); второе с лепестком из гор. 1 кв. Б3 (рис. 1: 12).

В гор. 3 кв. Б3 была обнаружена мундирная пуговица (d=2,1 см) губернских чиновников Российской империи (рис. 1: 2). Пуговица с изображением герба Уфимской губернии, увенчанного императорской короной, и надписью «Уфимской» внизу, на стилизованной ленте. Датируется периодом существования Уфимской губернии 1865–1917 гг. [7, с. 158–161, 174].

Рис. 1. Индивидуальные находки Нового времени городища Уфа-II. 1, 2 – пуговицы; 3–8 – монеты; 9 – фрагмент упряжного бубенца; 10 – крышка от украшения; 11, 12 – кольца; 13, 14 – кованые гвозди

Изделия из стекла (9 ед.). Три клейма от бутылки из гор. 5 кв. А1 (рис. 2: 1–3): «ТЗГЕЖУК 1/100». 1853 г. (2,3×2,2 см); «ТЗГЕЖУК 1/20». 1853 г. (4,5×2,6 см); «ТЗГЕЖУК 1/100». 1853 г. (2,9×2,6×0,7 см). Четвертое клеймо было обнаружено в гор. 3 кв. Б4, надпись не читается (рис. 2: 4). Клейма «ТЗГЕЖУК»/«Т.З.Г.М.Ж.» расшифровываются как Тюинский завод генерала (генерал-майора) Григория Васильевича Жуковского. Меры 1/100 и 1/20 указывают меру объема – ведро (казенное ведро), 1 ведро = 12,3 л. Первый раз завод упоминается в Военно-статическом обозрении Российской империи 1852 г., где указано, что стекольный завод имеется в Красноуфимском уезде, в деревне Тайно-Озерской, принадлежит генерал-майору Жуковскому и выделяет стекло для сбыта в Оренбургскую и Пермскую губернии [14]. В последний раз данный завод упоминается в Указателе фабрик и заводов Европейской России [13].

Две чернильницы с туловами прямоугольной формы происходят из гор. 5 кв. Б4, датируются первой половиной XX в. (рис. 2: 6, 7).

XIX – нач. XX вв. датируется коллекция аптекарских флаконов: один из гор. 2 кв. Б3 цилиндрической формы, коричневого цвета и два флакона из прозрачного стекла из гор. 2 кв. Б4 (рис. 2: 5, 8, 9). Коллекцию аптекарских флаконов XIX – нач. XX вв. исследователи связывают с врачами города Уфы, которые проживали и работали на улице Пушкинской [23, с. 11].

Изделие из кости (1 ед.). Фрагмент костяной ручки (от зубной щетки) (6,8×1,0×0,4 см). Обнаружен в гор. 2 кв. Б4 (рис. 2: 10), поверхность хорошо зашлифована. Данная категория находок датируется кон. XIX – нач. XX вв. и представлена на многочисленных памятниках Нового времени [11, с. 524, рис. 3: 4].

Рис. 2. Находки Нового времени городища Уфа-II из раскопок 2023 г. 1–4 – клейма от бутылок; 5, 8, 9 – флаконы аптекарские; 6, 7 – чернильницы; 10 – костяная ручка

Керамический материал (566 ед.). Основные находки Нового времени, представленные стенками гончарных сосудов, выявлены в двух полных квадратах (Б3 и Б4) и в трех неполных квадратах (А1, А3 и Б5) с локальными участками сохранившегося культурного слоя. В кв. Б3 и Б4 был обнаружен хозяйственно-бытовой объект с фрагментами гончарной посуды. Часть коллекции была собрана в качестве подъемного материала в осыпи кв. Б4 и А3.

Всего в раскопе было выявлено около 566 фрагм. гончарных сосудов. Из них 107 стенок восстановительного с черным или серым цветом черепка и 459 стенок окислительного обжига с красным цветом черепка.

Значительное преобладание стенок окислительного обжига, очевидно, связано с поздним периодом бытования населения, начиная с XVIII в., на участке исследования культурного слоя г. Уфы. В гор. 1 было выявлено 112 фрагм. стенок гончарных сосудов. В гор. 2 обнаружено 147 фрагм. В 3 горизонте – 98 фрагм., в гор. 4 было выявлено 98 стенок сосудов. В 5 пласте найден 61 фрагм. стенок, в гор. 6 – 23 стенки керамики Нового времени.

Таблица 1

Количественное распределение фрагментов гончарной посуды окислительного и восстановительного обжига в раскопе по пластам

Пласт Квадрат	1 окисл./ восст.	2 окисл./ восст.	3 окисл./ восст.	4 окисл./ восст.	5 окисл./ восст.	6 окисл./ восст.	окисл./ восст.	Итого
А1	7/1	6/1	6/1	11/6	21/2	2/3	–	54/16
А3	10/5	8/3	4/2	0/6	–	–	–	25/14
Б3	38/9	40/11	10/14	11/4	–	–	–	81/38
Б4	30/3	51/11	39/1	32/4	24/5	17/1	–	172/23
Б5	8/2	15/1	20/1	23/1	7/2	–	–	73/7
Объект в кв. Б3	–	–	–	–	–	–	3/0	3/0
Объект в кв. Б4	–	–	–	–	–	–	2/1	2/1
Осыпь кв. А3	–	–	–	–	–	–	4/3	4/3
Осыпь кв. Б4	–	–	–	–	–	–	10/4	10/4
Всего	93/19	120/27	79/19	77/21	52/9	19/4	19/8	459/107

Наиболее насыщенные находками квадраты находятся в центральной части раскопа, это кв. Б4 и Б3, где найдено 195 и 119 фрагм. стенок сосудов соответственно. В остальных неполных квадратах А1, А3 и Б5 найдено 70, 39 и 80 фрагм. гончарных сосудов соответственно. В заполнении объекта в кв. Б3 и Б4, который, вероятно, является столбовой ямой, были найдены 6 стенок гончарных сосудов. Небольшое количество гончарных стенок, а именно 21 фрагм., было найдено в осыпи раскопа.

Определить закономерности распространения находок на данном участке не представляется возможным в связи с очевидной переотложенностью культурного слоя. Однако преобладание гончарной посуды в верхних пластах, в том числе окислительного обжига, является вполне объяснимым фактом и коррелирует с материалами других населенных пунктов XVIII–XIX вв.

Характеристика керамического комплекса. Половину всего комплекса керамических артефактов составляют стенки гончарных сосудов. Также было выявлено 189 венчиков и 73 днища гончарных сосудов. Количественное распределение функциональных частей сосудов по пластам представлено в таблице 2.

Таблица 2

Количественное соотношение частей гончарной посуды на площади раскопа

Пласт Часть сосуда	1 окисл./ восст.	2 окисл./ восст.	3 окисл./ восст.	4 окисл./ восст.	5 окисл./ восст.	6 окисл./ восст.	Объекты и осыпь окисл./ восст.	Итого
венчик	44/4	31/6	21/9	28/7	14/4	5/2	11/3	154/35
стенка	36/12	77/20	43/7	33/8	31/4	11/1	7/4	238/56
днище	7/3	12/1	15/2	14/5	7/1	3/1	1/1	59/14
носик	1/–	–	–	–	–	–	–	1/–
крышка	3/–	–	–/1	1/1	–	–	–	4/2
ручка	2/–	–	–	1/–	–	–	–	3/–
Всего	93/29	120/27	79/19	77/21	52/9	19/4	19/8	459/107

Стенки окислительного обжига имеют среднюю толщину 0,6–0,7 см. В качестве дополнительной обработки гончарная посуда имеет красную поливу на внутренней стенке (158 шт.), а также зеленую (10 шт.) и желтую поливу (6 шт.). Не более 20 стенок имеют следы глазури на внешней стенке, которые зачастую имеют подглазурную роспись ангоба в виде горизонтальных полос (12 фрагм.) и реже волны (2 фрагм.), а также их чередование. Значительная доля такой посуды была выявлена в культурном слое крупнейшего на северо-западе Башкирии купеческого села – Николо-Березовка [3, с. 51], а также на территории Бирской крепости [16, с. 500]. Около 20 стенок не имеют какой-либо дополнительной обработки. В формовочной массе стенок окислительного обжига заметна незначительная примесь мелкого песка в тесте.

К реконструируемым формам посуды окислительного обжига по фрагментам венчиков относятся кринки/крынки (50 фрагм.), горшки (47 фрагм.), а также миски/тарелки (24 фрагм.),

латки (11 фрагм.) и корчаги (8 фрагм.). К конструктивным частям гончарной посуды относятся выявленные в раскопе крышки (4 фрагм.), ручки (3 фрагм.) и носик-слив (1 фрагм.).

Фрагменты кринок (50 фрагм.) встречаются во всех горизонтах раскопа. Имеют диаметр горла от 11 до 22 см при среднем размере 14–15 см. Встречены также фрагменты с диаметром горла 20–22 см, которые, на наш взгляд, относятся к низким кринкам с широким горлом. Половина венчиков кринок имеет простой округлый край, 11 фрагментов имеет край в виде валика (рис. 3, 2). Менее распространенные формы – это приостренный, прямой и кососрезанный края венчиков кринок.

Только 18 фрагментов кринок имеют поливу на внутренней или внешней стенке. В основном использовали красную поливу, а также менее распространенную желтую и зеленую поливы. В качестве орнамента использовали подглазурную роспись ангобом в виде полного покрытия сосуда либо горизонтальных полос, в том числе с прочерченными полосами или волной по ангобу.

По количеству выявленных венчиков горшков (47 фрагм.) – это наиболее популярная и традиционная форма гончарной посуды. Выделяются два типа горшков с вертикальным (33 фрагм.), либо отогнутым наружу (10 фрагм.) венчиком с простым округлым краем (рис. 3, 5). Аналогичный тип горшков является преобладающим на более исследованных памятниках Нового времени в Башкирии [4, с. 163; 12, табл. 4, с. 248]. Диаметр венчиков сосудов может варьироваться от 12 до 21 см, при среднем размере 16–17 см. В большинстве случаев горшки имеют сохранившуюся поливу красного, зеленого цвета на внутренней стенке сосуда (32 экз.) и только на трех фрагментах сохранилась полива на внешней стенке, что связано с термической обработкой горшков. Всего три венчика имеют дополнительную орнаментацию в виде горизонтальных полос ангоба, причем данная посуда сконцентрирована только в первом горизонте раскопа. Сосуды с подглазурным орнаментом в виде волны либо горизонтальной полосы ангоба являются своеобразным маркером керамики XVIII–XIX вв. на севере и северо-западе Башкирии [1, с. 220; 6, с. 27].

Для употребления пищи использовали уплощенную гончарную посуду – миски/тарелки (рис. 3: 3, 4). В раскопе было выявлено 24 окислительных венчика с прямыми либо округлыми стенками и плоским дном. Средний диаметр данного типа посуды составляет около 20 см, хотя встречаются единичные экземпляры диаметром от 15 до 27 см. Край посуды также имеет простой округлый край. Единичными экземплярами представлены миски с прямым и приостренным краем, а также с валиком на краю.

Практически все экземпляры имеют дополнительное покрытие в виде глазури. Причем данный тип посуды имеет глазурь и дополнительную орнаментацию как на внешней, так и на внутренней стенке. В качестве дополнительной обработки отметим ангобирование стенок полосами, а также прочерченные горизонтальные полосы и волну.

Менее распространенными в быту были крупные формы сосудов для хранения продуктов – это латки (11 фрагм.) и корчаги (8 фрагм.). Латки или квашенки из раскопа имели диаметр от 17 до 23 см и практически всегда покрывались красной либо желто-зеленой глазурью. Как и другая гончарная посуда, имели простой округлый край (рис. 3: 1). Четыре венчика покрыты сплошным ангобом для усиления стенок.

Крупные корчаги имеют диаметр по краю от 20 до 23 см. Венчик, как и у горшков, оформлен в виде загнутого наружу округлого края. Дополнительных способов обработки на имеющихся фрагментах венчика выявлено не было.

Восстановительные стенки в количестве 56 фрагм. имеют видимую примесь песка в тесте при средней толщине черепка 0,6–0,7 см. На 17 стенках присутствует поверхностное лощение с характерным серебристым блеском, полученным в результате лощения, возможно, серебряным предметом (рис. 3: 7).

Характерными типами гончарной посуды восстановительного обжига являются горшки (20 фрагм.), миски (6 фрагм.), кринки (5 фрагм.) и корчаги (1 фрагм.), а также крышки (2 фрагм.). Та же посуда восстановительного обжига XVIII–XIX вв. была выявлена на близлежащем памятнике городища Уфа-III [5, с. 39, 40]. Посуда восстановительного обжига, как это было указано ранее, имеет видимую примесь песка в тесте. В отличие от стенок окислительного обжига восстановительная посуда имеет унифицированную форму венчика, где у горшков вертикальный либо отогнутый наружу венчик с округлым краем диаметром от 12 до 19 см (рис. 3: 6–10).

Миски имеют округлые либо прямые стенки с простым округлым краем диаметром от 12 до 28 см (рис. 3: 11). Единичные фрагменты мисок и горшков имеют поливу на стенках. Отдельные фрагменты имеют поверхностное лощение с серебристым блеском черепка. Корчага также имеет отогнутый наружу округлый край диаметром 19 см.

Такое разделение глиняной посуды на окислительную и восстановительную связано с развитием гончарства на территории Башкирии. Керамика восстановительного обжига была единственной посудой вплоть до XVIII в. Наличие видимых примесей песка в тесте является показателем ранней керамики. В дальнейшем оба типа посуды сосуществуют в культурном слое русских поселений. Однако во второй половине XIX в. окислительная керамика, в основном, преобладает на поселениях. Появляются новые типы гончарной посуды и меняются варианты существующих типов. Данная эволюция гончарства должна была отразиться в непо потревоженном культурном слое, который отсутствует на участке проведения раскопа в 2023 г.

Отдельно необходимо представить единичные фрагменты белоглиняной посуды, которая встречается на площади раскопа вплоть до 4 горизонта. Это восемь стенок сосудов, покрытых в основном зеленой, а также желтой и красной глазурью. К реконструируемым формам относятся 2 миски и чашка с белой поливой, а также 5 горшков с зеленой поливой. Данная посуда, в отличие от красноглиняной, была изготовлена на унифицированном фабричном производстве в XX в., поэтому не является предметом пристального изучения.

Таким образом, исследованные фрагменты гончарной посуды относятся к таким характерным для XVIII – нач. XX вв. типам гончарной посуды, как латки (посуда в форме миски с более высокими стенками), миски, кринки, горшки с крышками, крупные корчаги, кувшины, с характерным носиком-сливом или с сохранившейся ручкой, а также уплощенные тарелки. Однако по количеству найденных фрагментов преобладают горшки и их более крупный вариант – корчаги, а также кринки.

Из технологических особенностей стенок восстановительного обжига можно выделить наличие сплошного лощения либо отдельных горизонтальных и вертикальных полос серебристого цвета, выполненных с помощью серебристой ложки или иного серебряного предмета. Данная особенность поверхностного декорирования гончарной посуды ранее не была замечена на других поселениях Нового времени на территории Башкирии. Вся посуда восстановительного обжига изготовлена из запесоченной глины.

Керамика окислительного обжига традиционно имеет поливу красного, коричневого, зеленого и желтого оттенка на внутренней стенке. Реже полива сохраняется на внешней стенке, которая в процессе приготовления пищи выгорает и сохраняется частично. Распространенным элементом декорирования гончарной посуды является ангоб в виде отдельных горизонтальных полос, либо волны, либо их чередование, перекрытое поливой.

В целом гончарная посуда города Уфы аналогична по форме сосудам других русских населенных пунктов Башкирии, а также сопредельных территорий Южного Урала в целом [21, с. 92, 93]. В то же время необходимо выделить особенность локальной посуды восстановительного обжига XVIII–XIX вв., связанную с поверхностным лощением и приданием ей серебристого блеска.

Таким образом, материалы и сведения, выявленные в ходе археологических исследований территории городища Уфа-II в 2023 г., позволяют реконструировать отдельные аспекты хозяйственно-бытовой деятельности населения г. Уфы XVIII – первой пол. XX вв. Даже несмотря на значительную поврежденность культурного слоя, были выявлены данные о торговле и локальном ремесленном производстве, кухонной посуде и предметах бытового назначения. В этой связи задача сохранения и дальнейшего археологического изучения культурного слоя г. Уфы должна быть приоритетным направлением с целью развития историко-культурного и туристического потенциала региона.

Рис. 3. Гончарная посуда городища Уфа-II из раскопок 2023 г. Реконструируемые формы сосудов окислительного обжига: 1 – латка; 2 – кринка; 3 – тарелка; 4 – миска; 5 – горшок. Фрагменты посуды восстановительного обжига: 6–10 – венчики горшков; 11 – венчик миски

Список литературы

1. Ахатов А. Т., Камалеев Э. В., Садилов Р. Р. Археолого-этнографическое исследование удмуртской деревни Асавтамак XVIII – начала XIX вв. (Бураевский район Республики Башкортостан) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 3 (65). С. 212–228.
2. Белявская О. С., Проценко А. С., Курманов Р. Г. Городище Уфа-II : мат-лы раскопок 2017 года. Уфа : Первая типография, 2022. 293 с.
3. Камалеев Э. В., Ахатов А. Т. Историко-археологическая характеристика культурного слоя с. Николо-Березовка XVI–XX вв. // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность : мат-лы IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2015. С. 45–52.
4. Камалеев Э. В. Археологический комплекс «Ельдякская крепость» первой половины XVIII – нач. XX вв. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 160–169.
5. Камалеев Э. В., Колонских А. Г., Антонов И. В. Керамика Нового времени городища Уфа-III (по материалам раскопок М. Х. Садыковой 1969 г.) // Манускрипт. Тамбов : Грамота, 2018. № 12 (98). Ч. 1. С. 37–41.
6. Камалеев Э. В. Культурный слой конца XVI–XVII в. села Никольское (ныне село Николо-Березовка Краснокамского района Башкортостана) // Проблемы востоковедения. 2017. № 2 (76). С. 25–30.
7. Кузин Б. Г., Федорчук А. А. Мундирные пуговицы Российской империи : каталог-справочник. Евпатория : Крымский Афон, 2008. 256 с.
8. Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А. Городище Уфа-II : мат-лы раскопок 2006 года / В. А. Иванов, Т. Р. Саттаров, А. Н. Султанова, Е. В. Иванова. Т. I. Уфа : ГУП «ГРИ «Башкортостан», 2007. 160 с.

9. Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А. Городище Уфа-II : мат-лы раскопок 2007 года / Т. Р. Саттаров, А. Н. Султанова. Т. II. Уфа : ГУП «ГРИ «Башкортостан», 2009. 224 с.
10. Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А. Городище Уфа-II : мат-лы раскопок 2008 года / А. Н. Султанова, Р. Б. Исмагилов, И. Р. Бахшиева. Т. III. Уфа : ГУП РБ УПК, 2009. 368 с.
11. Новиков И. К., Маслюженко Д. Н. «Культурный слой города Кургана»: выявление, изучение, итоги, проблемы и перспективы // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 3. С. 517–534. DOI: 10.31833/uav/2024.24.3.034.
12. Обыденнова Г. Т., Овсянников В. В. История археологического изучения крепостных сооружений Башкирского Приуралья / Е. В. Бубнель, А. С. Проценко, И. М. Бабин // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 278–295.
13. Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России : мат-лы для фабрично-заводск. Статистики / сост. по офиц. сведениям Деп. торговли и мануфактур П. А. Орлов и С. Г. Будагов, стр. 1–334. Изд. 3-е, испр. и значит. доп. Санкт-Петербург : тип. В. Киршбаума, 1894. XVI, 827 с.
14. Пермская губерния. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 14. Ч. 1. 1852.
15. Проценко А. С., Сафуанов Ф. Ф. К вопросу о посадке городища Уфа-II: к 70-летию научного изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23. № 3. С. 98–110. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-3-98-110.
16. Проценко А. С., Камалеев Э. В., Грабарь П. Ю. Исследования культурного слоя городов Уфа и Бирск (на примере работы археологической экспедиции музея-заповедника «Древняя Уфа») // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 3. С. 495–503. DOI: 10.31833/uav/2024.24.3.031.
17. Пудов Г. А. О касимовских и нижегородских поддужных колокольчиках в собрании отдела народного искусства Русского музея (XIX – начало XX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 59–66.
18. Русланов Е. В., Шамсутдинов М. Р., Романов А. А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II : мат-лы археологических раскопок 2015 года. Уфа : Древняя Уфа, 2016. 276 с.
19. Русланова Р. Р., Русланов Е. В., Белявская (Крапачева) О. С. Металлические изделия и относительная хронология средневекового городища Уфа-II в лесостепном Приуралье // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 159–170.
20. Русланова Р. Р., Русланов Е. В. Городище Уфа-II : мат-лы раскопок 2012 года / М. Р. Шамсутдинов, А. С. Проценко. Т. V. Ч. II. Уфа : Башк. энцикл., 2020. 432 с.
21. Самигулов Г. Х. Глиняная посуда XVIII – начала XIX веков из слоя Челябинска // Известия Челябинского научного центра. 2003. Вып. 3 (20). С. 90–95.
22. Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н. К проблеме городов Южного Урала эпохи Средневековья / А. К. Бахшиева, В. И. Мухаметдинов, Р. Р. Русланова, Е. В. Русланов. Уфа : Самрау, 2018. 335 с.
23. Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. Уфа II – средневековое городище на Южном Урале : мат-лы раскопок 2013 года / Т. А. Леонова, М. Р. Шамсутдинов, Е. В. Русланов. Уфа : Инеш, 2013. 192 с.
24. Щербаков Н. Б., Шутелева И. А., Леонова Т. А. Реликты городского язычества XIX – начала XX века по результатам археологических исследований Уфы // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России : в 2 т. Т. 2 / ред. Л. В. Татаурова. Омск ; Сургут : Институт археологии Севера, 2021. С. 106–108.

Complex of findings from the modern period from the settlement of Ufa-II

Safuanov Fanis Flarisovich¹, Kamaleev Elvir Vinerovich²,
Protsenko Anton Sergeevich³

¹researcher, Department of Archaeology, Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa".
Russia, Ufa. ORCID: 0000-0001-5554-2905. E-mail: safuanov30@mail.ru

²PhD of Historical Sciences, senior researcher, Institute of Ethnological Research n. a. R. G. Kuzeev – a separate
structural subdivision, Federal State Budgetary Scientific Institution Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Ufa. ORCID: 0000-0002-3143-5037. E-mail: kamaleev-ivir@mail.ru

³PhD of Historical Sciences, head of the archeology department, Republican Historical and Cultural
Museum-Reserve "Ancient Ufa". Russia, Ufa. ORCID: 0000-0002-5152-8564. E-mail: anton.procenko@mail.ru

Abstract. The paper introduces into scientific circulation the materials of archaeological excavations of 2023 from the Ufa-II settlement, related to the New Age. The monument, located in the center of the capital of the Republic of Bashkortostan, is currently the most studied multi-layered archaeological site of the Southern Urals, containing artifacts from the early Middle Ages to the ethnographic present.

In the 77 sq.m. excavation at the southwestern end of the site, 1,353 artifacts were discovered, including 566 fragments of pottery and 25 individual items from the New Age. An interesting finding is the handle of a wooden

toothbrush dating from the 19th – early 20th centuries. Important dating findings include coins from the Soviet and pre-revolutionary periods, a pectoral cross, a harness bell, glass inkwells, bottles and flasks with stamps.

In this article, for the first time since the beginning of large-scale excavations at the site in 2006, an analysis and classification of ceramic material from the 18th – early 20th centuries is given, as well as a description of individual findings obtained during the excavations in 2023. The pottery of reducing and oxidizing firing was considered separately, which is associated with different stages of their existence and the development of pottery in Ufa. The studied fragments of pottery belong to such types typical of the 18th – early 20th centuries as latki (pottery in the form of a bowl with higher walls), bowls, jugs, pots with lids, large earthenware pots, jugs with a characteristic spout or with a preserved handle, as well as flattened plates. However, pots and their larger version – earthenware pots, as well as jugs – predominate quantitatively.

Keywords: cultural layer, Ufa city, pottery, individual finds, Southern Urals.

References

1. Akhatov A. T., Kamaleev E. V., Sadikov R. R. *Arheologo-etnograficheskoe issledovanie udmurtskoj derevni Asavtamak XVIII – nachala XIX vv. (Buraevskij rajon Respubliki Bashkortostan)* [Archaeological and Ethnographic research of the udmurt village asavtamak of the 18th – the beginning of the 19th century (Burayevsky district of the Bashkortostan Republic)] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury* – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. 2019. No. 3 (65). Pp. 212–228.
2. Belyavskaya O. S., Protsenko A. S., Kurmanov R. G. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2017 goda* [Ufa-II hillfort. Materials of 2017 excavation]. Ufa, Pervaya tipografiya, 2022. 293 p.
3. Kamaleev E. V., Akhatov A. T. *Istoriko-arkheologicheskaja kharakteristika kulturnogo sloja s. Nikolo-Berezovka XVI–XX vv.* [Historical and Archaeological Characteristics of the Cultural Layer of the Nikolo-Berezovka Village of the 16th–20th centuries] // *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzhia: istoriia i sovremennost* – Ethnos and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity. Ufa, IEI UNTc RAN. 2015. Pp. 33–37.
4. Kamaleev E. V. *Arheologicheskij kompleks "Eldyaksкая krepost" pervoj poloviny XVIII – nach. XX vv.* [The "Eldyatskaya fortress" Archaeological complex of the first half of the XVIII – early XX centuries] // *Magistra Vitae : elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* – Magistra Vitae : electronic journal of Historical Sciences and Archeology. 2018. No. 1. Pp. 160–168.
5. Kamaleev E. V., Kolonsky A. G., Antonov I. V. *Keramika Novogo vremeni gorodishcha Ufa-III (po materialam raskopok M.H. Sadykovej 1969 g.)* [New age pottery of the Ufa-III hillfort (on materials of excavations by M. Sadykova 1969)] // Manuscript. Tambov, Gramota. 2018. No. 12 (98). Part 1. S. 37–41.
6. Kamaleev E. V. *Kulturnyi sloj kontca XVI–XVII v. sela Nikolskoe (nyne selo Nikolo-Berezovka Krasnokamskogo raiona Bashkortostana)* [The Cultural Layer of the End of the 16th – 17th Century of the Nikolskoe village (now the village of Nikolo-Beryozovka, Krasnokamsky Sistrict of Bashkortostan)] // *Problemy vostokovedeniia* – Problems of Oriental Studies. 2017. No 2 (76). Pp. 25–30.
7. Kuzin B. G., Fedorchuk A. A. *Mundirnye pugovicy Rossijskoj imperii. Katalog-spravochnik* [Uniform buttons of the Russian Empire Catalog-reference book]. Yevpatoria, Crimean Athos, 2008. 256 p.
8. Mazhitov N. A., Sungatov F. A. *Gorodische Ufa-II. Materialy raskopok 2006 goda* [The hillfort Ufa-II. Materials of excavations of the year 2006] / V. A. Ivanov, T. R. Sattarov, A. N. Sultanova, E. V. Ivanova. Vol. 1. Ufa, GUP "GRI 'Bashkortostan'", 2007. 160 p.
9. Mazhitov N. A., Sungatov F. A. *Gorodische Ufa-II. Materialy raskopok 2007 goda* [The hillfort Ufa-II. Materials of excavations of the year 2007] / T. R. Sattarov, A. N. Sultanova. Vol. 1. Ufa, GUP "GRI 'Bashkortostan'", 2009. 224 p.
10. Mazhitov N. A., Sungatov F. A. *Gorodische Ufa-II. Materialy raskopok 2008 goda* [The hillfort Ufa-II. Materials of excavations of the year 2008] / A. N. Sultanova, R. B. Ismagilov, I. R. Bahshieva. Vol. 3. Ufa. GUP RB UPK, 2009. 386 p.
11. Novikov, I. K. Maslyuzhenko, D. N. *"Kulturnyi sloj goroda Kurgana": vyyavlenie, izuchenie, itogi, problemy i perspektivy* ["Cultural Layer of Kurgan City": Determination, Studying, Findings, Issues and Prospects] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik* – Ufa Archaeological Herald. 2024. No. 3. Pp. 517–534. DOI: 10.31833/uav/2024.24.3.034.
12. Obydenova G. T., Ovsyannikov V. V. *Istoriya arheologicheskogo izucheniya krepostnyh sooruzhenij Bashkirskogo Priuralya* [Archaeological studies of fortifications in Bashkir cis-Urals region] / E. V. Bubnel, A. S. Procenko, I. M. Babin // *Povolzhskaya arheologiya* – The Volzhskaya River Region Archeologia. 2016. No. 4 (18). Pp. 278–295.
13. Orlov P. A. *Ukazatel fabrik i zavodov Evropejskoj Rossii : materialy dlya fabrichno-zavodsk. statistiki* [Factory and plants of the Russian Federation : materials dlya fabrichno-zavodsk. statistics] / sost. by officer. Svedeniyam Dep. trgovli i manufaktur P. A. Orlov and S. G. Budagov, str. 1–334. 3rd ed., ispr. I mean. dope. SPb, type. V. Kirshbaum. 1894. XVI, 827 p.
14. *Permskaya guberniya. Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj Imperii. T. 14, ch. 1* [Perm Governorate. Military and Statistical Review of the Russian Empire. Vol. 14, part 1]. 1852.
15. Protsenko A. S., Safuanov F. F. *K voprosu o posade gorodishha Ufa-II: k 70-letiyu nauchnogo izucheniya* [About the Settlement of the City of Ufa-II: To the 70th Anniversary of Scientific Research] // *Vestnik NGU. Seri-*

ya: *Istoriya, filologiya* – Vestnik NSU. Series: History and Philology. 2024. Vol. 23. No. 3. Archaeology and Ethnography. Pp. 98–110. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-3-98-110.

16. Protsenko A. S., Kamaleev E. V., Grabar P. Yu. *Issledovaniya kulturnogo sloya gorodov Ufa i Birska (na primere raboty arheologicheskoy ekspeditsii muzeya-zapovednika "Drevnyaya Ufa")* [Studies of the cultural layer of the cities of Ufa and Birska (based on the example of the work of the archaeological expedition of the "Ancient Ufa" museum-reserve)] // *Ufimskiy arheologicheskij vestnik* – Ufa Archaeological Herald. 2024. No. 3. Pp. 495–503. DOI: 10.31833/uav/2024.24.3.031.

17. Pudov G. A. *O kasimovskikh i nizhegorodskikh podduzhnykh kolokolchikah v sobranii otdela narodnogo iskusstva Russkogo muzeya (XIX – nachalo XX veka)* [Kasimov and Nizhni Novgorod shaft-bow bells in the collection of the department of folk art of the Russian museum (19th – early 20th century)] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* – Herald of Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod. 2016. No 1. Pp. 59–66.

18. Ruslanov E. V., Shamsutdinov M. R., Romanov A. A. *Rannesrednevekovye drevnosti Ufimskogo poluostrova. Gorodishche Ufa-II. Materialy arkheologicheskikh raskopok 2015 goda* [The ancient settlement Ufa-II – an early medieval monument on the Belaya River. Materials of excavations in 2015]. Ufa, Drevnyaya Ufa, 2016. 276 p.

19. Ruslanova R. R., Ruslanov E. V., Belyavskaya (Krapacheva) O. S. *Metallicheskie izdeliya i otnositel'naya khronologiya srednevekovogo gorodishcha Ufa-II v lesostepnom Priural'e* [Metal products and relative chronology of the medieval settlement Ufa-II in the Forest-Steppe Urals] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Tomsk State University Journal of History. 2019. No. 58. Pp. 159–169. DOI: 10.17223/19988613/58/23.

20. Ruslanova R. R., Ruslanov E. V. *Gorodishhe Ufa-II. Materialy raskopok 2012 goda* [Ufa-2 Hillfort. Materials of the 2012 Excavations] / M. R. Shamsutdinov, A. S. Protsenko. Vol. V. Part II. Ufa, Bashkirskaya enciklopediya. 2020. 432 p.

21. Samigulov G. Kh. *Glinyannaya posuda XVIII – nachala XIX vekov iz sloya Chelyabinska* [17th-early 19th century earthenware from Chelyabinsk] // *Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo tsentra RAN* – Proceedings of the Chelyabinsk Scientific Center. 2003. No. 3 (20). Pp. 90–95.

22. Sungatov F. A., Sultanova A. N. *K probleme gorodov Yuzhnogo Urala epokhi srednevekov'ya* [On the problem of the cities of the Southern Urals of the Middle Ages] / A. K. Bakhshieva, V. I. Mukhametdinov, R. R. Ruslanova, E. V. Ruslanov. Ufa, Samrau. 2018, 335 p.

23. Shuteleva I. A., Shcherbakov N. B. *Ufa II – srednevekovoe gorodishhe na Yuzhnom Urale. Materialy raskopok 2013 goda* [Ufa-II – a medieval settlement in the Southern Urals: Materials of excavations in 2013] / T. A. Leonova, M. R. Shamsutdinov, E. V. Ruslanov. Ufa, Inesh. 2013. 192 p.

24. Shcherbakov N. B., Shuteleva I. A., Leonova T. A. *Relikty gorodskogo yazychestva XIX – nachala XX veka po rezul'tatam arheologicheskikh issledovaniy Ufy* [Relicts of urban paganism of the XIX – early XX century according to the results of archaeological research in Ufa] // *Kultura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh: arheologiya Severa Rossii* – Culture of Russians in archaeological research: archeology of the North of Russia : in 2 vols. Vol. 2 / ed. L. V. Tataurova. Omsk ; Surgut, Institute of Archaeology of the North. 2021. Pp. 106–108.

Поступила в редакцию: 29.11.2024

Принята к публикации: 26.03.2025

Специфические особенности маленьких поясных накладок в мазунинской и кара-абызской культурах

Красноперов Александр Анатольевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии
наук. Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0001-7931-4536. Researcher ID: AAN-4831-2021.

E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Аннотация. Среди находок в могилах кара-абызской культуры иногда встречаются маленькие поясные накладки с фасетировкой и вырезами, которые сравнивают с похожими мазунинскими и используют в системе доказательств происхождения мазунинской культуры из кара-абызской. Но хронология этих накладок ранее не становилась предметом специального рассмотрения. Составление полного каталога находок показало, что накладки в мазунинской и кара-абызской культурах имеют типологические отличия. Существенным признаком, отличающим кара-абызские накладки от мазунинских, является форма вырезов. На мазунинских накладках вырезы, отделяющие концы от центра, треугольной формы. Кара-абызские накладки имеют вырезы прямоугольной формы, образующие в верхней и нижней частях накладки перекадину в виде буквы «Т», чего не встречается в типично мазунинских комплексах. В кара-абызской культуре это единственный вариант таких накладок, в мазунинской типологическое разнообразие намного шире. Четкую хронологию дают лишь три комплекса: с фибулой с эмалью, 2 пол. II – нач. III в. (Тарасово, п. 36, мазунинская культура), с лучковыми фибулами 4 варианта по А. К. Амброзу, 1 пол. III в. н. э. (Ошки, п. 1, азелинская культура, Охлебинино, п. 485, кара-абызская культура), т. е. варианты между собой синхронны. Это не позволяет уверенно утверждать происхождение одного варианта из другого. Однако разнообразие форм и хронологическая динамика позволяет считать мазунинскую культуру источником традиции таких накладок, а в кара-абызской среде они являются заимствованием. Типологические особенности кара-абызских накладок позволяют идентифицировать находки из Подвязье, п. 24 (Нижегородская обл.) как происходящие именно из кара-абызского ареала и связывать их проникновение к западу от Волги с волной других кара-абызских находок, представленных характерными накладками в виде голов грифонов.

Ключевые слова: кара-абызская культура, мазунинская культура, поясные накладки, типология, хронология, фибулы.

Археологическая карта Прикамья 2 четверти I тыс. н. э. представлена сетью культур [28], демонстрирующих заметное сходство при еще более заметных различиях. Последнее позволило выделить самостоятельные культуры (азелинскую, мазунинскую, кара-абызскую, гляденовскую), первое дает возможность придумывать общности и рассуждать о происхождении одних культур из других.

Одним из таких распространенных утверждений является утверждение об участии кара-абызского населения в формировании мазунинской культуры [14]. В системе «доказательств» упоминаются поясные накладки определенных форм, известные и в мазунинских, и в кара-абызских (а также в азелинских) комплексах. Это могло бы быть надежным свидетельством в пользу концепции, если бы не одно обстоятельство – хронологии этих накладок нет. А чтобы рассуждать о происхождении одного из другого, хотелось бы видеть обоснованные датировки находок, прежде всего, наиболее ранних вариантов. Одними из ранних являются маленькие накладки с одним центральным прямоугольным полем и выступами сверху и снизу, обращенными вершинами к центральному полю, напоминающие по форме завернутую в фантик конфету (рис. 1).

Историография. Типология мазунинских накладок предложена Т. И. Останиной, которая выделила [22, с. 57–58] прямоугольные накладки с фасетками и без [22, рис. 11: 19] в тип 1 [22, рис. 11: 14–21]. Такие же, но с подвесными колечком, – в тип 2 [22, рис. 22–27]. Деление довольно бессистемное, детали не учитываются. Важно разделение всех накладок на 2¹ большие группы: прямоугольные разного дизайна и в виде нескольких соединенных кругов/овалов (тип 4 по Т. И. Останиной). Позднее Р. Д. Голдина тоже не стала их разделять: «прямо-

угольные, обильно фасетированные ременные накладки, известные во множестве вариантов», и подчеркнула: «накладки такого типа представляют собой этнографическую особенность населения Среднего Прикамья» [8, с. 20].

Типология кара-абызских накладок предложена С. Л. Воробьевой, которая выделила тип А.3 [3, рис. 47: 3, 4, табл. 135] из 11 погребений Шиповского и Охлебининского могильников. Автор резюмирует, что «аналогичные изделия в массовом количестве происходят с памятников мазунинской культуры» [3, с. 135].

Но типология ничего не дает в плане хронологии. И сама типология нуждается в уточнениях.

С. Л. Воробьева отметила ситуацию сходства форм накладок из кара-абызских и мазунинских комплексов. Но существенным признаком, отличающим кара-абызские накладки от мазунинских, является форма вырезов. На мазунинских накладках вырезы, отделяющие концы от центра, треугольной формы (рис. 1: 1–92). Кара-абызские накладки имеют вырезы прямоугольной формы, образующие в верхней и нижней частях накладки перекладину в виде буквы «Т» (рис. 1: 93–125), чего не встречается в типично мазунинских комплексах.

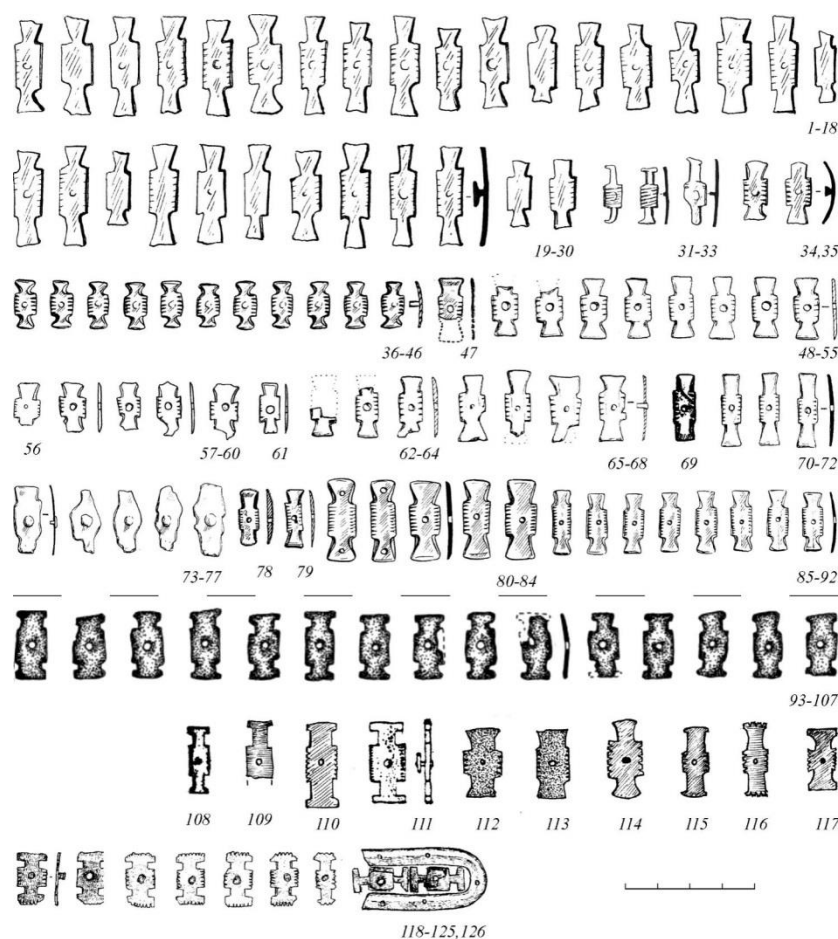

Рис. 1. Накладки рассматриваемого варианта. 1–30 – Ошки, п. 1 [10, табл. 1: 3–32]; 31–33 – Худяки, п. 84 [10, табл. 93: 1–3]; 34, 35 – Ошки, п. 3 [10, табл. 4: 2, 3]; 36–46 – Тарасово, п. 36 [7, табл. 14/36: 4–14]; 47 – Чепаниха, п. 27 [21, табл. 26: 7]; 48–55 – Тарасово, п. 271 [7, табл. 116/271: 3, 4, 8–12]; 56 – Усть-Сарапул, п. 102 (СИА ХМЗ, 1543/8–15, с оригинала); 57–60 – Нырғында I, п. 4 [9, табл. 6: 1–4]; 61 – Нырғында I, п. 47 [9, табл. 34: 1]; 62–64 – Тарасово, п. 284 [7, табл. 121/284: 2–4]; 65–68 – Тарасово, п. 778 [7, табл. 336/778: 2–12–16]; 69 – Нива, п. 66 [20, табл. I: 5]; 70–72 – Тарасово, п. 904 [7, табл. 385/904: 3–3–5]; 73–77 – Тарасово, п. 743 [7, табл. 320/743: 1, 2, 4–6]; 78 – Чепаниха, п. 28 [21, табл. 26: 9]; 79 – Тарасово, п. 879 [7, табл. 376/879: 1]; 80–84 – Тарасово, п. 147 [7, табл. 57/147: 1–2–6]; 85–92 – Тарасово, п. 111 [7, табл. 39/111: 1–8]; 93–107 – Шипово, п. 53 [18, рис. 43: 22–36]; 108 – Шипово, п. 89 [24, рис. 22: 22]; 109 – Шипово, п. 244 [19, рис. 63: 12]; 110 – Шипово, п. 303 [19, рис. 76: 8]; 111 – Охлебинино, п. 485 [25, рис. 1: 18]; 112 – Шипово, п. 82 [19, рис. 44: 3]; 113 – Шипово, п. 44 [19, рис. 37: 7]; 114 – Шипово, п. 183 [19, рис. 54: 6]; 115 – Шипово, п. 230 [19, рис. 61: 4]; 116 – Шипово, п. 249 [19, рис. 64: 17]; 117 – Шипово, п. 217 [19, рис. 59: 11]; 118–125, 126 – Подвязье, п. 24 [11, рис. 1: 1–4, 6]. 1–92 – «мазунинского» варианта, 93–125 – «кара-абызского» варианта

Также важно, что в кара-абызской культуре это единственный вариант таких фасетированных накладок, без типологического разнообразия. Именно эта форма является специфической для кара-абызской культуры.

Хронология. Комплексы с находками фасетированных накладок в мазунинской и азелинской культурах. Н. А. Лещинская отметила наличие накладок этого типа в 4 могилах азелинской культуры: Ошки, пп. 1, 3, Худяки, п. 84 [10, табл. 41: 1–21, с. 161]. В последнем случае сохранность весьма плохая, Ошкинский могильник более информативен. Во всех трех погребениях есть пряжки с плоской рамкой и длинным прогнутым щитком, в погребении 4 – железные наконечники стрел с шипами, в погребении 1 (рис. 2: В) – лучковая фибула 4 варианта [15, рис. 4: 13, с. 243], т. е. 4 четв. II – 1 пол. III в. [16, с. 77–78].

Из мазунинских погребений² интерес представляют Тарасово, пп. 879 [7, табл. 376/879], Усть-Сарапул, п. 102 [1, рис. 58: 2–6], с пряжками с цельным щитком, и Тарасово, п. 36 [7, табл. 14/36] (рис. 2: А), с браслетом с завязанными концами и шестиугольной фибулой с эмалью формы 66 по В. В. Кропотову [15, рис. 3: 5 с. 240], 2 пол. II – нач. III в.

Комплексы с находками фасетированных накладок в кара-абызской культуре. Большинство собственных комплексов кара-абызской культуры с рассматриваемыми накладками³ не информативно, т. к. содержит только местные типы. Выделяется погребение 485 Охлебининского могильника [25, рис. 1: В] (рис. 2: Б), с пряжкой типа «суворово» и одночленной лучковой фибулой 4 варианта [15, рис. 4: 2, с. 234].

Несколько публикаций пряжкам типа «суворово» посвятил И. О. Гавритухин [5; 6]. К сожалению, аргументация довольно шаткая, основана на общих рассуждениях о хронологии В-образной формы рамки (общая характеристика: [6, с. 202, 207]) в римских провинциях, где они встречаются в IV в. н. э. [6, с. 204, 207, 208]. Но сам И. О. Гавритухин вынужден заметить, что «материалы Волго-Уральского региона явно противоречат этому» [6, с. 207], «методом исключения регионов, где <...> неплохо известны, можно предположить, что В-образные пряжки появились на Переднем или Среднем Востоке. Правда, прямых доказательств этому нет» [6, с. 207]. Представляется, что поиск прототипов ведется немного не в той стороне, и исходной здесь является не В-образность рамки, а плоское сечение рамки⁴. Комплекс Охлебинино, п. 485 с пряжкой типа «суворово» определенно датируется раньше, чем предложенная И. О. Гавритухиным дата пряжек этого типа.

Учитывая выделенные выше типологические особенности, интерес представляет ряд находок за пределами кара-абызского ареала. Кара-абызский вариант происходит из погребения 24 могильника Подвьязь в Нижегородской области (рис. 3: А). К первому поясному набору относятся накладки, пряжка с В-образной рамкой и треугольным щитком с круглым выступом сзади, и U-образный наконечник ремня. Ко второму набору – накладки, похожие на мазунинские, пряжка и наконечник ремня с прорезями. По форме щитка пряжка из этой могилы соответствует «уральской» серии, выделенной В. Ю. Малашевым [17, с. 133], а по форме и декору рамки находит прямые соответствия в сарматских погребениях Суслы, к. 58 (рис. 3: Б) и 69 [6, рис. 20: 14, 1, 2]. Форма вырезов на втором поясе из Подвьязь, п. 24 совпадает с наконечником из Суслы, к. 69 [27, рис. 13: 11] (рис. 3: В) и Тезиково, п. 56 [12, рис. 2: 3] (рис. 3: Г). Фактически эти четыре погребения образуют замкнутый круг аналогий друг другу. На дату указывает и подковообразная фибула с эмалью варианта 4 по И. А. Ахмедову, сер. III в. н. э. [2, рис. 119: 8, с. 154–155].

Что интересно, это не единственный случай находок кара-абызских вещей к западу от Волги. Но большее распространение получила другая форма – типичные кара-абызские накладки с грифонами, в том числе позднего варианта: половина, обточенная в круг [13, рис. 22, с. 59 – прим. 12⁵].

² Находки: Ныргында I, пп. 4, 47; Чепаниха, пп. 27, 28; Нива, п. 66; Тарасово, пп. 36, 111, 147, 271, 284, 743, 778, 879, 904; Усть-Сарапул, п. 102. В том числе накладки представлены в Ныргындинском I могильнике пьяноборской культуры, где лишь несколько могил относятся к самому началу формирования мазунинского культурного комплекса.

³ Находки: Охлебинино, п. 485; Шипово, пп. 89/1972, 44, 82, 183, 217, 230, 244, 252, 303/1991, 53/2006.

⁴ Пряжки с рамками плоского сечения В. Ю. Малашев относит к 1 и 2 половинам III в. н. э. [17, с. 133].

⁵ Из новых находок: Напольновское 1 селище [4, рис. 4: 8].

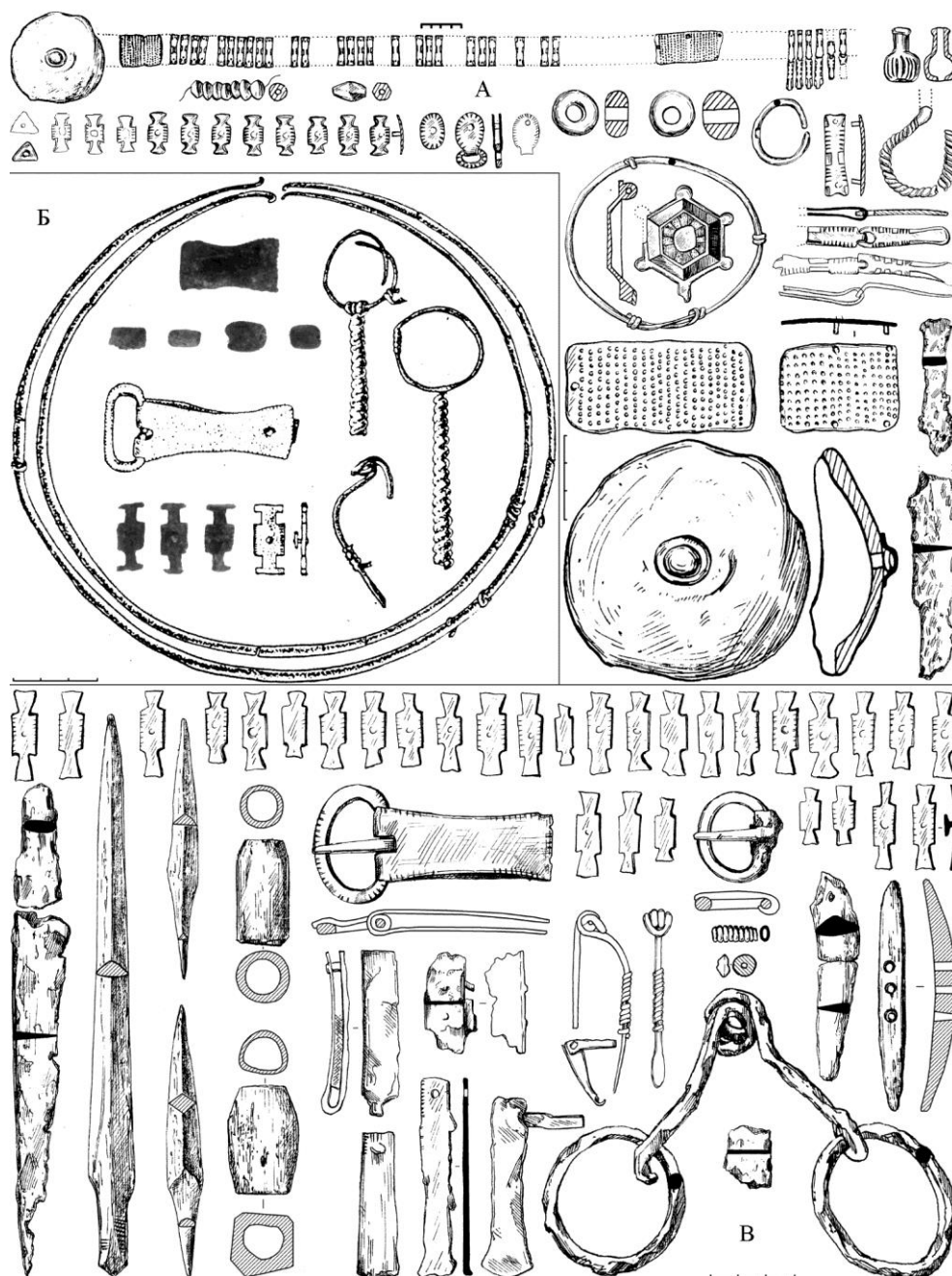

Рис. 2. Датированные комплексы с накладками рассматриваемого варианта. А – Тарасово, п. 36 [7, табл. 14/36, с изменениями]; Б – Охлебинино, п. 485 [23, рис. 172: 4–6, 7; 25, рис. 1: В]; В – Ошки, п. 1 [10, табл. 1, 2: 1–8]

Таким образом, накладки «такой» формы в мазунинской, азелинской, и кара-абызской культурах близки, но не идентичны. Кара-абызский вариант отличается формой вырезов, которая и является определяющим признаком. В кара-абызской культуре это единственный вариант таких накладок, в мазунинской типологическое разнообразие намного шире. Четкую хронологию дают лишь три комплекса: с фибулой с эмалью, 2 пол. II – нач. III в. (Тарасово, п. 36, мазунинская культура), с лучковыми фибулами 4 варианта по А. К. Амброзу, 1 пол. III в. н. э. (Ошки, п. 1, азелинская культура, Охлебинино, п. 485, кара-абызская культура), т. е. варианты между собой синхронны. Это не позволяет уверенно утверждать происхождение одного варианта из другого. Однако разнообразие форм и хронологическая динамика позволяет считать мазунинскую культуру источником традиции таких накладок, а в кара-абызской среде они являются заимствованием. Этот элемент инвентаря не подтверждает гипотезу об участии кара-абызского населения в генезисе мазунинского.

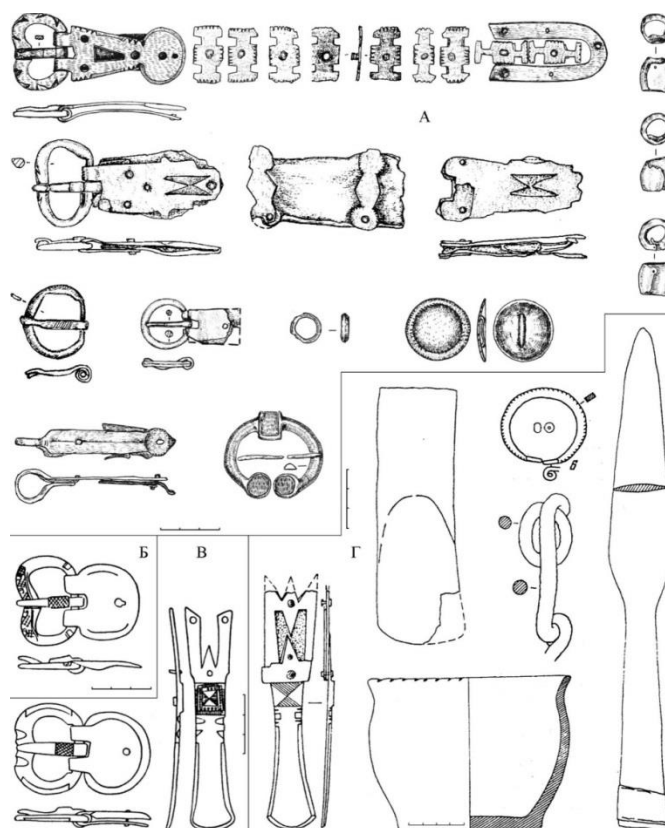

Рис. 3. Находки к западу от Волги. А – Подвязье, п. 24 [11, рис. 1]; Б – Суслы, к. 58 [26, рис. 1: 1]; В – Суслы, к. 69 [26, рис. 1: 2, 3]; Г – Тезиково, п. 56 [12, рис. 2: 1–7]

Благодарности: Благодарю Д. Г. Бугрова (Казань) и В. В. Овсянникова (Уфа) за помощь с литературой.

Список литературы

1. Арматынская О. В. Отчет о работах в Сарапульском р-не УАССР и Менделеевском р-не ТАССР в 1986 г. (Икский и Усть-Сарапульский могильники) // Архив ИА РАН. Р-1. № 11802.
2. Ахмедов И. Р. Гл. 12. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / РСМ. Вып. 18 / отв. ред. А. М. Обломский. М. : ИА РАН; Вологда : Древности Севера, 2018. С. 146–158.
3. Воробьева С. Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа / дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Уфа, 2012. Т. 1. 291 с.; Т. 2. 138 с. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 4/1. Д. 185, 185а.
4. Вязов Л. А., Михайлов Е. П. Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг. / Е. М. Макарова, Н. С. Мясников, А. Б. Мясникова, Д. А. Петрова, Ю. А. Салова, Р. А. Сиранов // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 354–372.
5. Гавритухин И. О. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья : в 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / отв. ред. Р. Д. Голдина. Казань : Изд-во АН РТ, 2022. С. 272–316.
6. Гавритухин И. О. Пояса типа Суворово (к изучению волго-уральской военизированной элиты IV в. н. э.) // Stratum plus. 2024. № 4: Imperium et Barbaricum: стабильность и конфронтация. С. 201–240. DOI: 10.55086/sp244201240.
7. Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 2, иллюстрации. Ижевск, 2003. 724 с.
8. Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 17–58. DOI: 10.24852/ра2016.3.17.17.58.
9. Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИА КВАЭ. Т. 22. Ижевск : Удмуртский университет, 2012. 364 с.
10. Голдина Р. Д., Лещинская Н. А., Макаров Л. Д. Дневники раскопок могильников 1 пол. I тыс. н. э. бассейна р. Вятки // Н. А. Лещинская Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / МИ КВАЭ. Т. 27. Ижевск, 2014. С. 212–445.
11. Грибов Н. Н. Новые данные по истории освоения Нижней Оки в эпоху раннего средневековья (по материалам Подвязьевского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / отв. ред. А. Г. Ситдилов и др. Казань : Отечество, 2014. С. 316–319.

12. Гришаков В. В. Три неопубликованных погребения Тезиковского могильника (к уточнению хронологии памятника) // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 1 / отв. ред. В. В. Гришаков. Саранск : МордГПИ, 1998. С. 50–58.
13. Красноперов А. А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // АЕС. 2018. № 1: Эпоха Великого переселения народов : мат-лы Всеросс. научн. конф. «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья 1 пол. – сер. I тыс. н. э.». С. 56–86.
14. Красноперов А. А. Кара-абызский компонент в пьяноборской и мазунинской культурах: концепции и реальность // XVI Бадеровские чтения : сборник научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О. Н. Бадера (г. Пермь, ПГНИУ, 27 ноября – 1 декабря 2023 г.) / отв. редакторы М. Л. Перескоков, Е. В. Чуйкина. Пермь, 2023. С. 139–143.
15. Красноперов А. А. Привозные фибулы Прикамья первых веков н. э.: динамика распространения // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 2 (50). С. 230–258. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.50.14.
16. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев : Адеф-Украина, 2010. 384 с.
17. Малашев В. Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южно-уральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир : мат-лы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. / отв. ред. Л. Т. Яблонский, Н. С. Савельев / Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130–140.
18. Овсянников В. В. Шиповский кургано-грунтовый могильник в южном Предуралье. Ч. 1. Погребальные комплексы, исследованные в 2006 и 2008 г. Уфа, 2023. 136 с.
19. Овсянников В. В., Савельев Н. С. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье / И. М. Акбулатов, В. Н. Васильев. Уфа : Гилем, 2007. 166 с.
20. Останина Т. И. Нивский могильник III–V вв. н. э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск, 1978. С. 92–117.
21. Останина Т. И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия / сост. и научн. ред. Т. И. Останина. Ижевск, 1984. С. 26–92.
22. Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
23. Пшеничнюк А. Х. Научный отчет о результатах археологических раскопок Охлебининского могильника за 1982 г. Альбом к отчету о раскопках Охлебининского могильника в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9017, 9017а.
24. Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала / редколл. Р. Г. Кузеев и др. Уфа, 1976. С. 35–131.
25. Пшеничнюк А. Х. Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / под ред. А. Х. Пшеничнюка, В. А. Иванова. Уфа : БФАН СССР, 1987. С. 67–76.
26. Скрипкин А. С. Две бронзовые пряжки из Сусловского курганного могильника // Советская археология. 1976. № 3. С. 325–327.
27. Скрипкин А. С. Материалы Сусловского курганного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград : ВолГУ, 1998. С. 104–124.
28. Syrovatko A., Mikhaylova E., Krasnoperov A. The Western Forest Zone During the Transition From the Roman Times to the Early Middle Ages // T. Rehren, E. Nikita (Eds.), Encyclopedia of Archaeology, 2nd Edition. Vol. 4. London : Academic Press, 2024. Pp. 712–732. DOI: 10.1016/B978-0-323-90799-6.00241-X.

Specific features of small belt overlays in the Mazunino and Kara-Abyz archaeological cultures

Krasnoperov Aleksandr Anatol'evich

PhD in Historical Sciences, researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Russia, Izhevsk. ORCID: 0000-0001-7931-4536.
ResearcherID: AAN-4831-2021. E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Abstract. Among the finds in the graves of the Kara-Abyz culture, small belt overlays with faceting and cutouts are sometimes found. They are compared with similar "Mazunino" ones, and are used in the system of evidence of the origin of the Mazunino culture from the Kara-Abyz. But the chronology of these overlays has not previously been the subject of special consideration. The compilation of a complete catalogue of finds showed that the overlays in the Mazunino and Kara-Abyz cultures have typological differences. An essential feature that distinguishes Kara-Abyz overlays from Mazunino ones is the shape of the cutouts. On the Mazunino overlays, the cutouts separating the ends from the center are triangular in shape. The Kara-Abyz overlays have rectangular

cutouts that form a crossbar in the shape of the letter "T" in the upper and lower parts of the overlay, which is not found in typical Mazunino complexes. In the Kara-Abyz culture this is the only variant of such overlays; in the Mazunino culture the typological diversity is much wider. Only three complexes provide a clear chronology: with a fibula with enamel, 2nd half of the 2nd – beginning of the 3rd century (Tarasovo, grave 36, Mazunino culture), and with fibulae Almgren-156, 4 variants according to A. K. Ambrose, 1st half of the 3rd century AD (Oshki, grave 1, Azelino culture, Okhlebinino, grave 485, Kara-Abyz culture), i. e. the variants are synchronous with each other. This does not allow us to confidently assert the origin of one variant from another. However, the diversity of forms and chronological dynamics allow us to consider the Mazunino culture as the source of the tradition of such overlays, and in the Kara-Abyz environment they are borrowings. The typological features of the Kara-Abyz overlays allow us to identify the finds from Podvyaz'e, grave 24 (Nizhny Novgorod Region) as originating specifically from the Kara-Abyz area, and to link their penetration to the west of the Volga with a wave of other Kara-Abyz finds, represented by characteristic overlays in the form of 'griffin heads'.

Keywords: Kara-Abyz archaeological culture, Mazunino archaeological culture, overlays, typology, chronology, fibulae.

References

1. Armatynskaya O. V. *Otchet o rabotah v Sarapul'skom r-ne UASSR i Mendelevskom r-ne TASSR v 1986 g. (Ikskij i Ust'-Sarapul'skij mogil'nik)* [Report on the work in the Sarapul district of the UASSR and the Mendelevsky district of the TASSR in 1986 (Iksky and Ust-Sarapulsky burial grounds)] // *Arhiv IA RAN* – Archive of IA RAS. R-1. No. 11802.
2. Ahmedov I. R. *Gl.12. Nahodki kruga vostochnoevropejskikh emalej na Volge i Oke* [Chapter 12. Finds of the Eastern European Enamel Circle on the Volga and Oka] // *Bryanskij klad ukrashenij s vyemchatoj emal'ju vostochnoevropejskogo stilya (III v. n. e.)* – Bryansk Hoard of Ornaments with Champlévé Enamel in the Eastern European Style (3rd Century A.D.) / *Rannoslavjanskij mir* – Early Slavic world. Is. 18 / ed. by A. M. Oblomskij. M., IA RAN ; Vologda, Drevnosti Severa, 2018. Pp. 146–158.
3. Vorob'eva S. L. *Tipologiya elementov ubranstva kostyuma kara-abyzskoj kul'tury epohi rannego zheleza* [Typology of elements of costume decoration of the Kara-Abyz culture of the early Iron Age] / diss. Ufa, 2012. Vol. 1. 291 p.; Vol. 2. 138 p. // *Arhiv IKNP UdGU* – Archive of UdGU IKNP. F. 4/1. D. 185, 185a.
4. Vyazov L. A., Mihajlov E. P. *Issledovaniya pamyatnikov Srednego i Nizhnego Posur'ya v ramkah raboty mezhdunarodnoj arheologicheskoy ekspedicii v 2015–2019 gg.* [Research of monuments of the Middle and Lower Posur within the framework of the international archaeological expedition in 2015–2019] / Vyazov L. A., Mihajlov E. P., Makarova E. M., Myasnikov N. S., Myasnikova A. B., Petrova D. A., Salova Yu. A., Silanov R. A. // *Arheologiya Evrazijskikh stepej* – Archaeology of the Eurasian Steppes. 2020. No. 3. Pp. 354–372.
5. Gavrituhin I. O. *Hronologiya i dinamika kul'tur v konce pozdnesarmatskogo vremeni i nachale epohi Velikogo pereseleniya narodov* [Chronology and Dynamics of Culture at the End of Late Sarmatian Time and the Beginning of the Epoch of the Great Transition of Nations] // *Arheologiya Volgo-Ural'ya. V 7 t. T. 4. Epoha Velikogo pereseleniya narodov* – Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 4. Epoch of the Great Transition of Nations / ed. by R. D. Goldina. Kazan, AN RT Publ., 2022. Pp. 272–316.
6. Gavrituhin I. O. *Poyasa tipa Suvorovo (k izucheniyu volgo-ural'skoj voenizirovannoj elity IV v. n. e.)* [Belts of the Suvorovo type (to the study of the Volga-Ural militarized elite of the IV century A.D.)] // *Stratum plus*. 2024. No. 4. Pp. 201–240. DOI: 10.55086/sp244201240.
7. Goldina R. D. *Tarasovskij mogil'nik I–V vv. na Srednej Kame. T. 2, illyustracii* [Tarasov burial ground of the I–V centuries. flows into the Middle Kama. Vol. 2, illustrations]. Izhevsk, Udmurtia, 2003. 724 p.
8. Goldina R. D., Bernc V. A. *Hronologiya muzhskih pogrebenij III–V vv. Tarasovskogo mogil'nika* [Chronology of male burials of the III–V centuries of the Tarasovsky burial ground] // *Povolzhskaya arheologiya* – The Volga River Region Archaeology. 2016. No. 3 (17). Pp. 17–58. DOI: 10.24852/pa2016.3.17.17.58.
9. Goldina R. D., Krasnoperov A. A. *Nyrgyndinskij I mogil'nik II–III vv. na Srednej Kame* [Nyrgyndinda I graveyard of the 2nd–3rd centuries on the Middle Kama] / MIA KVAE. T. 22. Izhevsk, Udmurtskij universitet Publ., 2012. 364 p.
10. Goldina R. D., Leshchinskaya N. A., Makarov L. D. *Dnevnik raskopok mogil'nikov 1 pol. I tys. n. e. bassejna r. Vyatki* [Diaries of excavations of burial grounds of the 1st half and millennium BC of the Vyatka River basin] // *Leshchinskaya N. A. Vyatskij kraj v p'yanoborskuyu epohu (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov I–V vv. n. e.)* – Vyatka region in the Pyanoborsk era (based on materials from burial monuments of the 4th–5th centuries A.D.). Izhevsk, 2014. Pp. 212–445.
11. Gribov N. N. *Novye dannye po istorii osvoeniya Nizhnej Oki v epohu rannego srednevekov'ya (po materialam Podvyaz'evskogo mogil'nika)* [New data on the history of the development of the Lower Oka in the early Middle Ages (based on materials from the Podvyazev graveyard)] // *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani* – Proceedings of the IV (XX) Russian Archaeological Congress in Kazan. T. II / ed. by A. G. Sitdikov et al. Kazan, Otechestvo, 2014. Pp. 316–319.
12. Grishakov V. V. *Tri neopublikovannyh pogrebeniya Tezikovskogo mogil'nika (k utochneniyu hronologii pamyatnika)* [Three unpublished burials of the Tezikovsky burial ground (to clarify the chronology of the monument)] // *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ya* – Antiquities of the Oka-Sura interfluvium. Is. 1 / ed. by V. V. Grishakov. Saransk, MordGPI, 1998. Pp. 50–58.

13. Krasnoperov A. A. *Anahronizmy sredi pogrebal'nogo inventarya. P'yanoborskie veshchi v mazuninskih pogrebeniyah: process smeny vremen v Prikam'e* [Anachronisms among burial inventory. P'yanoborsk finds in Mazunino burials: the process of changing times in Prikamye] // *Arheologiya Evrazijskikh stepej* – Archaeology of the Eurasian Steppes. 2018. No. 1. Pp. 56–86.
14. Krasnoperov A. A. *Kara-abyzskij komponent v p'yanoborskoj i mazuninskoj kul'turah: koncepcii i real'nost'* [Kara-Abuz component in Pyanobor and Mazunino cultures: concepts and reality] // XVI Baderovskie chteniya – 16th Listening's in honor of O. N. Bader / eds. by M. L. Pereskokov, E. V. Chujkina. Perm, 2023. Pp. 139–143.
15. Krasnoperov A. A. *Privoznye fibuly Prikam'ya pervyh vekov n. e.: dinamika rasprostraneniya* [Imported fibulae of the Kama region of the first centuries A. D.: dynamics of distribution] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of the Orenburg State Pedagogical University. 2024. No. 2 (50). Pp. 230–258. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.50.14.
16. Kropotov V. V. *Fibuly sarmatskoj epohi* [Fibulae of the Sarmatian epoch]. Kiev, Adef-Ukraine, 2010. 384 p.
17. Malashev V. Yu. *Nekotorye aspekty kontaktov nositelej pozdnesarmatskoj kul'tury yuzhnoural'skikh stepej s naseleniem lesnoj i lesostepnoj polosy Povolzh'ya i Priural'ya* [Some aspects of contacts between the late Sarmatian culture of the southern Ural steppes and the forest and forest-steppe zone of the Volga and Ural regions] // *Sarmaty i vneshnij mir* – Sarmatians and the outside world / eds. by L. T. Yablonskij, N. S. Savel'ev / *Ufimskij arheologicheskij vestnik* – Ufa Archaeological Herald. Is. 14. Ufa, IYAL UNC RAN, Centr «Nasledie», 2014. Pp. 130–140.
18. Ovsyannikov V. V. *Shipovskij kurganno-gruntovyy mogil'nik v yuzhnom Predural'e. Ch. 1. Pogrebal'nye komplekсы issledovannye v 2006 i 2008 g.* [Shipovo burial mound and ground cemetery in the southern Cis-Urals. Part 1. Burial complexes investigated in 2006 and 2008]. Ufa, 2023. 136 p.
19. Ovsyannikov V. V., Savel'ev N. S. *Shipovskij mogil'nik v lesostepnom Priural'e* [Shipovsky burial ground in the forest-steppe Urals] / I. M. Akbulatov, V. N. Vasil'ev. Ufa, Gilem, 2007. 166 p.
20. Ostanina T. I. *Nivskij mogil'nik III–V vv. n. e.* [Nivsky burial ground III–V centuries A.D.] // *Materialy k rannej istorii naseleniya Udmurtii* – Materials for the early history of the population of Udmurtia / ed. by M. G. Ivanova. Izhevsk, 1978. Pp. 92–117.
21. Ostanina T. I. *Dva pamyatnika mazuninskoj kul'tury v central'noj Udmurtii* [Two monuments of the Mazunino culture in central Udmurtia] // *Poiski, issledovaniya, otkrytiya* – Searches, research, discoveries / ed. by T. I. Ostanina. Izhevsk, 1984. Pp. 26–92.
22. Ostanina T. I. *Naselenie Srednego Prikam'ya v III–V vv.* [Population of the Middle Kama region in the III–V centuries]. Izhevsk, UIYAL UrO RAN, 1997. 327 p.
23. Pshenichnyuk A. H. *Nauchnyj otchet o rezul'tatah arheologicheskikh raskopok Ohlebininskogo mogil'nika za 1982 g. Al'bom k otchetu o raskopkah Ohlebyninskogo mogil'nika v 1982 g.* [Scientific report on the results of archaeological excavations of the Okhlebyninsky burial ground in 1982. Album to the report on the excavations of the Okhlebyninsky burial ground in 1982] // *Arhiv IA RAN* – Archive of IA RAS. R-1. No. 9017, 9017a.
24. Pshenichnyuk A. H. *Shipovskij kompleks pamyatnikov (IV v. do n. e. – III v. n. e.)* [Shipovo complex of monuments (IV century BC – IV century AD)] // *Drevnosti Yuzhnogo Urala* – Antiquities of the Southern Urals / eds. by R. G. Kuzeev et al. Ufa, 1976. Pp. 35–131.
25. Pshenichnyuk A. H. *Issledovaniya po rannemu zheleznomu veku* [Research on the Early Iron Age] // *Voprosy drevnej i srednevekovoj istorii Yuzhnogo Urala* – Questions of ancient and medieval history of the Southern Urals / eds. by A. H. Pshenichnyuk, V. A. Ivanov. Ufa, BFAN SSSR, 1987. Pp. 67–76.
26. Skripkin A. S. *Dve bronzovye pryazhki iz Suslovskogo kurgannogo mogil'nika* [Two bronze buckles from the Suslov burial mound] // *Sovetskaya arheologiya* – Soviet archeology. 1976. No. 3. S. 325–327.
27. Skripkin A. S. *Materialy Suslovskogo kurgannogo mogil'nika* [Materials of the Suslov burial mound] // *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* – Lower Volga Archaeological Herald. Is. 1. Volgograd, VolGU. 1998. Pp. 104–124.
28. Syrovatko A., Mikhaylova E., Krasnoperov A. *The Western Forest Zone During the Transition From the Roman Times to the Early Middle Ages* // Rehren, T., Nikita, E. (Eds.), *Encyclopedia of Archaeology*, 2nd ed. Vol. 4. London : Academic Press, 2024. Pp. 712–732. DOI: 10.1016/B978-0-323-90799-6.00241-X.

Поступила в редакцию: 09.12.2024

Принята к публикации: 12.03.2025

Глюттонический код в романе Г. Грасса «Жестяной барабан»

Воротникова Анна Эдуардовна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, Воронежский государственный педагогический университет. Россия, г. Воронеж. ORCID: 0000-0002-5887-2034. E-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – установить идейно-художественные функции образов еды и связанных с ними процессов приготовления и употребления пищи в романе Гюнтера Грасса «Жестяной барабан». Глюттонический код в главном произведении немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии, остается до конца нерасшифрованным, что придает актуальность проведенному исследованию. Редко становящиеся предметом специального рассмотрения кулинарно-гастрономические феномены из грассовского романа открывают доступ в сферу обыденного существования немцев, а через нее – в аксиосферу, к фундаментальным основам общественно-политической жизни Германии, ее истории и культуры в первой половине XX в. Комплексный анализ глюттонических образов в «Жестяном барабане» осуществляется с опорой на культурно-исторический, психоаналитический, мифологический и герменевтический методы исследования.

В статье обосновывается просветительская стратегия Грасса, предпочитающего абстрактным философским построениям (само)познание через чувственное восприятие действительности. Скептическое отношение к историческим метанарративам, затемняющим и фальсифицирующим истинное содержание переломных событий в жизни германского общества первой половины XX в., заставляет писателя обратиться к непрезентабельной сфере быта, в лоне которой сформировался обыкновенный фашизм. Гастрономическая образность как неотъемлемая составляющая филистерской повседневности выполняет многообразные функции в «Жестяном барабане»: моделирует сюжетное развитие, выявляет особенности психологии немецкого обывателя, характеризует общественно-политическую и экономическую ситуацию в Германии в разные исторические периоды, служит призмой, высвечивающей глубинные философские смыслы романного повествования. Образы еды, ее приготовления и потребления неизменно погружены в контекст иронии, сатиры и гротеска. Особое внимание уделяется метафорико-символическому наполнению глюттонической образности, возникающей в тесной связи с сексом и смертью, ассоциирующейся с деструктивными проявлениями человеческой природы и разрушительными процессами истории и, как следствие, приобретающей в романе преимущественно негативные коннотации. Делается вывод о том, что расшифровка глюттонического кода в «Жестяном барабане» способствует более глубокому проникновению в авторский замысел и служит реконструкции картины мира, пребывающего в состоянии духовного и морально-нравственного распада.

Результаты исследования, обогащающие видение романного творчества Г. Грасса и расширяющие представления о феномене еды и его функциях в художественном произведении, могут быть полезны как специалистам-германистам, так и всем интересующимся зарубежной литературой.

Ключевые слова: глюттонические образы, код, функция, метафора, смерть, филистер, история, фашизм.

В романе немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии, Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» (1959) глюттоническая образность занимает особое место, но при этом незаслуженно редко попадает в фокус исследовательского внимания. В потоке многопланового и плотного романного повествования, посвященного поворотным событиям немецкой истории первой половины XX в., образы пищи, ее приготовления и употребления могут показаться чем-то несущественным и периферийным. Между тем представляется отнюдь не случайным то, что практически ни одна глава «Жестяного барабана» не обходится без упоминания продуктов питания и рецептов различных блюд, каждодневных семейных трапез и праздничных застолий, гастрономических привычек героев.

Следует отметить немногочисленные статьи западных литературоведов А. Ниман, В. Нойхауса, К. Рейткина, М. К. Сосноски, посвященные глуттонической образности в романе и акцентирующие ее амбивалентное наполнение – как средства удовлетворения базовых потребностей и достижения психологического комфорта и как источника деструктивной силы, связанной с перверсивными желаниями героев и реализующейся в их болезнях и смертях [12; 13; 14; 15]. Расшифровка глуттонического кода, моделирующего картину мира в грассовском *opus magnum*, представляется незавершенной, что и придает предлагаемому исследованию актуальный характер. Целью его является раскрытие богатого идейно-художественного потенциала, заложенного автором в гастрономическую образность «Жестяного барабана».

Грасс, известный как кулинар и гурман (здесь, несомненно, сказалось влияние голодных военных и послевоенных лет) [7], относится к глуттонической сфере как минимум с интересом, а то и с пиететом, правда, всегда балансирующим на грани иронии. Образы еды присутствуют практически во всех произведениях писателя, а в некоторых, как, например, в романе «Палтус» (1977), речь идет «о первенствующей основе человеческого существования – о питании» [5]. В «Палтусе» автор отчасти выполняет данное им в более раннем произведении «Из дневника улитки» (1972) обещание создать кулинарную книгу: «Прежде чем ко мне придет старость, а с ней, возможно, и мудрость, я хочу написать поваренную книгу: про 99 блюд, про гостей и людей – животных, умеющих готовить пищу, о процессе еды, об отходах...» [4, с. 178]. В романе женщина, чей архетипически вечный образ переходит из эпохи в эпоху, сохраняет верность своему главному предназначению – стряпухи, которая обеспечивает непрерывность земного существования.

Если в «Палтусе» остроумное обыгрывание глуттонических образов составляет стратегию автора, реконструирующего через формы приготовления и потребления еды разные этапы истории человечества, то в «Жестяном барабане» сфера питания не самодовлеет, не заслоняет собой иные аспекты повседневности Третьего рейха. При всем том именно она может служить призмой, высвечивающей более глубокие слои существования романских героев.

Будучи убежденным в просветительской функции литературы [11, S. 243–244], Грасс в своем художественном творчестве отказывается от чрезмерной философской рефлексии и абстрактных построений и восстанавливает в правах обыденность, наполненную вещными, телесными образами. Сам писатель говорит об этом так: «Чувственные проявления всегда играли для меня важную роль <...>. Я хочу просвещать через обращение к чувственной сфере...» [10, S. 172, 190]. Подобное просвещение наоборот, предполагающее апелляцию к разуму через высвобождение материального, низового начала, также приводит к познанию бытия и самопознанию, пусть и иным путем.

Подход Гюнтера Грасса сродни концепции диалектики просвещения немецких философов М. Хоркхаймера и Т. Адорно, выявляющей дискредитацию инструментального разума [11, S. 246–247]. В «Жестяном барабане» гротескно-разоблачительный образ мира и человека есть результат глубокого скепсиса, испытываемого автором по отношению к идеям рационализма и прогресса. Историческому метанарративу о переломных событиях в жизни германского общества 30–40-х гг. XX в. писатель противопоставляет образ обыкновенного фашизма, увиденного из перспективы обыденного существования маленьким в прямом и переносном смысле человеком – лилипутом Оскаром Мацератом, спрятавшимся за маской вечного младенца – слабоумного барабанщика. Делая его протагонистом и медиумом повествования, Грасс возвращает картине мира утраченные в идеалистической традиции, идущей от Платона, конкретику, естественность и материально-чувственную полноту. Парадоксальным образом именно такое нисхождение к земному, опрощение-упрощение, действует разоблачительно и становится эффективным инструментом просвещения.

В романной картине повседневного существования простых немцев, незамутненной отвлеченными понятиями и концепциями, кулинария не случайно занимает почетное место. Образы еды выполняют в «Жестяном барабане» многообразные идейно-художественные функции, одна из которых – сюжетообразующая. В глуттонический контекст погружены ключевые события. Например, поворотный момент в судьбе Оскара – его осознанный отказ расти и взрослеть – связан с инсценировкой падения героя в его третий день рождения в погреб, оставленный открытым отцом Альфредом Мацератом, который лазил туда за банкой компота для праздничного стола. Мать протагониста Агнес умирает из-за патологической тяги к рыбе, а его любовница лилипутка Розвита гибнет, когда отправляется за кофе к походной кухне и попадает под обстрел.

Еще одна функция глуттонических образов – маркировка национальной идентичности героев, которые вне зависимости от материального достатка предпочитают картофель, колбасу и пиво – традиционные для немцев и кашубов продукты питания. Более того, читатель может узнать о блюдах, приготовление и употребление которых связано с определенными событиями в жизни героев, а именно, семейными торжествами, религиозными праздниками, поминками.

Гастрономические пристрастия служат также указанием на социальный статус и финансовое положение, опосредованные экономической ситуацией и, соответственно, историческим периодом. Так, кашубская крестьянка, бабка Оскара Анна Бронски, в замужестве Коляйчек, в конце 1899 г. ест картошку, испеченную на костре, а во второй половине 30-х гг. в эпоху правления Гитлера, сумевшего поднять благосостояние немцев, семья Бронски – Мацератов уже может позволить себе разнообразные деликатесы, на их столе появляются все более изысканные блюда: на смену незамысловатому полевому корнеплоду приходят сваренные по сложным рецептам супы, рыба угорь, кондитерские изделия. Об изменившемся времени Грасс предпочитает говорить не прямо, а через сопоставление статуса одних и тех же продуктов питания в разные периоды: «...и Анна Коляйчек, и брат ее Винцент Бронски куда больше зависели от урожая картошки, чем зеленщик Грефф, которому уродившаяся слива вполне возмещала неуродившуюся картошку» [3, с. 358]. Представление об экономическом подъеме конкретизируется в опредмеченной метафоре сладкой жизни: Мацераты – Бронски потребляют в больших количествах всевозможные торты, пирожные и мороженое, от избытка которых начинает тошнить. Растолстевший Оskarхен, признающийся позже, что в те годы он «и впрямь поглощал слишком много пирожных» [3, с. 115], рассказывает о применяемом им надежном рвотном средстве – хлебе, пропитанном селедочным рассолом. Вред от сладкого, тошнота от приторной еды становятся метафорическими аналогами внешне привлекательной для немецких филистеров, но тлетворной по сути жизни при нацистах. Всего несколькими годами позже изобилие сменится охотой за сахаром, искусственным медом и кофе, а поражение в войне будет ознаменовано введением «талонов на хлеб, талонов на жиры, талонов на прочие продукты» [3, с. 446].

Ностальгия по эпохе правления Гитлера, характерная для многих граждан Германии в послевоенное время, объясняется в романе не верностью идеологическим убеждениям, а экономическими или, точнее, утробными потребностями немецких обывателей с их неизменным желанием хлеба и зрелищ. Интонация вожделеющего дешевых и качественных продуктов филистера точно воплощается в словах Оскара, вспоминающего 1937-й г.: «Ах, как дешево были тогда яйца! За гульден можно было купить целых полтора десятка, а кашубское масло стоило дешевле, чем маргарин!» [3, с. 153].

Тогдашняя жизнь уподобляется рынку, изобилующему всевозможной снедью, но для автора значительно важнее другие смысловые аспекты данного топоса. Рынок – место чревного соблазна, обмана и мошенничества, синоним всеобщей продажности. Потянувшаяся за кошельком, привязанной за веревочку торговкой Анной Бронски, посетительница рынка оказывается уличенной в своем неблагоприятном намерении завладеть чужим имуществом, за что ее ждет немедленная расплата: хитрая Оскарова бабка заставляет обманутую «мадамочку» покупать продукты в своем киоске. Грасс производит своего рода психологическую вивисекцию немецкого обывателя, извлекая наружу сущностные характеристики его внутренней природы. Мещанин падок на «магию искушения» [3, с. 155], как это называет Оскар: он в равной степени легко ведется и на приманку рыночной торговли, и на нацистскую пропаганду.

Обобщенный портрет немецкого филистера создается посредством глуттонической образности, в которую погружено без остатка все его бытие. Лишенные духовных запросов, герои романа сосредоточены преимущественно на удовлетворении своих плотских потребностей – пищевых и сексуальных. Как писал Н. Бердяев: «Мещанство есть оборотная сторона необузданной жажды наслаждений» [1, с. 156]. О полуживотной сущности филистеров говорит и А. Шопенгауэр: «Действительными наслаждениями будут для него исключительно чувственные – ими он себя и вознаграждает. Поэтому вершина его бытия заключается в устрицах и шампанском, а цель его жизни – добывать себе то, что способствует телесному благополучию» [9, с. 63–64]. Мать и два отца Оскара – официальный Альфред Мацерат и, как подозревает главный герой, фактический Ян Бронски – показаны в романе играющими в скат, прогуливающимися, купающимися в море, флиртующими и совокупляющимися, но главным образом занимающимися приготовлением и принятием пищи. Последнее действие составляет телеологию их мещанского бытия.

Альфред Мацерат – квинтэссенция немецкого обывателя, который «страстно увлекался стряпней», даже в бытность свою женихом он «умел претворять свои чувства в супы» [3, с. 54]. Заметим мимоходом, что в русском переводе «супы» хорошо рифмуется со «стихи», которые Мацерату, конечно, не могли служить формой объяснения в любви. Этот персонаж бесконечно далек от высоких сфер. Например, в театре его храп способен посоперничать по силе звучания с оперным пением. С приходом нацистов к власти отец Оскара быстро меняет гражданскую одежду на коричневую партийную форму, а свою новую жизненную позицию облакает, верный кулинарному призванию, в гастрономическую максиму: «Служба есть служба, ... а водка есть водка» [3, с. 142].

Впрочем, филистер – исключительно живучий тип, поэтому автор наделяет мацератовскими поведенческими чертами и еще одного персонажа – приятеля Оскара Клеппа, который, уже после войны составляя распорядок дня, отводит большую часть времени многократным приемам пищи, а агитацию за КПГ ставит в один ряд с пивом, кровяной колбасой и ничегонеделанием. В снятии оппозиции образов коммуниста и нациста через их общее увлечение едой проявляется антиидеологический настрой автора, а определение «судьбоносное мещанство» [3, с. 72], примененное в отношении Мацерата, может быть распространено на всех немецких обывателей вне зависимости от их индивидуальных особенностей и исторического периода, в котором они живут.

Иронически высмеивая политическую ангажированность своих героев, Грасс в то же время придает возвышенные коннотации гастрономическим образам – поет оду в форме пародийного энкомия масляному крему: «О ты, священный масляный крем, ты, усыпанный сахарной пудрой...!» [3, с. 135]. Подобное переворачивание ценностной иерархии – придание значимости непрезентабельной глуттонической сфере и отказ общественно-политической жизни в таковой – выявляет ложный характер многих укорененных в человеческом обществе представлений.

Глуттоническая образность сопутствует интимной жизни матери Оскара – Агнес Мацерат. Оскар, вынужденный ждать матушку на пороге дешевого пансиона, где та тайно встречается с кузеном Яном, коротает время за «стаканом ... отвратительного на вкус лимонада» [3, с. 122–123]. Данный образ соотносится с оценкой ситуации, которая не дается страдающим от измен матери ребенком прямо, но получает опосредованное выражение. Кофе мокко и лимонное мороженое, которые мальчик получает после в близлежащем кафе, воспринимаются как компенсация за ожидание.

Связка физическая любовь – еда не нова, у Грасса она получает, как правило, негативную коннотацию. Изнасилование монашки художником Ланкесом в бетонном бункере сопровождается поеданием трески. Образ рыбы приобретает в этом эпизоде, помимо прямого значения, еще и символическое, амбивалентно сопрягающее христианскую семантику с сексуальной [2, с. 229–230]. В эротических опытах Оскара с его мачехой Марией неизменно присутствует шипучка – порошок для приготовления напитков, а запах тела возлюбленной ассоциируется с ароматом лисичек.

Прием метафоризации сексуальных отношений осуществляется через актуализацию гастрономической образности. Мужчины Агнес – Ян Бронски и Альфред Мацерат, по словам главного героя, «оба пожирали ее плоть» [3, с. 258]. Развернутая глуттоническая метафора иронически тонко запечатлевает страдания безответно влюбленного в мать Оскара продавца игрушек еврея Маркуса, который ждет крошек со стола Агнес и ее кузена Яна, однако те, как безапелляционно констатирует протагонист, «не оставляли крошек. Они все подчистую съедали сами. Они были наделены отменным аппетитом, который нельзя утолять, который сам себя хватает за хвост» [3, с. 123].

Матушка Оскара ненасытна и в постели, и за столом. Внутренне неудовлетворенная своей жизнью, разрывающаяся между Яном и Альфредом, она заболевает булимией: поглощает пищу в невероятных количествах, чтобы затем исторгнуть ее из себя. Предрешен трагический финал героини, вписанный в гедонистически-потребительскую парадигму филистерского существования. Грасс как будто иллюстрирует высказывание А. Шопенгауэра о незавидном уделе обывателя, не открывшего духовного измерения бытия и умирающего от бессодержательности собственного существования: «Ибо чувственные наслаждения скоро исчерпываются...» [9, с. 64]. Смерть Агнес – итог ее пустого бездуховного прозябания.

То, что мать Оскара умирает, будучи беременной, принимает символический смысл. Агнес уже не дано породить новую жизнь и тем самым одержать хотя бы частичную победу над

законом смерти. Чувственная избыточность, определяющая существование грассовских героев, отнюдь не раблезианского толка: идея возрождения, пронизывающая карнавализованную стихию вечно умирающего и вечно живого коллективного тела, отсутствует в «Жестяном барабане». Зародыш погибает вместе с матерью – продолжения не будет. Гротескно-шутовская манера повествования в произведении призвана не нейтрализовать ощущение трагизма происходящего, но, напротив, подчеркнуть его.

При этом в романе сохраняется внешняя схема архаически-мифологизированной ситуации смерти-возрождения, которую О. Фрейденберг характеризует следующим образом: «Создается, с одной стороны, метафора “оплодотворения” – смерти... С другой стороны, этот образ оформляется в метафору “любви” – “еды” и производительного акта – “еды”» [8, с. 75].

В страстную пятницу беременная Агнес во время прибрежной прогулки наблюдает ловлю угрей, присосавшихся к мертвой лошадиной голове, что вызывает у нее жестокий приступ рвоты. Несколько пойманных таким образом угрей покупает и готовит Мацерат, что только усиливает тошноту героини, после чего ее вкусовые привычки меняются на прямо противоположные: она начинает поглощать в невероятных количествах рыбу – и умирает в итоге от рыбной интоксикации, на самом деле, как считает Оскар, от невозможности выпутаться из любовного треугольника. Так, глуттоническая витальность оказывается сопряжена с небытием смерти.

Под пером Грасса образы еды приобретают повышенную лабильность и протестичность, перетекая в мортальное пространство. Однако автор идет еще дальше, вводя их в библейский контекст и профанируя его высокое сакральное содержание. Внимание обращает на себя хронотоп обеда из угрей в Страстную пятницу, служащую точкой отсчета мучений матушки, которые вызывают ассоциации со Страстями Господними, в связи с чем образ героини оказывается в непосредственной близости к фигуре Христа (заметим, что на протяжении всего повествования родительница Оскара отождествляется также с Девой Марией, а он сам – со Спасителем). Библейские коннотации приобретает и образ угря, не столько отсылающий к образу рыбы как древнейшему символу христианства, сколько демонстрирующий очевидное сходство со змеей и рождающий ассоциации со Змием-искусителем, соблазнившем в приснопамятные времена первую женщину и способствовавшим тем самым привнесению в мир первородного греха, расплатой за который явилась смерть. Кроме того, образу угря сопутствуют фаллические коннотации, коррелирующие с сексуальной ненасытностью Агнес и совершаемым ею грехом прелюбодеяния. В «Жестяном барабане» библейская ситуация грехопадения повторяется в гротескно-сниженном виде, достигая своей кульминации в романном перифразе: «...угорь от угря, ибо угорь ты и в угря возвратишься» [3, с. 201]. Уподобление человека угрю обесценивает человеческое существование значительнее, чем библейское «ибо прах ты и в прах возвратишься». Тем более что угорь предстает в подчеркнуто натуралистической ипостаси как трупоед. Если продолжить ассоциативный ряд, то и герои Грасса, и человек вообще тоже являются пожирателями мертвечины. Если же вспомнить о том, что мы есть то, что мы едим, то финал земного существования выглядит вполне логичным и предрешенным.

Ю. Ю. Данилкова считает, что эпизод с поеданием угрей служит приземленной метафорической отсылкой к христианскому таинству Евхаристии: Агнес «как бы “причащается” тела своего отца Йозефа Коляйчека, поджигателя, который, спасаясь от преследования, возможно, утонул под плотами. Таким образом, она соединяется с отцом, вкушая от его плоти» [6, с. 7].

В мире «Жестяного барабана» смерть правит бал: гибель одних смертных существ продлит на какое-то время существование других смертных существ. Эту истину Грасс облакает в емкий глуттонический образ пищевой цепочки: угри пожирают мертвую лошадь, угрей терзают чайки и едят люди, и те и другие становятся после смерти продуктом потребления для подземных обитателей. Всех их роднит отталкивающая глуттоническая жадность. Тошнотворны присосавшиеся к падали угри, отвратительна плотская разнузданность и агрессивная витальность орущих чаек, выхватывающих у людей их улов, не менее омерзительны жестокий рыбак, сажающий свою еще живую добычу в мешок с солью, и Мацерат, помогающий браконьеру в осуществлении его живодерских действий, а затем задешево покупающий змееподобных рыб, добывающий и разделяющий их на своей кухне. В этой пищевой цепочке человек абсолютно уравнен с представителями животного мира: он не венец творения, а тварное существо, живущее исключительно физиологическими потребностями, полное фиаско божественного проекта.

Но окончательная девальвация человеческой природы происходит в дальнейших романских главах, посвященных уже не частной истории нелепой и жестокой гибели от чрево-

угодия и похоти, а истории в ее глобальном всемирном измерении или, точнее, одному из знаковых и ключевых ее эпизодов – Холокосту. В представлении этой гуманистической и гуманитарной катастрофы Грасс вновь прибегает к глуттонической образности, что могло бы показаться чем-то непозволительно-кощунственным, если бы не эффект шоковой терапии, производимый подобными сравнениями несравнимых на первый взгляд феноменов – массового истребления людей и потребления пищи.

В главе «Вера, надежда, любовь», стилизованной под рождественскую сказку, показано извращенное состояние современного мира. Христианское учение с его проповедью любви к ближнему дискредитировало себя в эпоху массового человекоубийства, поэтому и образ любви представлен в сниженном виде как взаимное кусание редисок, каждая из которых эгоистически желает удовольствий только для себя. Прием деперсонализации демонстрирует утрату индивидуального и собственно человеческого начала в людях.

Множатся дьявольские личины Христа – Деда Мороза, в которого как в спасителя продолжают верить инфантильные взрослые дети, но который на деле оборачивается небесным газовщиком – Гитлером, пускающим по трубам печей, то ли на кухнях немцев, то ли в концлагерях, газ, пахнущий как рождественский миндаль. А легковверные обыватели продолжают жить фальшивой надеждой, которую в виде традиционного немецкого блюда – начиненных колбас – продают христианские проповедники, читающие пастве тринадцатую главу из Первого послания к Коринфянам.

«Я спаситель этого мира, без меня вы не сможете стряпать» [3, с. 249], – перифраз из Библии, который автор приписывает Сыну Божьему – мяснику, отворачивающему газовые краны и пускающему по трубам Святого Духа, «дабы отваришь голубя» [3, с. 249], а затем начинающего фальшивыми обещаниями книги-колбасы и главную из них – Библию. Грасс создает многослойную развернутую метафорическую ситуацию, в которой потребление идей приравнивается к поеданию хорошо усваивающихся дешевых сортов колбас. Фашизм и христианство не только не являются в трактовке картины перевернутого мира антагонистическими доктринами, но и переплавляются друг в друга, создавая конгломерат идеологической лжи.

Действительность в романной трактовке предстает гигантской кухней, на которой каждый занят лишь удовлетворением естественных потребностей – насыщением желудка. Образ поддерживающего этот сугубо биологический миропорядок Бога сближается с символической фигурой Черной кухарки, возникающей первоначально в детском стишке. «Крещеные язычники» [3, с. 99] – жестокие соседские дети, накормившие насильно Оскара супом, сваренным из лягушки, мочи и молотого кирпича, не случайно призывают во время своих злых игр хтоническое существо – Черную кухарку, посланницу дьявола. Именно детям, чьи образы в романе бесконечно далеки от традиционного в культуре светлого восприятия невинного возраста, открыта дионисийская истина, касающаяся бессмысленности замкнутого в круг потерь и смертей земного существования, как единичного, так и общечеловеческого.

Фигура Черной кухарки неотступно преследует повзрослевшего главного героя, знаменуя своим появлением переломные моменты его жизни, периоды тяжких испытаний. Критики считают, что этот лейтмотивный образ символически воплощает мучающее героя чувство вины [16, с. 72]: Оскар косвенно замешан в гибели матери, двух отцов, любовницы Розвиты и, возможно, сестры Доротеи. Мотив вины, действительно, важен в произведении, и трактовать его следует широко, не ограничивая частной сферой межличностных отношений Оскара и его близких. Это еще и вина всей нации за фашистские преступления, воплощенная в одном из излюбленных автором глуттонических образов чистки лука (вспомним более позднюю автобиографическую книгу Грасса «Луковица памяти»). Собравшиеся в «Луковом погребке» немцы, пресытившиеся плодами экономического чуда в послевоенной ФРГ, изживают свои индивидуальные и общенациональные психологические травмы и комплексы в процессе разрезания луковиц – своего рода пародии на психотерапевтический сеанс. Данный романтический эпизод наполнен горькой иронией по поводу невозможности истинного катарсиса, то есть неспособности соотечественников писателя вспоминать и осмысливать неизжитое прошлое: слезы предательски размывают контуры ушедшего, не принося благотворного покаяния – открытого и искреннего. Загнанные глубоко внутрь угрызения совести выходят наружу в подмененно-сублимированном виде. Образ чистки лука – метафорический суррогат расчета с гитлеризмом – актуализирует болезненную для германского общества и потому табуизированную тему нацистского прошлого.

Но вернемся к образу Черной кухарки, емкое идейное наполнение которого не сводится только к мукам совести. Он концентрирует в себе антигуманную темную сущность

как внешнего мира по отношению к человеку, так и его собственной порочной природы. Над Оскаром, как и над любым иным представителем человеческого рода, тяготеет проклятие исконной экзистенциальной виновности и несовершенства (не случайно герой даже внешне уродец), что и обуславливает неизбежность трагического финала его земного существования.

Выбравший прижизненную смерть – заточение в психиатрической лечебнице – Оскар, готовый отдаться в руки санитарам, оказывается добычей Черной кухарки, которая поджидает его, возносящегося по эскалатору, на верхней ступени, где в соответствии с библейской историей героя-страстотерпца должны поджидать посланники Рая.

Финальные строки «Жестяного барабана» запечатлевают безоговорочную победу Черной кухарки:

«Еще с каких пор за мной по пятам шла Черная кухарка.
А теперь она выходит мне навстречу, черная.
Слова, пальто отдала перелицевать, черная.
Платит черной валютой на рынке.
А вот дети, когда они поют, больше не поют:
Где у нас кухарка, Черная кухарка?
Здесь она, здесь она быть должна, Быть должн-а-а!» [3, с. 731].

Итак, образы еды и связанных с нею феноменов выполняют в произведении Гюнтера Грасса разнообразные функции: задают развитие сюжетного действия; маркируют исторический период и особенности его социально-политической и экономической ситуации; служат характеристикой героев (их социального статуса, поведения, мировоззрения, психологического состояния); моделируют аксиосферу немецкого филистера; придают бытовым и частным проявлениям жизни обобщенный символическо-метафорический смысл и вводят в романский дискурс мифологическое измерение. Используемые в прямом и переносном значениях, глуттонические образы «Жестяного барабана» складываются в подобие идейно-художественного кода, расшифровка которого позволяет проникнуть в глубинные слои грассовского повествования и реконструировать представленную в нем пессимистическую концепцию кризисного состояния мира и человека.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Philosophical society USSR, 1990. 246 с.
2. Бидерман Г. Энциклопедия символов / пер. с нем., общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. М. : Республика, 1996. 335 с.
3. Грасс Г. Жестяной барабан / пер с нем. С. Фридлянд. СПб. : Азбука, 2000. 733 с.
4. Грасс Г. Из дневника улитки / пер. с нем. Е. Кацевой, Е. Михелевич. СПб. : Амфора, 1999. 319 с.
5. Грасс Г. Продолжение следует... Нобелевская лекция // Иностранная литература. 2000. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/5/prodolzhenie-sleduet.html> (дата обращения: 23.11.2024).
6. Данилкова Ю. Ю. Жанровая специфика романа Г. Грасса «Жестяной барабан» // Журнал филологических исследований. 2019. № 1. С. 2–7.
7. Скульптор прозы и – реальности // Литературная газета. 12 октября 2022. URL: <https://lgz.ru/article/skulptor-prozy-i-realnosti/> (дата обращения: 23.11.2024).
8. Фрейдентберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 448 с.
9. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. М. : РИПОЛ классик, 2016. 368 с.
10. Grass G. Werkausgabe in zehn Bänden. Bd. X: Gespräche mit Günter Grass. Darmstadt, Neuwied : Luchterhand, 1987. 511 S.
11. Hüppauf B. Günter Grass – Unordentliche Erinnerungen gegen die Ordnung der Geschichte // Skepsis und literarische Imagination / Hrsg. von B. Hüppauf und K. Vieweg. München : Wilhelm Fink Verl., 2003. S. 233–255.
12. Neuhaus V. “...können Kochen und Essen auch töten” // Küchenzettel / Hrsg. von V. Neuhaus and A. Weyer. Frankfurt A. M. : Peter Lang, 2007. S. 9–21.
13. Niemann A. An “Innocent” Desire: Food in Günter Grass’s “The Tin Drum”. URL: <https://ruor.uottawa.ca/bitstream/10393/41062/1/confetti-vol.-2-2016-125-135%20niemann.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).
14. Ratekin T. ‘Enjoy your fish!’ Eating and Perversion in “The Tin Drum” (Günter Grass) // CEA Critic 69. 2006. 1–2. Pp. 25–33.
15. Sosnoski M. K. Oskar’s Hungry Witch // Modern Fiction Studies. 17.01.1971. Pp. 61–80.
16. Tank K. L. Günter Grass. Berlin : Colloquium-Verl., Otto H. Hess, 1965. 94 S.

The glutton code in the novel by G. Grass "The Tin Drum"

Vorotnikova Anna Eduardovna

Doctor of Philology, associate professor, professor of the Department of French Language and Foreign Languages for non-linguistic specialties, Voronezh State Pedagogical University. Russia, Voronezh.
ORCID: 0000-0002-5887-2034. E-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to determine the ideological and artistic functions of the images of food and related processes of cooking and eating in the novel "The Tin Drum" by Günter Grass. The glutton code in the main work of the German writer, the Nobel Prize winner, remains undeciphered to the end, which gives relevance to the conducted research. Culinary and gastronomic phenomena from Grass's novel, which rarely become the subject of special consideration, provide access to the sphere of everyday existence of Germans, and through it to the axiosphere, to the fundamental foundations of the socio-political life of Germany, its history and culture in the first half of the 20th century. A comprehensive analysis of the gluttonous images in "The Tin Drum" is carried out based on cultural-historical, psychoanalytic, mythological and hermeneutic research methods.

The article substantiates the educational strategy of Grass, who prefers (self-)cognition through the sensory perception of reality to abstract philosophical constructions. A skeptical attitude towards historical metanarratives that obscure and falsify the true content of crucial events in the life of the German society in the first half of the twentieth century forces the writer to turn to the unrepresentable sphere of everyday life, in the bosom of which ordinary fascism was formed. Gastronomic imagery as an integral component of philistine everyday life performs diverse functions in the "The Tin Drum": it models the plot development, reveals the peculiarities of the psychology of the German philistine, characterizes the socio-political and economic situation in Germany in different historical periods, serves as a prism highlighting the deep philosophical meanings of the novel narrative. Images of food, its preparation and consumption are invariably immersed in the context of irony, satire and grotesque. Special attention is paid to the metaphorical and symbolic content of glutton imagery, which arises in close connection with sex and death, is associated with destructive manifestations of human nature and destructive processes of history and, as a result, acquires predominantly negative connotations in the novel. It is concluded that deciphering the glutton code in the "The Tin Drum" contributes to a deeper penetration into the author's idea and serves to reconstruct the picture of the world in a state of spiritual and moral decay.

The results of the study, enriching the vision of G. Grass's novelistic work and expanding ideas about the phenomenon of food and its functions in a work of art, can be useful both for German specialists and for anyone interested in foreign literature.

Keywords: glutton images, code, function, metaphor, death, philistine, history, fascism.

References

1. Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. M. Filosofskoe obshchestvo SSSR (Philosophic society of USSR), 1990. 246 p.
2. Biedermann G. *Enciklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols] / transl. from German / gen. ed. and preface by I. S. Svetsitskaya. M. Respublika, 1996. 335 p.
3. Grass G. *Zhestyanoj baraban* [The Tin Drum] / transl. from German by S. Fridlyand. SPb. Azbuka, 2000. 733 p.
4. Grass G. *Iz dnevnika ulitki* [From the Diary of a Snail] / transl. from German by E. Katseva, E. Mikhelevich. SPb. Amfora, 1999. 319 p.
5. Grass G. *Prodolzhenie sleduet... Nobelevskaya lekcija* [To be continued... The Nobel lecture] // *Inostrannaya literatura*-Foreign Literature. 2000, No. 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/5/prodolzhenie-sleduet.html> (date accessed: 23.11.2024).
6. Danilkova Yu. Yu. *Zhanrovaya specifika romana G. Grassa "Zhestyanoj baraban"* [Genre specificity of the novel by G. Grass "The Tin Drum"] // *Zhurnal filologicheskix issledovanij*-Journal of Philological Research. 2019. No. 1. Pp. 2–7.
7. *Skul'ptor prozy i-realnosti* [The sculptor of prose and-reality] // *Literaturnaya gazeta*-Literary newspaper. 12 October 2022. Available at: <https://lgz.ru/article/skulptor-prozy-i-realnosti/> (date accessed: 23.11.2024).
8. Freidenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [The poetics of plot and genre]. M. Labirint, 1997. 448 p.
9. Schopenhauer A. *Aforizmy zhitejskoj mudrosti* [Aphorisms of worldly wisdom] / transl. from German by Yu. I. Aikhenwald. M. RIPOL klassik, 2016. 368 p.
10. Grass G. *Werkausgabe in zehn Bänden*. Bd. X: Gespräche mit Günter Grass. Darmstadt, Neuwied : Luchterhand, 1987. 511 S.
11. Hüppauf B. Günter Grass-Unordentliche Erinnerungen gegen die Ordnung der Geschichte // Skepsis und literarische Imagination. Hrsg. von B. Hüppauf und K. Vieweg. München : Wilhelm Fink Verl., 2003. S. 233–255.
12. Neuhaus V. "...können Kochen und Essen auch töten" // *Küchenzettel*. Hrsg. von V. Neuhaus and A. Weyer. Frankfurt A. M. : Peter Lang, 2007. S. 9–21.
13. Niemann A. An "Innocent" Desire: Food in Günter Grass's "The Tin Drum". Available at: <https://ruor.uottawa.ca/bitstream/10393/41062/1/confetti-vol-2-2016-125-135%20niemann.pdf> (date accessed: 23.11.2024).

14. Ratekin T. 'Enjoy your fish!' Eating and Perversion in "The Tin Drum" (Günter Grass) // CEA Critic 69. 1-2 (2006). Pp. 25-33.
15. Sosnoski M. K. Oskar's Hungry Witch / M. K. Sosnoski // Modern Fiction Studies 17.01. 1971. Pp. 61-80.
16. Tank K. L. Günter Grass. Berlin : Colloquium-Verl., Otto H. Hess, 1965. 94 S.

Поступила в редакцию: 23.12.2024

Принята к публикации: 28.03.2025

Категория памяти в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Бондарчук Елена Михайловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных систем и права, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева. Россия, г. Самара.

ORCID: 0000-0002-1021-5684. E-mail: elena_bondarchuk@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении способов экспликации проблемы памяти в поэтике «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Актуальность исследования связана с тем, что категория памяти и проблематика, связанная с ней, несмотря на центральное положение, представляет собой малоосвоенный аспект поэтики романа «Братья Карамазовы». Предметом исследования является глава «В лакейской» (ч. I, кн. III «Сладострастники»), имеющая экспозиционный характер, раскрывающая один из аспектов предыстории романских событий, который связан с второстепенным героем – Григорием Кутузовым. Научная новизна состоит в выявлении соотношений между свойствами памяти и художественными способами (средствами) их выражения. Основное внимание автор статьи сосредотачивает на ряде художественных приемов, которые репрезентируют категорию памяти и раскрывают авторское сознание. Рассматривается: а) инверсия как способ развертки временных смыслов, основанный на нарушении привычного порядка вещей, создающий эффект смены перспективы в повествовании (от конкретного к абстрактному, от бытового к бытийному), раскрывающий авторскую игру; б) антитеза как способ усиления напряженности, которая снимается возможностью дальнейшего движения; в) диалог как прием драматургической техники Ф. М. Достоевского; г) предмет-символ, создающий «ценностное уплотнение мира» вокруг героя, выполняющий роль смыслового контрапункта и реперной точки в движении сюжета. Установлено, что поэтическая закономерность, действие которой выражается в диалектическом свертывании и развертывании художественных смыслов, является одним из способов раскрытия многомерности поэтики романа «Братья Карамазовы». Результаты исследования могут быть использованы на спецкурсе, посвященном изучению творчества Ф. М. Достоевского, в высших учебных заведениях, а также при анализе художественных текстов, имеющих сложную поэтику.

Ключевые слова: инверсия, антитеза, предмет-символ, книга, память, поэтика, сакральное, профанное.

Несмотря на колоссальное количество публикаций, истолковывающих идейно-художественное своеобразие романа «Братья Карамазовы» (далее – БК), многое в его поэтике по-прежнему остается в зоне эстетически непроявленного. «Чем более масштабна авторская индивидуальность писателя, тем более сокровенную тайну содержит в себе его творческое наследие и тем больше вопросов ставит она перед читателями и исследователями» [3; 13]. Таким малоосвоенным аспектом БК является проблематика, связанная с категорией памяти, которая, как ни парадоксально, является центральной в романе. Категория памяти не только тесно связана со всеми элементами поэтики, формирующими систему эстетически действенных свойств произведения, но во многом определяет их содержание. В этой связи изучение экспликации памяти в поэтике романа Ф. М. Достоевского является актуальной целью.

Материалом для исследования послужила глава «В лакейской» книги третьей «Сладострастники» романа БК. Ее содержание имеет экспозиционный характер, отсылает к предыстории, к временам, в которых содержатся явные и неявные причины событий, свершившихся впоследствии. Совокупность бытовых подробностей, которые извлекает из своей памяти повествователь, претерпевает трансформацию и приобретает метафизическое значение, формируя контуры памяти автора.

Теоретическую базу исследования составили труды по семиотике Ю. М. Лотмана, Н. Г. Брагиной, по когнитивной лингвистике – труды Е. С. Кубряковой, по структурно-семиотической теории – труды Е. Фарина, М. В. Лисник, по достоевистике – труды Р. Л. Бэлнепа, Г. Я. Галаган, Т. А. Касаткиной, С. А. Скуридиной, Д. Э. Томпсон. В исследовании художественного текста применен структурно-семиотический метод.

С точки зрения Д. Э. Томпсон, категория памяти присутствует в поэтике БК даже в большей степени, чем в других романах Ф. М. Достоевского и характеризуется «всеохватно-

стью». Во-первых, категория памяти «синтезирует основные темы романа», определяя идейное содержание, во-вторых, память присутствует как тема – о ней рассуждают два главных героя Зосима и Алеша, и, наконец, в-третьих, категория памяти оказала влияние на форму произведения – роман первоначально был задуман как вымышленные мемуары, в которых должен был воплотиться целый комплекс разнообразного оставшегося в памяти автора материала [18, с. 35]. Такое генерализующее свойство памяти – следствие специфического «порождающего механизма» ее деятельности (Ю. М. Лотман, Е. С. Кубрякова), в результате чего возникают, «генерируются» разнообразные смысловые «развертки» (метафоры) [12, с. 90]. Причем логика их возникновения далеко не всегда ясна и прозрачна, отмечает Л. М. Бондарева, развивая идею Е. С. Кубряковой, и следовательно, трудно поддается объяснению, создавая, таким образом, представление «о работе в сознании человека неких таинственных иррациональных сил, которые действуют по своим собственным законам и отличаются крайней произвольностью, зыбкостью и обманчивостью» [2, с. 21]. С другой стороны, Н. Г. Брагина утверждает, что «слово-конструкт «память» относится к «идеальному лексикону», «к гипотезированному» [9, с. 182] или платоновскому языку. В отношении таких слов уместен вопрос: Что есть Р? Например, Что есть вечность / память / красота? Этот вопрос провоцирует множественность ответов, которые могут иметь формат дефиниций, интерпретаций, рассуждений, описаний, диалогов между философами по образованию и/или по велению души и т. д. Циклическое возобновление вопроса: Что есть Р? удовлетворяет «потребность в трансцендентном» [4, с. 20; 6, с. 425–426]. Таким образом, память осуществляет бесконечно разнообразное продуцирование, трансформацию разноуровневых смыслов (через метаморфозу, синтез и распад), формирование доминант и периферийных слоев. В этой связи можно выделить несколько ключевых характеристик, которые присущи памяти, – динамика, нелинейность, наличие реперных (исходных) точек. В сюжете БК эти характеристики реализуются посредством вполне традиционных художественных приемов. Речь идет: а) об инверсии как способе развертки временных смыслов, основанном на нарушении привычного порядка вещей, вплоть до разворота смыслов от конкретного к абстрактному, от бытового к бытийному, б) об антитезе; в) о предметах-символах (вещах-символах), которые имеют непосредственную связь с категорией памяти, создают «ценностное уплотнение мира» вокруг героя [1, с. 22]. В данной статье анализ экспликаций категории память осуществляется на основе главы 1 «В лакейской» (кн. III «Сладострастники»). В центре внимания повествователя находятся события из жизни персонажей второго плана – служебных лиц (Григория Васильевича Кутузова, его жены Марфы Игнатьевны), которые, однако, сыграли значительную роль в жизни всех сыновей Федора Павловича и в истории семьи в целом. Название первой главы отсылает к локусу домашнего закулисья – условному заднему плану дома, где разворачиваются сценарии своих (закулисных) событий, не предназначенные для посторонних глаз, но отголоски которых «слышны» и на переднем плане – в комнатах хозяев. Глава является частью развернутой экспозиции и в силу этого сообщает сведения давних времен, которые носят характер отправной точки в движении сюжета. Они фрагментарны и разнородны, но едины и сплошны как часть устоявшегося общественного мнения обывателей Скотопригоньевска (ср. сходные примеры гл. 1, 2, 3, 4 книги первой «История одной семейки»). Диалоги героев, включенные в экспозиционный контекст, выполняют особую художественную функцию сближения времен, «подтягивания» прошедшего, создания эффекта условного настоящего времени. Такой способ «перетасовки» времен, выделения смысловой доминанты, в полной мере не имеющий рационального объяснения, присущ механизму памяти. Увеличенный мощной линзой внимания повествователя, диалог воспринимается выпукло в однородной речевой структуре рассказа, состоящей из суждений и описаний. В достоевистике в этой связи говорят о драматургичности как о выраженной черте поэтики Ф. М. Достоевского, свидетельство тому «обилие режиссерских, по существу, ремарок, пропуск глаголов говорения, введение масок, марионеток, изображение описываемого действия как театрального, постоянное употребление в этих случаях таких слов, как театр, сцена, кулисы, декорация, антракт, публика, роль и т. д.» [17; 19].

Глава «В лакейской» открывается описанием местоположения, внешнего вида, внутреннего пространства ключевого для сюжета топоса – дома Федора Павловича Карамазова. Все, что повествователь извлекает из собственной памяти о доме Карамазова (факты, слухи, догадки, предположения), а также безыскусность описания формируют житейски-повседневный, обыденный, профанный образ пространства, замкнутого на самом себе. Появление перспективы, расширение смыслов за счет возникновения метафизического и экзистенциального планов

осуществляется в пространстве авторского сознания, которое выявляется внутри дискурса повествователя. Переход к авторскому сознанию и соответственно к смыслам иного (бытийного) уровня происходит, например, через синтаксическую инверсию простого типа, где предикат предшествует подлежащему и открывает предложение: «*Был он [дом. – прим. Е. Б.] довольно ветх...*», «*Много было в нем [в доме. – прим. Е. Б.] разных чуланчиков...*» [10, с. 85]. А. В. Павлова пишет об инверсии как о понятии относительном, которое может как прием иметь разные значения [16, с. 76]. Инверсированность фраз в речи повествователя органична. Это маркер разговорности, присутствующий наряду с другими чертами – удвоением слов, неполнотой предложений, эллиптичностью и пр., назначение которых интенсифицировать изложение, усилить экспрессию. Как фигура речи инверсия в данном случае не предполагает процесса глубокого смыслопорождения и подтекстов. Но когда речь идет о переворачивании перспективы, то «именно приему инверсии, в его кажущейся простоте, свойственно «переключать режим смысла», «как и раз и навсегда установленные явления либо понятия», «от механической перемены мест до полной качественной трансформации» [14, с. 28–29]. Происходит «переворачивание» по вертикали, и на первый план выходят бытийные процессы («*Был он довольно ветх...*»), открывается бесконечная даль и неопределенность мифопоэтического времени и пространства. Местоположение дома в городе раскрывается в формулах, близких к сказочному нарративу: не далеко и не близко, а в середине – «стоял далеко не в самом центре города, но и не совсем на окраине» [10, с. 85]. Однако в рамках одной фразы может быть выявлено сложное сосуществование сознаний повествователя и автора. Эмпирический и метафизический планы находятся в «сложном и органичном переплетении в романах Достоевского» [7, с. 76], поэтому переход незаметен, трудноуловим и сложен для маркировки. Например, в описании внутреннего пространства дома также используется инверсия («*Много было в нем разных чуланчиков, разных прятков и неожиданных лесенок*») [10, с. 85], в ней присутствует еще и отзвук инверсии предыдущего предложения («*Был он ветх...*»), служащей выходом в свободу мифопоэтического универсума, однако ряд диминутивов упрощает повествование, придает ему сниженное звучание и явную разговорную игривость. Происходит резкое (вплоть до карикатурности) сокращение масштабов хронотопа – от бесконечности к дробным, малым, замкнутым локусам (чуланчик, прятки, лесенки). Повествование профанируется в житейскую конкретику, возвращается доминанта сознания повествователя, которая очевидна уже следующем предложении с инверсией разговорного плана: «*Водились в нем крысы, но Федор Павлович на них не вполне сердился...*» [10, с. 85]. Таким образом, цепочка инверсий нарушается тонкой, неочевидной, спрятанной иронией автора. Инверсирование и деинверсирование создают эффект смены перспективы в повествовании и являются частью авторской игры.

На сказочный хронотоп наслаивается семейно-идиллический, связанный с топосом «семейного гнезда». В соответствии с семейно-идиллической традицией дом Федора Павловича имеет множество черт, характеризующих его как гармоничное пространство, не чуждое «поэзии счастливого быта»: «наружность имел приятную», «мог еще простоять очень долго, был поместителен и уютен», «был построен на большую семью: и господ, и слуг можно было бы поместить впятеро больше» [10, с. 85–86]. Вместе с тем описание строится на антитезе «возможного» (идиллический образ, замысел) и «ущербного настоящего». И реальность «в момент нашего рассказа о нем» [10, с. 85] в сближении с семейно-идиллическим образом выглядит предельно оголенной и неприглядной: дом ветх, пуст, в нем водятся крысы, которые «развлекают» хозяина дома по вечерам. Реальность «царства раздора» [8, с. 175] в случайном семействе вытесняет семейно-идиллический хронотоп. Но этот деструктивный образ не абсолютен. Достоевский уходит от однозначности, и в речи повествователя обнаруживается тяготение к «положительному полюсу антитезы» – суждения о возможности «дления» жизни, построенные по схемам «А, но В», «Впрочем В», «Вообще В», где А – отрицательная черта, В – положительная: «*Был довольно ветх, но наружность имел приятную...*», «*Впрочем, мог еще простоять очень долго...*», «*Вообще дом был построен на большую семью...*» [10, с. 85].

В модели идиллического времени находится управитель закулисного пространства Григорий Кутузов. Он «преданно служит» не столько своему господину, сколько этому образу времени, являясь столпом домашнего уклада и оказывая на барина своей твердостью, честностью и неподкупностью «влияние неоспоримое». Правота прежнего уклада жизни для него непререкаема как истина и сохранение верности ей – «ихний таперича долг» [10, с. 86].

«– Ты понимаешь ли, что есть долг? – обратился он к Марфе Игнатьевне.

– Про долг я понимаю, Григорий Васильевич, но какой нам тут долг, чтобы нам здесь остаться, того ничего не пойму, – ответила твердо Марфа Игнатьевна.

– И не понимай, а оно так будет. Впредь молчи» [10, с. 86].

В разговоре Григория с женой Марфой Игнатьевной понятие долг получает не столько толкование, сколько оказывается под запретом на обсуждение. Этот внешне малозначительный эпизод выглядит неоправданно подробным, если его содержание рассматривать с точки зрения объяснения, почему Григорий и Марфа остались в доме Карамазова. Однако в ретроспективном просматривании сюжета, когда все события уже произошли и рассказ о них также завершен, вопрос приобретает концептуальный объем. В этом разрезе вопрос Григория начинает восприниматься как эссенциальный – это вопрос о существовании идеального понятия «долг». При этом конкретика ситуации становится совершенно несущественной и отодвигается на задний план как нечто третьестепенное. Важен сам факт постановки вопроса в художественном целом романа, для чего используется драматургический прием введения диалога в сообщение повествователя о прошлом. И практически все герои романа (в том числе эпизодические и не имеющие имени, например, мужики, которые работали на Трифона Борисовича) оказываются вовлечены в систему связей (денежных и нравственных), вопросов и ответов, размышлений, которые формируются материальным и этическим понятием «долг», приобретающим вневременной характер и имеющим тесную связь с категорией памяти (апроприированным памятью). Созданная в контексте «долга» система обязательств и связей актуализируется в текущем настоящем времени и определяет события и судьбы в будущем.

Это своего рода реперная точка идейного содержания романа, которая в рамках сюжета разворачивается в разветвленную систему мотивов. И эта «система причинно-следственных связей столь сложна, что в действительности наш ум в состоянии охватить лишь незначительную часть причин, предшествующих событию, на которое они воздействуют» [5, с. 87]. Р. Л. Бэлнеп отмечает, что талант Достоевского заключается отнюдь не в подробном воспроизведении этой системы через подробное описание, но в создании повествовательной структуры, способной генерировать все потенциальные смыслы, восстанавливать связи между отдельными фактами, разрозненными событиями.

Мотивная развертка смыслов в поэтике романа в целом и в рассматриваемой главе в частности сочетается со своей диалектической противоположностью – со сворачиванием смысловых линий в пространственную структуру образа-символа, который связан с категорией памяти. В главе «В лакейской» таким символом выступают книги. В мире Достоевского предметы существуют преимущественно в развеществленном виде, в данном случае книга входит в сюжет через упоминание названия и метонимично – через действия, связанные с ней (чтение). «По замечанию Марфы Игнатьевны, он [Григорий. – прим. Е. Б.], с самой той могилки, стал по преимуществу заниматься «божественным», читал Четии-Минеи, больше молча и один, каждый раз надевая большие свои серебряные круглые очки» [10, с. 89]. Т. А. Касаткина отмечает, что «упомянутые священные календарные книги (Святцы и Четьи-Минеи), должны определить восприятие читателем дат <...>, играют роль своего рода фокусов, сосредоточившись в/на каждом из которых, читатель имеет возможность увидеть весь роман целостно в определенном ракурсе. Каждый такой фокус будет, помимо прочего, прояснять кажущиеся странными и нелепыми (и даже элементами «плохого стиля») построения фраз в романе» [11, с. 27]. Известно, что другую книгу – Список слов и проповедей «богоносного отца нашего Исаака Сирина» Григорий «добыл откуда-то». В предикате явно делается акцент на применении некоторых усилий (не взял, не принес, не купил), но при этом источник сохраняется в тайне, остается в зоне недосказанного. Начало ритуала чтения книг соотносится с кризисным, пороговым эпизодом в жизни Григория, связанным с рождением и смертью. В мистико-мистерийных переживаниях Григория выделяются два цикла. Первый включает надежду на рождение сына (ему предшествует упоминание о том, что Григорий любил детей и не скрывал этого); рождение шестипалого сына; пережитое от этого факта потрясение, равное смерти («был <...> убит», ребенок «поразил его сердце скорбью и ужасом») [10, с. 88]; отказ от крещения сына и именование его «драконом»; смерть сына. Потрясение было вызвано противоречием между правильной жизнью Григория, «непреложными истинами», которые он сам себе определял и в подлинности которых был уверен, и рождением «шестипалого дракона». Рождение символизирует дар, подарок, «возникает связь с небом», которое, как отмечает С. А. Скуридина, почему-то <...> «подкладывает свинью» [17, с. 93]. Трехдневное молчание Григория, уход в сад и вскапывание грядок представляет собой «материализацию» метафоры «духовного возделывания», в результате которого он «нечто

сообразил». Второй цикл связан с новым «даром», который Григорий получает в день похорон своего сына. Обнаружение новорожденного младенца юродивой Лизаветы Смердящей в inferнальном топосе бани, находящейся в саду дома Карамазова; переживание нового потрясения (остолбенение – омертвление); принятие младенца на воспитание. Отличие второго цикла состоит в смене индивидуального определения «непреложных истин» на поиск истин в «божественных» книгах. «Книга в сюжетном движении открывает возможность выхода в пространство вневременных смыслов, которую герои оказываются способны либо не способны <...> осуществить. Вместе с тем «книга» выступает в функции «предела» (границы), к которому неявно устремлены сюжетные события, предшествующие ее появлению, и от которого начинается отсчет последующих событий...» [3, с. 94–95]. Чтение наделяется некоей охранительной функцией и как ритуал содержит обязательные действия: «Читал Четии-Минеи, больше молча и один, каждый раз надевая большие свои серебряные круглые очки. Редко читывал вслух, разве великим постом. Любил книгу Иова, добыл откуда-то список слов и проповедей «богоносного отца нашего Исаака Сирина», читал его упорно и многолетно, почти ровно ничего не понимал в нем, но за это-то, может быть, наиболее ценил и любил эту книгу» [10, с. 89]. Надевание серебряных круглых очков символизирует отрешение от текущего, но переключение в другую реальность имитируется, поскольку духовные смыслы для Григория остаются закрытыми. В результате «хожений» в духовные пространства свет не появляется, отсюда потребность героя в усилении действий – «стал прислушиваться и вникать в хлыстовщину» [10, с. 89]. История духовных исканий Григория подытоживается сатирически, подчеркивается внешнее преобразование героя: «Начетливость «от божественного», разумеется, придавала его физиономии еще пущую важность» [10, с. 89].

Заключение. Категория памяти в силу универсальности связана со всеми аспектами поэтики романа БК и оказывает влияние на их содержание. Каждый художественный элемент состоит из того малого, что «проявлено» в сюжете в условном настоящем времени, и того значительного, что относится к прошлому и апроприировано памятью. Ю. М. Лотман писал о принципе «панхронности» памяти, который «сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [15, с. 201]. Достоевский создает поэтическую структуру, в которой именно «пребывающее», под которым понимается бесконечный континуум смыслов, актуализируется и стремится к самообновлению во всей возможной полноте, формируя целостность художественного текста.

Выводы. Исследование экспликаций памяти в романе БК выявило поэтическую закономерность, которая выражается в диалектическом свертывании и развертывании художественных смыслов в многомерном целом романа. Значительная роль в раскрытии смысловой динамики в контексте проблематики памяти принадлежит таким художественным приемам, как инверсия (которая одновременно с деинверсированием создает эффект смены перспектив в повествовании, выражая авторскую игру); антитеза (напряженность, возникающая при противопоставлении, которая снимается возможностью дальнейшего движения); предмет-символ, выполняющий роль смыслового контрапункта и реперной точки в движении сюжета.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. Изд. 2-е. М. : Искусство, 1986. 445 с.
2. Бондарева Л. М. Когнитивный потенциал метафор памяти в текстах немецкоязычных воспоминаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 20–23.
3. Бондарчук Е. М. Книжная топка в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Т. 8. № 3 (31). С. 90–107.
4. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М. : Языки славянских культур, 2007. 520 с.
5. Бэллнеп Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых» / пер. с англ. СПб. : Академический проект, 1997. 144 с.
6. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994. С. 407–492.
7. Воловинская М. В. Драматургизм, сценичность, кинематографичность прозы Достоевского как теоретическая проблема // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 75–82.
8. Галаган Г. Я. «Царство» раздора и слуга Павел Смердяков // Достоевский. Материалы и исследования. Юбилейный сборник. СПб. : Наука, 2001. Т. 16. С. 175–187.
9. Делёз Ж. Логика смысла // Логика смысла. М. Фуко *Theatrum philosophicum*. М. : Раритет, Екатеринбург : Деловая книга, 1998. С. 10–437.
10. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского : в 30 т. Т. 14. Кн. I–X. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1976. 511 с.

11. Касаткина Т. А. Книга в книге и книга per se // Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / Т. А. Касаткина, К. Корбелла, Т. Г. Магарил-Ильяева, Н. Н. Подосокорский; отв. ред. Т. А. Касаткина. М. : ИМЛИ РАН, 2024. С. 13–31. 392 с.
12. Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. М. : Наука, 1991. 204 с.
13. Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 344 с.
14. Лисник М. В. Принцип инверсии как концептообразующий фактор // EESJ. Восточно-европейский научный журнал. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-inversii-kak-kontsepttoobrazuyushchij-faktor> (дата обращения: 08.12.2024).
15. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.
16. Павлова А. В. Психолингвистический аспект инверсии // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 73–80.
17. Скуридина С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж : Научная книга, 2007. 302 с.
18. Томпсон Д. Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. СПб. : Академический проект, 1999. 344 с.
19. Топоров В. Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 301–359.

The category of memory in the novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"

Bondarchuk Yelena Mikhailovna

PhD of Philological Science, associate professor, Department of Social Systems and Law, Samara National Research University n. a. academician S. P. Korolev. Russia, Samara. ORCID: 0000-0002-1021-5684.
E-mail: elena_bondarchuk@mail.ru

Abstract. The purpose of the research is to study the ways of explication of the problem of memory in the poetics of "The Brothers Karamazov" (hereinafter – BK) by F. M. Dostoevsky. The relevance of the study is due to the fact that the category of memory and the problems associated with it, despite the central position, is a little-explored aspect of the poetics of BK. The subject of the study is the chapter "In the footman's Room" (book III "The Voluptuaries"), which has an expository character, revealing one of the aspects of the prehistory of the novel's events, which is associated with a secondary character – Grigory Kutuzov. The scientific novelty consists in identifying the relationships between the properties of memory and the artistic methods (means) of their expression. The author of the article focuses on the artistic techniques of inversion, antithesis, dialogue (the use of F. M. Dostoevsky's dramatic technique), as well as on subject symbolism, which represent the category of memory and serve as a way of revealing the author's consciousness. It has been established that the poetic regularity, the action of which is expressed in the dialectical folding and unfolding of artistic meanings, is one of the ways of revealing the multidimensionality of the poetics of the novel BK. The results of the research can be used in a special course devoted to the study of the works of F.M. Dostoevsky, in higher educational institutions, as well as in the analysis of artistic texts with complex poetics.

Keywords: inversion, antithesis, symbolic object, book, memory, poetics, sacred, profane.

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity] // ed. by S. G. Bocharov. 2nd ed. M., Iskustvo (Art). 1986. 445 p.
2. Bondareva L. M. *Kognitivnyj potencial metafor pamjati v tekstah nemeckojazychnyh vospominanij* [The Cognitive Potential of Memory Metaphors in German-Language Memoir Texts] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philological sciences. Theoretical and practical issues. Tambov, Gramota, 2019. Vol. 12. Is. 4. Pp. 20–23.
3. Bondarchuk E. M. *Knizhnaja topika v romane F. M. Dostoevskogo "Brat'ja Karamazovy"* [Book Topics in the Novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija* – Herald of Tyumen State University. Humanitarian Research. Humanitates. 2022. Vol. 8. No. 3 (31). Pp. 90–107.
4. Bragina N. G. *Pamjat' v jazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. M., *Jazyki slavjanskih kul'tur* – Languages of Slavic cultures, 2007. 520 p.
5. Bjelnepe R. L. *Struktura "Brat'ev Karamazovyh"* [The structure of The Brothers Karamazov] / trans. from English. SPb., Akademicheskij proekt (Academic Project), 1997. 144 p.
6. Vitgenshteyn L. *Kul'tura i tsennost'* [Culture and Value] // *Filosofskiye raboty* – Philosophical Works. Part 1. M., Gnozis, 1994. Pp. 407–492.

7. Volovinskaja M. V. *Dramaturgizm, scenichnost', kinematografichnost' prozy Dostoevskogo kak teoreticheskaja problema* [Drama, theatrical quality, cinematography of Dostoevsky's prose as a theoretical problem] // *Gumanitarnye issledovanija. Istorija i filologija* – Humanitarian studies. History and philology. 2023. No. 9. Pp. 75–82.
8. Galagan G. Ja. *"Carstvo" razdora i sluga Pavel Smerdyakov* ["The Kingdom" of Discord and the Servant Pavel Smerdyakov] // *Dostoevskij. Materialy i issledovanija. Jubilejnyj sbornik* – Dostoevsky. Materials and Research. Anniversary Collection. SPb., Nauka (Science), 2001. Vol. 16. Pp. 175–187.
9. Deloz Z. H. *Logika smysla* [The logic of meaning] // *Fuko M. Theatrum philosophicum* [Theatrum philosophicum]. M., Raritet (Rarity); Yekaterinburg, Delovaya kniga (Business book), 1998. Pp. 10–437.
10. Dostoevskij F. M. *Brat'ja Karamazovy: roman* ["The Brothers Karamazov": a novel] / F. M. Dostoevskij. *Polnoe sobranie sochinenij F. M. Dostoevskogo v 30-ti tomah* – F. M. Dostoevsky. Complete Works of F. M. Dostoevsky in 30 vols.]. Vol. 14. Books I–X. L., Nauka (Science), Leningrad branch. 1976. 511 p.
11. Kasatkina T. A. *Kniga v knige i kniga per se* [A book within a book and a book per se] // *Knigi v knige. Rol' i obraz knigi v romane F. M. Dostoevskogo "Idiot"* – Books in a book. The role and image of the book in the novel by F. M. Dostoevsky "Idiot" / Kasatkina T. A., Korbella K., Magaril-Il'jaeva T. G., Podosokorskij N. N. M., IMLI RAN, 2024. Pp. 13–31.
12. Kubrjakova E. S. *Ob odnom fragmente konceptual'nogo analiza slova pamjat'* [On one fragment of conceptual analysis of the word memory] // *Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty* – Logical analysis of language. Cultural concepts. M., Nauka (Science), 1991. 204 p.
13. Larkovich D. V. G. R. *Derzhavin i hudozhestvennaja kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniya: monografija* [G. R. Derzhavin and the artistic culture of his time: the formation of individual author's consciousness: monograph]. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural University, 2011. 344 p.
14. Lisnik M. V. *Princip inversii kak konceptoobrazujushhij faktor* [The principle of inversion as a concept-forming factor] // *EESJ. Vostochno-evropejskij nauchnyj zhurnal* – EESJ. East European Scientific Journal. 2015. No. 3. Pp. 27–32.
15. Lotman Ju. M. *Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii* [Memory in cultural studies] // *Izbrannye stat'i* – Selected articles. Vol. 1. Tallinn, 1992. Pp. 200–202.
16. Pavlova A. V. *Psiholingvisticheskij aspekt inversii* [Psycholinguistic aspect of inversion] // *Voprosy psiholingvistiki* – Questions of psycholinguistics. 2006. No. 4. Pp. 73–80.
17. Skuridina S. A. *Pojetika imeni u F. M. Dostoevskogo (na materiale romanov "Podrostok" i "Brat'ja Karamazovy")* [Poetics of the name in F. M. Dostoevsky (based on the novels "The Adolescent" and "The Brothers Karamazov")]. Voronezh, Nauchnaja kniga (Scientific book), 2007. 302 p.
18. Tompson D. Je. *"Brat'ja Karamazovy" i pojetika pamjati* ["The Brothers Karamazov" and the poetics of memory]. SPb., Akademicheskij proekt (Academic project), 1999. 344 p.
19. Toporov V. N. *Pojetika Dostoevskogo i arhaichnye shemy mifologicheskogo myshlenija ("Prestuplenie i nakazanie")* [Poetics of Dostoevsky and archaic schemes of mythological thinking ("Crime and Punishment")] // *Problemy pojetiki i istorii literatury* – Problems of poetics and history of literature. Saransk, 1973. Pp. 301–359.

Поступила в редакцию: 13.01.2025

Принята к публикации: 24.02.2025

Особенности имагологической репрезентации в драматургии Ханны Каули (на примере комедии «Уловка красавицы» и драмы «День в Турции, или Русские рабы»)

Щекочихина Елена Вячеславовна

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: lenashekochikhina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается национальный текст творчества выдающегося английского драматурга XVIII в. Ханны Каули на примере наиболее репрезентативных произведений – пьес «Уловка красавицы» (1780) и «День в Турции, или Русские рабы» (1791). Актуальность исследования обусловлена как недостаточной изученностью феномена женской драмы в английской литературе XVIII в. в целом, так и особенностей объективации национальных образов в произведениях драматургов-женщин. Цель данного исследования – выявить с опорой на историко-литературный метод и сравнительный анализ способы конструирования национальных авто- и гетерообразов в драматических текстах Ханны Каули. В статье рассмотрено использование в комедии «Уловка красавицы» стратегии имагологической конфронтации с национальным «другим», прежде всего французским, для создания образа Англии, а также представлено своеобразие многонационального имагологического диалога в драме «День в Турции, или Русские рабы», в которой реализуется оппозиция «Запад – Восток» и на первый план выдвигается положительный образ России. Особое внимание уделяется характеристике женских образов Ханны Каули, не только выражающих феминистский дискурс произведений, но и являющихся воплощениями этнотипических свойств различных народов и репрезентирующих имагообразы Англии, Италии, России.

Кроме того, при анализе комедии «Уловка красавицы» делается особый акцент на сатирических аспектах изображения англо-французского культурного взаимодействия, а при рассмотрении драмы «День в Турции, или Русские рабы» – на диалоге национальных репрезентаций в рамках политического дискурса на примере образов России, Франции и Турции. Особенности драматургии Каули, установленные в ходе анализа названных произведений, могут способствовать более глубокому пониманию ее творчества, а материалы исследования могут быть использованы при изучении английской литературы XVIII в., в курсах истории зарубежной литературы и спецкурсах, а также дальнейших исследованиях по данной теме.

Ключевые слова: Ханна Каули, английская женская драма XVIII в., комедия нравов, национальный образ, образ «другого», стереотип, имагологическая репрезентация.

Национальное своеобразие английского театра эпохи Просвещения определяли не только драматурги-мужчины, но и женщины, которые «нелегко добивались успеха, но написали огромное количество замечательных произведений, отразивших сложные процессы, проходившие в театре при смене классицистической риторики на свободное слово» [2]. Женщины составляли небольшой процент драматургов этого времени, но их пьесы позволяли им самовыражаться, заявлять о своих правах и, в частности, высказываться наряду с мужчинами о политике, истории и культуре.

В ряду женщин-драматургов XVIII в. особое место занимает Ханна Каули (1743–1809) – одна из видных комедиографов своего времени, чьи «комический дар и блистательные диалоги могли сравниться лишь с великолепными находками Голдсмита и Шеридана, а также известных драматургов Реставрации – Конгрива, Сентливр и Фаркера» [2].

Ханна Каули представляла театр «великой национальной школой, средством формирования национальной идентичности через диалог или конфронтацию с другими национальными культурами» [1, с. 177]. Ярким примером стратегии конфронтации является комедия «Уловка красавицы», написанная в 1780 г., – комедия нравов, пользовавшаяся большим успехом у английской публики. Ее сюжет отражает жизнь высших классов английского общества в период позднего Просвещения, причем, по наблюдению Н. А. Соловьевой, «ее сюжетно-стилевые особенности тесно связаны с традициями драматургов Реставрации и ее любимого автора – Джорджа Фаркера» [2], пьеса которого с одноименным названием «Уловка красавицы» (The

Beaux' Stratagem, 1707) имела огромный успех [7, с. 39]. Впервые поставленная в 1782 г., «Уловка красавицы» получила много восторженных отзывов и была охарактеризована как «картина современных нравов, цвета которой заимствованы из нынешней моды, написанная с весельем и жизнерадостностью современного стиля» [8, с. 129].

В «Уловке красавицы» сатирически представлена традиция английского дворянства совершать длительные путешествия по Европе и преклоняться перед иностранными нравами, модами, укладом жизни. Аристократ Дорикур, вернувшись из Гранд тура по Франции и Италии, заполняет свой дом слугами-иностранцами, а свою речь пересыпает французскими словами, его платья, экипажи, ливреи его слуг эпатируют высшее общество, производят фурор и инспирируют увлечение всем французским, побуждая английских модников подражать ему, устраивать свой быт *a-la-mode de Doricourt*. Герой находится под большим впечатлением от раскованных итальянских и французских дам и хотел бы, чтобы его невеста обладала их достоинствами. Ему предстоит женитьба на Летиции, брак с которой был предопределен волей глав двух семейств и которую от него долгие годы преднамеренно скрывал ее отец, полагая, что разлука «усилит действие ее чар». Как следствие, Дорикуру предстоит по-настоящему узнать свою невесту.

Летиция Харди – умная, независимая, привлекательная женщина, воспитанная в богатой графской семье, готова к браку с Дорикуром, однако он, находясь под впечатлением от Гранд тура по Европе, после знакомства с ней испытывает разочарование. Дорикур не отрицает красоту Летиции, но все же считает, что она просто «милая девушка, но не более» ("...she's only a fine girl... nothing more") [6, I, ii, с. 2], ей не хватает «духа! Огня! некой ауры игривости» ("spirit! Fire! L'air enjoué") [Ibid.], и в ней нет того "je ne sais quoi", которое делает женщин Италии и Франции «победительными чаровницами» ("resistless charmers") [Ibid.]. Хотя Летиция и не кажется ему интересной, Дорикур все равно намерен жениться, потому что не верит, что другие женщины, не урожденные англичанки, достойны того, чтобы стать хорошими женами.

Образ Англии репрезентируется в пьесе с позиций национального превосходства. Рассуждая о разных странах, Дорикур и его друг Сэвилл приходят к мнению, что ни одна из них не сравнится с их родиной. С одной стороны, Дорикур описывает путешествие за границу как возможность изучить итальянскую музыку или оценить французскую моду и украшения. С другой, по его словам, по завершении Гранд тура «...мы возвращаемся в Англию и обнаруживаем, что нация сосредоточена на самых важных делах: политика, торговля, война и все свободные искусства занимают ее сыновей, и вот скрытые искры вновь разгораются в нашей душе, милые несовершенства континентальной жизни незаметно улетучиваются, а сенаторы, государственные деятели, патриоты и герои усваивают добродетель итальянцев и манеры французов» ("...we return to England, and find the nation intent on the most important objects; Polity, Commerce, War, with all the Liberal Arts, employ her sons; the latent sparks glow afresh within our bosoms; the sweet lies of the Continent imperceptibly slide away, whilst Senators, Statesmen, Patriots and Heroes, emerge from the virtù of Italy, and the frippery of France") [6, I, iii, с. 8]. Англия с энтузиазмом поглощает иностранную культуру, присваивая и преобразуя то лучшее, что есть за границей. Дорикур не говорит о необходимости культурного изоляционизма, напротив, он считает, что Англия обеднеет из-за отсутствия иностранной культуры, но при этом превозносит английский национальный характер и уклад жизни, свободолобие и достоинство его соотечественников.

Франция и Италия подвергаются критике по разным причинам, в то время как Англия изображается идеальным государством, а ее граждане представляются средоточием совершенства и противопоставляются национальным «другим», прежде всего французам. Так, Сэвилл и Дорикур обсуждают окружающих их слуг, и Сэвилл с удивлением замечает, что в услужении у Дорикура много иностранцев, особенно французов и немцев. Дорикур утверждает, что континентальные путешествия обострили его понимание английского характера. Он на собственном опыте убедился в том, что «из англичан получают лучшие солдаты, граждане, артисты и философы, но самые худшие лакеи» ("Englishmen make the best Soldiers, Citizens, Artizans, and Philosophers in the world; but the very worst Footmen") [6, I, ii, с. 3]. При этом Дорикур без колебаний называет французов и немцев прирожденными слугами, заявляя, что «...вся система поведения у них сводится к одному емкому понятию – послушанию» ("...his whole system of behavior is comprised in one short word – obedience"). Иностранного слугу сервилен, лоялен и никогда не сделает ничего, чтобы предать доверие своего хозяина. Английских же слуг воспринимали как ненадежных, амбициозных людей, забывающих свое место и критикующих своего хозяина. Дорикур судит об этом по-другому: "An Englishman rea-

sons, forms opinions, cogitates, and disputes; he is the mere creature of your will: the other, a being, conscious of equal importance in the universal scale with yourself, and is therefore your judge" («Англичанин [английский слуга] рассуждает, формирует мнения, размышляет и спорит; он – всего лишь порождение вашей воли: он другой и при этом существо, осознающее равную с вами значимость во вселенском масштабе и потому являющееся вашим судьей») [6, I, ii, с. 2]. Таким образом, он утверждает идею английского национального превосходства, при этом распространяя ее на все слои общества.

Национальный текст в «Уловке красавицы» отражается и в обращении драматурга к еврейской теме. Мистер Харди, придя на маскарад под маской Исаака Мендозы, подвергается антисемитским оскорблениям со стороны другого участника маскарада: "Why, thou little testy Israelite! back to Duke's Place; and preach your tribe into a subscription for the good of the land on whose milk and honey ye fatten. Where are your Joshuas and your Gideons, aye? What! all dwindled into Stockbrokers, Pedlars, and Rag-Men?" («Ну что, маленький раздражительный еврей! Возвращайся ко двору герцога и научи свой народ с благодарностью принимать блага земли, на молоке и меде которой ты тучнеешь. Где же твои Джошуа и Гедеоны? Все превратились в биржевых маклеров, торгашей и тряпичников?») [6, IV, i, с. 32]. Вступив с ним в перепалку, Харди отвечает: "No, not all. Some of us turn Christians, and by degrees grow into all the privileges of Englishmen! In the second generation we are Patriots, Rebels, Courtiers, and Husbands" («Нет, не все. Некоторые из нас становятся христианами и постепенно обретают все достоинства англичан! Во втором поколении мы – патриоты, бунтари, придворные, и мужья») [Ibid.]. Этот неоднозначный ответ не проясняет отношение драматурга к национальному меньшинству и порождает вопрос о том, сохраняет ли еврей, принявший христианство, свою национальную идентичность, лишь играя навязанные принимающей культурой роли и тем самым скрывая или маскируя то, что изначально было запечатлено в его характере, или же Каули одобряет «натурализацию» евреев, успешно принимающих новый для себя образ англичанина.

Что касается женщин, то английские женщины, как следует из реплик героев Каули, не так интересны, как иностранки, но все же мужчины выбирали их только потому, что они англичанки. Мистер Тачвуд, описывая свою жену, говорит, что «нашел в одной англичанке больше красоты, чем когда-либо видели французы, и больше доброты, чем могут себе представить француженки» [6, II, i, с. 5].

Другого мнения придерживается Дорикур, преклоняющийся перед иностранками. В разговоре со своим другом он описывает француженок и итальянок как женщин «с изюминкой», чья «внутренняя красота уступила бы половине гризеток, прогуливавшихся по вашим торговым рядам» ("...whose real intrinsic beauty would have yielded to half the little Grisettes that pace your Mal on a Sunday") [6, I, ii, с. 2]. Летиция в действительности обладает всем, что Дорикур так желает видеть в своей жене. Она отважна, смела, умна и красива. Однако, столкнувшись с безразличием Дорикура, Летиция вынуждена скрывать свою безупречную красоту за маской, отгораживающей ее от будущего мужа. В разговоре с Мисс Ракетт девушка слышит от нее то, что ранит ее сердце. «Разве можно ожидать, что мужчина, за которым ухаживала и которого обхаживала половина прекрасных женщин Европы, будет чувствовать себя как девочка из пансиона? Он самый красивый из всех, кого вы видели, и... он видел миллион красивых женщин», – говорит Мисс Ракетт ("Can you expect a man, who has courted and been courted by half the fine women in Europe, to feel like a girl from a boarding-school? He is the prettiest fellow you have seen, and... he has seen a million of pretty women") [6, I, iii, с. 3]. Мисс Ракетт вовсе не собиралась своим колким заявлением отговорить Летицию от замужества, она лишь надеялась, что та серьезно отнесется к сложившейся ситуации и воспримет действительность как должное. Летиция, как и полагается сильной и гордой женщине, заявляет в ответ: «Я ни за что не стану его женой, не добившись взаимности» ("I will touch his heart, or never be his wife") [6, I, iii, с. 3].

Летиция, понимая, что брак с ним, предпрешенный их отцами, не станет для нее счастливым, поскольку не будет основан на взаимном чувстве, тщательно продумывает план, чтобы воспламенить сердце Дорикура и заставить его возжелать ее всем своим существом. Для этого героиня обращается к игре, лицедейству, ее «стратагема» заключается в том, чтобы сменить безразличие Дорикура на отвращение, а затем отвращение обратить в любовь, так как, по ее мнению, «гораздо легче превратить чувство в его противоположность, чем превратить безразличие в нежную страсть» ("...because 'tis much easier to convert a sentiment into its opposite, than to transform indifference into tender passion") [6, I, iii, с. 5].

Согласно плану, молодые люди должны встретиться за ужином, но Летиция приезжает с опозданием, при этом ведет себя дерзко, вызываяюще, критикует Дорикура, намекает, что, же-

нившись, он будет плохо с ней обращаться, и даже высмеивает его. Дорикур находит ее поведение отталкивающим, и его совсем не радует тот факт, что ему придется жениться на этой простушке. «Конечно, это не может быть мисс Харди!» [6, III, i, с. 9], – восклицает он. Но когда они встречаются на маскараде под маской, Летиция раскрывает свои удивительные таланты, творческое остроумие, поэтический ум и соблазнительную красоту. Первым делом Летиция приглашает Дорикура на потрясающий танец и сразу очаровывает его ("I never was charmed till now"), а затем убегает, чтобы еще больше воспламенить интерес молодого человека. Она возвращается снова, демонстрируя ему прекрасную песню, привлекая к себе все больше внимания. Дорикур находит незнакомку в маске не только невероятно привлекательной ("...your shape is graceful"), но также соблазнительно умной и удивительно красивой ("English beauty, French vivacity, wit, elegance").

В надежде завоевать расположение Дорикура Летиция обращается к целому ряду ярких образов, чтобы выразить глубину своей страсти. Отвечая на вопрос «Что, если бы вы любили своего мужа и он был бы достоин вашей любви?», она восторженно отвечает, что была бы всем. «Протеический» характер ее чувства выражен в череде соположенных метаморфоз и пространственных перемещений, описания которых, пронизанные лирическим пафосом, образуют эмоциональную градацию: «Я жила бы с ним на виду у всех или в тени уединения, меняла бы страну, пол, трапезничала бы с ним в хижине эскимосов или в персидском павильоне, присоединялась бы к его победному военному танцу на берегу озера Онтарио, или уснула бы под мягкое дыхание флейты в коричневых рощах Цейлона – могла бы вести раскопки с ним в шахтах Голконды или пересечь опасные границы серала Могула: обмануть его желания и опрокинуть его империю, чтобы вернуть мужа моего сердца к благам Свободы и Любви» ("...would live with him in the eye of fashion, or in the shade of retirement – change my country, my sex – feast with him in an Esquimaux hut, or a Persian pavilion – join him in the victorious war-dance on the borders of Lake Ontario, or sleep to the soft breathings of the flute in the cinnamon groves of Ceylon – dig with him in the mines of Golconda, or enter the dangerous precincts of the Mogul's Seraglio – cheat him of his wishes, and overturn his empire to restore the Husband of my Heart to the blessings of Liberty and Love") [6, IV, i, с. 38]. Здесь Летиция, упоминая разнообразные географические локации, далекие от Англии, пытается показать размах чувств и силу своей любви.

В последнем акте пьесы, в ее кульминации, Летиция раскрывает Дорикуру свое истинное «я». Игровая стратегия героини оказывается оправданной. Первоначально Дорикур, избалованный заграничными путешествиями, не видит ничего, что могло бы привлечь его в Летиции. Он находит родительские условия их брака обременительными до тех пор, пока Летиция не исполняет роль, которая убеждает его, что он не может жить без нее. «Застенчивость, присущая английскому характеру, набросила на меня вуаль, сквозь которую нельзя было проникнуть», – объясняет она. «Вы заставили меня в какой-то мере преодолеть свою природную сдержанность и сбросить скрывавший меня покров» ("The timidity of the English character threw a veil over me, you could not penetrate. You have forced me to emerge in some measure from my natural reserve, and throw off the veil that hid me") [6, V, v, с. 53]. Каули пытается донести до читателя истину: маска не может скрыть истинный образ так же, как и не сможет замаскировать то, кем персонаж не является на самом деле. Летиция совершенно очаровательна в своей маскировке: она утонченная, остроумная и волнующая. Что еще важнее, она такая, какая есть на самом деле, и она бы вела себя соответствующим образом, если бы английский этикет не предписывал ей более скромную и менее демонстративную роль. Как только Летиция убеждается в том, что Дорикур влюблен в нее, она прекращает свою игру: «Вот видишь, я могу быть кем угодно. Так выбирай мой характер по своему усмотрению. Быть ли мне женой англичанкой? Или, разорвав узы, данные природой и воспитанием, выйти в мир во всем великолепии иностранных манер?» ("You see I can be anything; choose then my character – your Taste shall fix it. Shall be an English Wife? – or, breaking from the bonds of Nature and Education, step forth to the world in all the captivating glare of Foreign Manners?") [6, V, v, с. 53]. Здесь Каули не только возвращает читателя к вопросу о превосходстве Англии и необходимости сохранять верность национальным устоям, культуре, но и вновь заявляет о правах женщин, их способностях и интеллекте. Феминистский настрой автора четко прослеживается в образе Летиции, которая просто хочет быть любимой. При этом она не рассчитывает на то, что кто-то другой сделает ее счастливой. Она ставит перед собой цель и добивается ее сама. Таких уверенных в себе, сильных женщин-протагонистов редко можно было встретить в английском театре 1780-х гг., поэтому образ Летиции можно считать одним из первых воплощений феминистских стратегий женщин-драматургов той поры.

Таким образом, Х. Каули, сама являясь истинной англичанкой, представительницей высшего сословия, попыталась через диалоги своих героев представить образ Англии как идеального государства, установив ее превосходство над остальными странами во всех аспектах жизни общества того времени. При этом в «Уловке красавицы», как и во многих других произведениях автора, в роли протагониста выступает женщина. Героиня Каули вынужденно надевает маску, чтобы показать абсурдность традиционного уклада светского общества Лондона, где доминировали мужчины, и заявить в очередной раз о способностях, интеллекте и правах женщин. Возможно, что в страстных репликах Летиции был слышен голос самой Ханны Каули.

Вторая стратегия имагологической репрезентации в творчестве Ханны Каули, основанная не только на конфронтации, но и диалоге национальных культур, воплощена в ее драме «День в Турции, или Русские рабы» (1791).

Пьеса «День в Турции, или Русские рабы» была поставлена в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг., в ходе которой Османская империя пыталась вернуть себе земли в Очакове, ранее утраченные Россией, и потерпела неудачу [3, с. 139]. Британское правительство, обеспокоенное тем, что стремление России к завоеваниям может дестабилизировать равновесие сил в Европе или угрожать превосходству самой Британии, попыталось предложить собственную посредническую миссию, целью которой было заключение мира между Россией и Турцией. Однако усилия Британской стороны не увенчались успехом, и страна начала готовиться к войне с Россией. Этот вопрос много обсуждался в парламенте и в газетах, однако в 1792 г. конфликт был разрешен, и потенциальное участие в нем Британии стало неактуальным. При этом он продолжал привлекать внимание публики, и пьеса Х. Каули, ставшая непосредственным откликом на драматические события современной истории, пользовалась успехом.

Успех постановки можно объяснить также популярностью восточных пьес, которые часто ставились в лондонских театрах со времен Реставрации. Карл II был очарован Османской империей, и когда он вновь открыл театры после своего возвращения в Лондон, первой была поставлена восточная драма Уильяма Давенанта «Осада Родоса» в 1661 г. [9, с. 19]. Произведения на ориентальные темы оставались весьма востребованными на протяжении всего XVIII в., поскольку позволяли драматургам использовать приемы экзотизации, привлекать публику эффектными декорациями и костюмами, а также актуализировать восточные сюжеты, обращаясь, в частности, к проблеме гендерного неравенства. В качестве примера можно привести пьесы А. Бен «Абдельазер, или Месть Мавра» (1676), М. Пикс «Ибрагим, тринадцатый император турок» (1696), М. Деларивьер «Альмина, или Арабская клятва» (1706). Среди пьес, написанных на турецкие сюжеты, можно выделить «Султаншу» Ч. Джонсона (1717), «Прекрасную пленницу» Э. Хейвуд (1721), «Зару» А. Хилла (1735), «Ирэн» С. Джонсона (1749). В этих произведениях «изображены судьбы европейских рабынь, которые попадают в водоворот дворцовых интриг, становятся жертвами султанов и пашей, а их христианские добродетели, вера и благочестие подвергаются суровым испытаниям» [1, с. 177].

Драма Ханны Каули «День в Турции, или Русские рабы» рассказывает историю русской женщины Алексины, захваченной турками сразу после свадьбы с русским дворянином Орловым. Алексина, красивая молодая русская девушка, попадает в гарем, где она должна ожидать возвращения своего хозяина Бассы Ибрагима, отправившегося на войну. С Алексиной жестоко обращается турецкий охранник по имени Азим, часто третирует ее, называя «слишком гордой» за то, что она не желает подчиниться турецкому Бассе. Алексина же готова скорее покончить жизнь самоубийством, чем стать наложницей Ибрагима. Мустафа, доброжелательный евнух, внушает ей надежду на спасение и всячески сочувствует героине. Мустафа говорит: «Мы, турки, в некотором роде диссиденты – добродетель женщины у нас заключается в том, чтобы очаровывать, а ее религией должна быть любовь» (“we Turks are a sort of dissenters – a woman's virtue with us, is to CHARM, and her religion should be love”) [5, I, iii, с. 10]. Мустафа восхищен непоколебимостью Алексины, восклицая: «Клянусь тюрбаном, я в замешательстве. У каждой женщины-иностранки своя душа, но я впервые встретил такую в гареме» (“By my turban, I hardly know where I stand. Women of different countries have different souls, I believe and I am sure this is the first time this sort of soul was ever in a harem”) [5, II, ii, с. 23].

Граф Орлов, узнав, что его невеста в плену, вступает в русскую армию, чтобы облегчить ее поиски в Турции. Однако сам он попадает в плен и становится рабом, как и его камердинер А. Ля Грек, через образ которого репрезентируется образ Франции в пьесе. Поняв, что и он, и его хозяин, граф Орлов, находятся в равном положении, нахальный плут тут же заявляет о своем абсолютном равенстве с графом: «Я буду относиться к вам с большим снисхождением,

можете рассчитывать на это, но и постараюсь, чтобы вы забыли о разнице между нами» ("I'll treat you with great condescension, depend on't, and endeavour to make you forget in all things the distance between us") [5, I, i, c. 4]. Более того, он выставляет напоказ свое превосходство, ведь он умеет петь придворные арии и канцонетты ("I can sing pretty little French airs and Italian canzonettas"), пользоваться пуховкой и укладывать волосы ("...no man in Paris... and I have the honor to be a Frenchman ... understands the science of the powder-puff..."), тогда как Орлов годится только для сражений ("...can do no earthly thing but fight...") [Ibid.].

А Ля Грек показан политически беспринципным персонажем: в своих речах он ссылается на идеалы Французской буржуазной революции и восславляет свободу, сетуя о невосприимчивости к ней русских «дикарей», и в то же время готов пресмыкаться перед деспотической властью. Когда его приводят к Бассе Ибрагиму, А Ля Грек подчеркивает, что он, в отличие от своего хозяина, не русский, а француз, и что он отправился в Россию только для того, чтобы «немного подправить грубиянов и дать им некоторое представление о всеобщем равенстве людей ... но они все еще продолжают верить, что принц более значим, чем носильщик, и что господин благороднее своего раба» ("I travell'd into Russia to polish the brutes a little, and to give them some ideas of the general equality of man; but – they still continue to believe that a prince is more than a porter, and that a lord is a better gentleman than his slave") [5, II, i, c. 16].

Каули, введя персонажей, представляющих как Россию, так и Францию, подчеркивает сходство этих стран с классовым устройством Турции. Недаром в одной из реплик А Ля Грек заявляет: «Какая мне разница, турок или русский имеет честь быть моим хозяином?» ("What care I whether a Turk or a Russian has the honor to be my master?") [5, I, i, c. 5]. Своим новым хозяевам он поясняет, что «...цепи для французоз так же естественны, как и материнское молоко» ("...chains were as natural t'other day to Frenchmen as mother's milk") [5, II, i, c. 15].

Образ Турции в пьесе ассоциируется с несвободой, деспотией, воплощенной в метафоре гарема [1, с. 178]. Жестокий охранник гарема Азим становится в драме воплощением национально-турецкого характера, выступая за строгое следование правилам проживания в гареме и неукоснительное соблюдение восточных традиций и обычаев. В разговоре с Мустафой он выражает пренебрежительное отношение к Алексине, утверждая, что «Она христианка, а они самые неразумные существа в мире. Скажи, почему они предают своих друзей и любят своих врагов?» ("She is a Christian, and those Christians are the most unnaturalist creatures in the world. Why, man, they betray their friends, and love their enemies?") [5, I, ii, c. 8]. Кроме этого, он изъявляет желание «посадить» Алексину на хлеб и воду, чтобы она, наконец, стала довольной и доброй ("Keep a pretty woman on bread and water to make her contented and kind"), а поскольку Алексина русская, то, по мнению Мустафы, она – «... медведица ...» ("The beautiful Alexina a Russian bear!") [5, I, ii, c. 8].

Немаловажную роль среди русских персонажей играет Полина – русская крестьянка, очень практичная и совсем не сентиментальная женщина. Когда Ибрагим впервые встречается с ней в саду, приняв за Алексину, она, не зная, что он хозяин гарема, не обращает внимания на его ухаживания и достаточно резко отвечает: «Вот что я вам скажу, господин, вы можете произносить великие речи о том и о сем, но я ненавижу и вас, и вашу любовь, и если вы еще хоть раз посмеете дразнить меня ею, я заставлю вас раскаяться» ("I tell ye what, mister, you may make grand speeches about this and that; but I hate both you and your love; and if ever you teize me with it any more, I'll make you repent, that I will") [5, III, i, c. 36]. Ибрагим не привык, чтобы с ним говорили пренебрежительно, и его завораживает попытка Полины доминировать над ним. Мустафа, стараясь помочь Алексине, уговаривает Полину принять ухаживания Бассы и быть покорной, а за ее благоразумное поведение обещает выкупить брата и отца Полины. Услышав это, Полина восклицает: «Покупайте! Покупайте! Вы говорите о покупке нас, как будто мы корзины с яйцами или тюки хлопка». Мустафа отвечает просто: «Да, здесь так принято», но остроумно добавляет: «Мы так любим свободу, что всегда покупаем ее как редкость».

Mus. Well, if you behave discreetly – I'll buy your father, and brother Peter.

Pau. Buy! buy! Why, you talk of buying us, as though we were baskets of eggs, or bales of cotton.

Mus. Yes, it is the mode here – Every country has its fancies, and we are so fond of liberty, that we always buy it up as a rarity [5, III, i, c. 30].

Итальянская рабыня Лауретта, чьей миссией в драме является помощь в спасении Алексины от Ибрагима, разрабатывает план, согласно которому Басса должен полюбить Полину, освободив из гарема Алексину. Лауретта очень игрива, кокетлива, умна. Сначала она побуждает Бассу подчиниться силе женского целомудрия, а затем устраивает так, чтобы другая пленница, Полина, стала предметом его страсти. Лауретта обещает научить Полину «всем тонкостям драмы... чтобы играть чувствами влюбленного в себя как на клавесине» ("I'll teach you in half an

hour all the arts of a dine lady, and you shall be able to play on your lover as you would on your harpsichord”) [5, III, i, c. 38]. Под руководством Лауретты Полина прекрасно исполняет свою роль, Ибрагим полностью во власти ее чар: «...это я твой раб, и ты держишь цепи моей судьбы» (“It is I who am your slave – You hold the chains of my destiny”) [5, V, i, c. 50]. Постигание науки истинной любви смягчает нрав Ибрагима, делает его более толерантным, в том числе и в вопросах веры [1, с. 178]. Полина в ходе пьесы влюбляется в Ибрагима, и они решают сыграть свадьбу. Алексина, воссоединившись с графом Орловым, просит Бассу простить жестокого Азима, и Ибрагим, тронутый ее добротой, не только соглашается исполнить просьбу Алексины, но и освобождает всех русских рабов, а также крайне неожиданно для всех хвалит христианство: «Очаровательное великодушие! Если оно вытекает из ваших христианских доктрин, то такие доктрины должны быть правильными, и я буду внимательно их изучать» (“Charming magnanimity! if it flows from your CHRISTIAN DOCTRINES such doctrines must be RIGHT, and I will closely study them”) [5, V, iv, c. 69]. Для Ханны Каули история преобразования восточного деспота – это еще и авторское высказывание о возможности преодолеть униженное положение женщин, гуманизировать политику и социальные практики [1, с. 178].

Драма Каули «День в Турции, или Русские рабы» не раз подвергалась критике за явные отсылки к политическим реалиям страны. В предисловии к «Дню в Турции» Каули заявляет, что в пьесе отражены реалии жителей Франции в период Французской революции. Она понимает, что как автор она должна дистанцироваться от созданных ею персонажей, указывая на А Ля Грека: “It is A la Greque who speaks, not I; nor can I be accountable for his sentiments” («Это говорит А Ля Грек, не я. И я не могу отвечать за его чувства») [5, с. 1]. Ханна Каули сама жила во Франции в год, предшествовавший Французской революции, и, без сомнения, видела представителей разных социальных классов. По ее мнению, А Ля Грек – типичный представитель французов, принявший политическую идеологию и пропагандирующий дух свободы. Тем не менее драма «День в Турции» была представлена в нескольких вариантах, переписывалась и подвергалась изменениям. Так, к примеру, издание 1792 г. посчитали предосудительно политическим, отражающим феминистские ориентации автора. В версии 1813 г. все упоминания о правах женщин исчезли, равно как не было намека и на Французскую революцию. Однако отход Каули от политических посылок, на которые изначально опиралась пьеса, не отменяет гендерное содержание драмы [4]. В «Дне в Турции» мужские и женские образы отражают силу и власть представляемых в пьесе стран, их противостояние и борьбу за абсолютное господство, что косвенно объясняет причины военного конфликта между Россией и Турцией. Кроме того, в драме Каули ясно выражена идея о том, что как в условиях восточного сераля, так и в обстановке современной ей Англии, надежды женщины на свободу оказываются призрачными – они реализуются только в мире хитрых уловок и фарсовых ситуаций.

Таким образом, изображение национального в драматических произведениях Ханны Каули отразило как важнейшие социокультурные и политические контексты английской жизни, проблемы положения женщин в обществе, так и глобальные аспекты взаимодействия национальных культур, религий, проблему свободы. Это расширение пространства имагологической репрезентации находилось в русле просветительского космополитизма и утверждало приоритет общечеловеческих нравственных ценностей.

Список литературы

1. Поляков О. Ю. Национальный текст драмы Ханны Каули «День в Турции, или Русские рабы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 176–180.
2. Соловьева Н. А. Жизнь есть театр (Женщины-драматурги XVIII столетия). URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/soloveva-zhizn-est-teatr.htm> (дата обращения: 30.01.2025).
3. Bolton B. Introduction to A Day in Turkey; or, The Russian Slaves // The Routledge Anthology of British Women Playwrights, 1777–1843 / ed. Betsy Bolton. London : Routledge, 2019. 181 p.
4. Bolton B. Women, Nationalism And The Romantic Stage: Theatre And Politics In Britain 1780–1800. 2001. URL: <https://works.swarthmore.edu/fac-english-lit/61> (дата обращения: 01.02.2025).
5. Cowley H. A Day in Turkey; or, The Russian Slaves // In The Routledge Anthology of British Women Playwrights, 1777–1843 / ed. Betsy Bolton. London : Routledge, 2019. Pp. 143–181.
6. Cowley H. «The Belle’s Stratagem». London : Printed for T. Cadell, in the Strand, 1782.
7. Mahotiere Mary de la. Hannah Cowley: Tiverton’s Playwright and Pioneer Feminist 1743–1809. Devon Books, 1997. 96 p.
8. Rhodes R. Crompton. “The Belle’s Stratagem”. The Review of English Studies. Vol. 5. № 18. Oxford University Press, 1929. Pp. 129–142.
9. Rosenthal Laura J. Ways of the World: Theater and Cosmopolitanism in the Restoration and Beyond Ithaca. Cornell University Press, 2020. Pp. 19–53.

Specific features of imagological representation in Hannah Cowley's dramatic works: "The Belle's Stratagem" and "A Day in Turkey; or, the Russian Slaves"

Shchekochikhina Yelena Vyacheslavovna

postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: lenaschekochikhina@gmail.com

Abstract. The article deals with the national text in the most representative plays "The Belle's Stratagem" (1780) and "A Day in Turkey; or, the Russian Slaves" (1791) by Hannah Cowley, an outstanding English dramatic author of the XVIII century. The topicality of the research is caused by an urgent necessity to study the 18th century English female drama as an entity, including the authors' strategies of representing the national. The goal of the paper is to reveal the ways of construction of national images in the above mentioned plays by Hannah Cowley. The article considers the use of the strategy of imagological confrontation with the national "Other", primarily French, to create the national image of England in the comedy "Belle's Stratagem", and represents the originality of the multinational imagological dialogue in the drama "A Day in Turkey, or the Russian Slaves" in which the opposition "West-East" is implemented and the positive image of Russia is brought to the forefront. Special attention is paid to the characteristic of Hannah Cowley's female images not only expressing the feminist discourse of her works, but also being embodiments of ethnotypical properties of various nations and representing the imagery of England, Italy, and Russia.

In addition, in analyzing the comedy "Belle's Stratagem" special emphasis is placed on satirical aspects of depicting Anglo-French cultural interaction, and when reviewing the drama "A Day in Turkey; or, Russian Slaves" it is focused on the dialogue of national representations in the framework of political discourse based on the national images of Russia, France and Turkey. The features of Cowley's drama found in the analysis of the above mentioned plays, can contribute to a deeper understanding of her work, and the materials of the study can be used in the study of English literature of the 18th century and the history of foreign literature and special courses, as well as for further research on this topic.

Keywords: Hannah Cowley, English women's drama of the 18th century, comedy of manners, national image, the image of the Other, stereotype, imagological representation.

References

1. Polyakov O. Yu. *Nacional'nyj tekst dramy Hanny Kauli "Den' v Turcii, ili Russkie raby"* [The national text of Hannah Cowley's drama "A Day in Turkey; or, Russian Slaves"] // *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. 2024. No. 2 (76). Pp. 176–180.
2. Solov'eva N. A. *Zhizn' est' teatr (Zhenshchiny-dramaturgi XVIII stoletiya)* [Life is a theater (Women playwrights of the XVIII century)]. Available at: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/soloveva-zhizn-est-teatr.htm> (date accessed: 30.01.2025).
3. Bolton B. Introduction to *A Day in Turkey; or, The Russian Slaves* // *The Routledge Anthology of British Women Playwrights, 1777–1843* / ed. Betsy Bolton. London : Routledge, 2019. 181 p.
4. Bolton B. *Women, Nationalism And The Romantic Stage: Theatre And Politics In Britain 1780–1800*. 2001. URL: <https://works.swarthmore.edu/fac-english-lit/61> (date accessed: 01.02.2025).
5. Cowley H. *A Day in Turkey; or, The Russian Slaves* // In *The Routledge Anthology of British Women Playwrights, 1777–1843* / ed. Betsy Bolton. London : Routledge, 2019. Pp. 143–181.
6. Cowley H. "The Belle's Stratagem". London : Printed for T. Cadell, in the Strand, 1782.
7. *Mahotiere Mary de la*. Hannah Cowley: Tiverton's Playwright and Pioneer Feminist 1743–1809. Devon Books, 1997. 96 p.
8. Rhodes R. Crompton. "The Belle's Stratagem". *The Review of English Studies*. Vol. 5. № 18. Oxford University Press, 1929. Pp. 129–142.
9. Rosenthal Laura J. *Ways of the World: Theater and Cosmopolitanism in the Restoration and Beyond*. Ithaca. Cornell University Press, 2020. Pp. 19–53.

Поступила в редакцию: 04.03.2025

Принята к публикации: 26.03.2025

Улица как топос революции в культурном контексте и художественной рефлексии русской поэмы первой трети XX в.

Осипова Нина Осиповна¹, Голенок Марина Петровна²

¹доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

²кандидат культурологии, доцент, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

ORCID: 0000-0002-8812-9655. E-mail: gmp0889@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается художественно-литературная рефлексия «уличного текста» городского пространства как отражение революционных событий в России первой трети XX в. Теоретико-методологическая основа исследования опирается на семиотический статус улицы как совокупности символических смыслов, формирующих коммуникативное пространство улицы как транслятора городской культуры и психологии масс, что делает ее семантической территорией, обусловленной новым состоянием мира – революционной борьбой противоборствующих сил. Это нашло отражение в многочисленных художественных произведениях.

В качестве эмпирического материала привлечены наиболее значительные образцы поэтического эпоса, включающие художественное отражение топоса революционной улицы («Двенадцать» А. Блока, «Главная улица» Д. Бедного, «Крысолов» М. Цветаевой). Решая разные мировоззренческие и художественные задачи, они обнаруживают типологическую близость не только в сфере тематики, но и экспериментальной поэтики. Элементы этой поэтики (в частности, лейтмотива шествия, различных типов монтажа) сближают поэмы с художественной системой других искусств, выразительно воплотивших пафос и трагедию революционных улиц (Ю. Анненков, Б. Кустодиев, К. Петров-Водкин, П. Филонов, Б. Голопогосов). Значительная роль в характеристике обозначенной темы отводится общекультурному контексту, необходимому для понимания общего фона эпохи.

Материалы, представленные в статье, могут быть использованы в работе филологов, историков, культурологов, применяющих комплексную методологию к анализу историко-культурного процесса.

Ключевые слова: художественная культура первой трети XX в., революция, русская поэзия, семиотика улицы, Александр Блок, Демьян Бедный, Марина Цветаева.

Выражение «революция на площади» стало устойчивой формулой революционных событий, закрепившись в кинематографе, изобразительном искусстве, литературе. Однако не меньшая (если не большая) роль в пространстве революционного движения отведена улице, которая также находит отражение в литературе и искусстве, наполняясь целым комплексом символических смыслов (различные уличные виды шествий, протестов, уличных конфликтов и др.). В общекультурном смысле совокупность этих смыслов во многом определяется семиотическим статусом улицы в системе городского пространства. В границах этого пространства формируются коммуникативные практики уличной повседневности – визуальные, динамические, звукошумовые, отражающие особенности взаимодействия человека и города. Сама же улица в данном контексте воспринимается транслятором, своеобразной «выставочной площадкой» городской культуры, которая возникает в том социальном пространстве, где происходит любая социальная коммуникация, в том числе и массовая.

Мир улицы так же, как и мир города, является пространством анонимности и, следовательно, относительной свободы, что поддерживается различным уровнем вовлеченности человека в коммуникацию с окружающими людьми и собственным местом в уличной толпе. Кроме того, улица как часть городского пространства совмещает природу и цивилизацию, но граница этого совмещения подвижна и неустойчива, а значит, может быть представлена прерывистым сгустком ломанных линий, углов, перекрестков. Одной из функций уличного пространства становится

«смешивание» людей, их действий, жизненных практик, социальных статусов – тот «физиологический портрет» улицы, который с таким блеском явили читателям Гоголь («Невский проспект») и Бальзак («История и физиология парижских бульваров от площади Мадлен до Бастилии»).

Уличные практики отсылают и к «другому типу пространственности – «антропологическому и мифопоэтическому опыту пространства» [20, с. 31]. Это тоже связано с местом улицы в культуре – пространства одновременно чужого и освоенного, пространства «между», пространства, в котором одновременно могут сосуществовать представители всех социальных слоев, а следовательно, всех типов коммуникаций, в том числе и революционной... В этом контексте улица выходит из плоскости архитектурных сооружений географических ориентиров и становится *семантической территорией, обусловленной новым состоянием мира – борьбой противоборствующих сил* (такой тип коммуникации отражен в поэме А. Блока «Двенадцать», где на уличную сцену выведены представители всех социальных слоев общества). В то же время отметим антиномичные характеристики улицы: с одной стороны, она четко разделяет городской социум на «своих» и «чужих», с другой – становится «нейтральной» зоной для всех желающих, открывая возможность перехода между разными локусами. Скученность людей на улице, как правило, способна нивелировать личность, делая ее ничтожно маленькой частью толпы и погружая ее в мир уличного хаоса, – такой улица предстала в художественном восприятии рубежа XIX–XX вв.

Уличная толпа, бесконечное и беспорядочное движение, *«сутолока, трамваи, автомобили / Не дают заглянуть в плачущие глаза. / Проходят, проходят серо-случайные, / Не меняя никогда картонный взор...»* [9]. В «уличный текст» проникают демонические мотивы и апокалипсические предчувствия. Таким Невский проспект увидят символисты, воплотившие мистическое пространство Петербурга, зловещую инфернальность его улиц, создающих образ людского потока в многообразии образно-символических рядов (А. Блок, А. Белый) [см. 17], откуда эту традицию подхватят и представители других направлений (особенно последователем был в этом плане авангард). При этом улица, воспринимаясь местом отчужденности и трагического одиночества, в то же время формировала пространство преодоления этого одиночества через слияние с революционной массой.

Картинами уличных событий пронизаны многие художественные тексты, отражающие революционные катаклизмы эпохи – в поэзии или прозе, у классиков или модернистов (в «Городах и годах» и «Братьях» у Федина, в «Жизни Клима Самгина» Горького, в «Хождении по мукам» А. Толстого, «Окаянных днях И. Бунина и многих других»). Улица попадает в революционные хроники, документальную фотосъемку в виде изображения демонстраций, кровавых конфликтов [10]. Для многих писателей и художников главная улица была стимулом творчества – именно улица «диктовала» свои правила жизни, выносила вердикт о казни или помиловании, именно там решались судьбы города и даже страны, именно там многочисленные кинотеатрики, отели и рестораны источали пряные флюиды порока, и именно там толпы революционного пролетариата провозгласили рождение нового мира.

Примечательно, что описание событий протестующей и бунтующей улицы встречается во многих художественных текстах первой трети XX в. – будь то взгляд извне или непосредственная включенность в уличную революционную толпу. Не последнее место занимали здесь и поэтические жанры. Определенное воздействие на художественное отражение этих процессов оказал художественный опыт описания улиц, объятых революцией, в творчестве французских писателей. В частности, революционная улица приобрела сакрализованный характер еще у Бодлера, и особенно у Верхарна – огромной популярностью пользовалось его стихотворение «Революция», 1895 (в других переводах – «Восстание», «Мятеж»), переведенное сразу несколькими русскими, а потом и советскими поэтами. Именно в нем поэт воспел сакральную составляющую революции, придавая особый художественный статус картинам террора и насилия и открывая тем самым эру романтизации и поэтизации революции:

Улица словно летит
В топоте толп... этих тел
Струю за струею струит –
Где им конец?.. Где предел
Для этих ветвящихся рук,
Обезумевших вдруг?
Буйство и вызов на бой
В этих руках, – их прибой

Злобой горит...
Улица золотом алым блестит
В глубине вечеров,
И струит
Топот и грохот буйных шагов [7, с. 61].

Влияние Верхарна на русских поэтов этого времени вообще трудно переоценить. Его поклонниками были представители практически всех литературных течений и политических взглядов – от символистов и футуристов до Ленина, Горького, Мейерхольда и пролетарских поэтов. А приезд Верхарна в Россию в 1913 г., его многочисленные встречи с пролетарскими поэтами и последующие театральные интерпретации его пьесы «Зори» определили и глубокое восприятие его поэтики. «Нам думается, городская пролетарская поэзия будет в дальнейшем все глубже разрабатывать новую поэтику с ее свободным стихом, завещанным Эмилем Верхарном» [14, с. 165], – писал один из критиков тех лет. Во многом эта «новая поэтика», где через близость стилистике Верхарна утверждается творящая идея революции через жертвенность, стихию мирового пожара и «благородное» насилие, последовательно реализуется в поэме Д. Бедного «Главная улица».

Символом или прообразом революционной улицы в России чаще всего выступал Невский проспект (улица сама по себе знаковая для русской культуры), без которого не обходилась ни одна революционная «волна» между февралем и Октябрем 1917 г. (примечательно, что с 1918 до 1944 г. Невский носил название «Проспект 25-го октября»). «Прочитанный» когда-то Гоголем как важный элемент «петербургского текста», в художественных системах первой трети XX в. Невский обретает мистериальный статус, обусловленный синтезом эйфории, страха, агрессии, лежащих в основе насилия, борьбы сил света и тьмы, культуры и цивилизации, карнавала и похорон.

А. Блок первым почувствовал эту стихию в муках и крови рождающегося мира, будущее которого ему было неизвестно. С поэтической подачи А. Блока читатели слушали уличную «музыку революции», поэты подхватывали ее в разных вариантах и идеологических ракурсах. С такого же ракурса увидели уличное пространство и футуристы, видя в нем метафору великого пути («Из улицы в улицу», «Левый марш» В. Маяковского, *Голоса улицы* в поэме «Настоящее» В. Хлебникова). Так, Маяковский определял содержание своей «Мистерии-буфф»: «Мистерия-буфф» – дорога. Дорога революции. Никто не предскажет с точностью, какие еще горы придется взрывать нам, идущим этой дорогой» [16, с. 245].

И в это же время поэт провозглашает:

Улицы – наши кисти.
Площади – наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанщики и поэты! («Приказ по армии искусства») [16, с. 15].

Этот лозунг В. Маяковского утверждал не только широкий фронт вторжения искусства революционных лет в повседневность, но и наоборот – вторжение революционной повседневности в искусство. В разных контекстах эта идея захватила практически всех мастеров искусства.

Приведем еще несколько высказываний:

А. Блок: «Улица ворвалась в мастерскую художника, и золотое время одиноких странствий миновало» [3, с. 234].

И. Зданевич: «Надо отражать большой город. Надо писать пощечины и уличные драки» [цит. по: 11, с. 397].

Б. Кустодиев (в письме к актеру В. Лужскому 6.03.1917 г.): «Здесь все еще кипит, все еще улицы полны народом... Никогда так не сетовал на свою жизнь, которая не позволяет мне выйти на улицу – ведь «такой» улицы надо столетиями дожидаться!» [12, с. 156–157].

Н. Асеев: «Революция – это «ревы улиц / Это топот толп» [1].

Революционная улица – это прежде всего динамика жизни, организуемая шествием, и если применять мифоритуальную парадигму к этому явлению, то улица предстает границей перехода с явно выраженным инициальным контекстом (неслучайно в этом контексте возникла устойчивая метафора – «пройти через горнило революции»). В этом ракурсе участие в

шествии несло ясно выраженный сакральный смысл – движение в будущее, к новому бытию по дороге исторических свершений и помогало осмыслить собственную причастность к революционной событийности. Эта событийность придает революционному уличному действию статус зрелища, что в 1938 г. подчеркивал А. В. Луначарский: «Для того, чтобы почувствовать себя, массы должны внешне проявить себя, а это возможно только когда... они сами являются для себя зрелищем...» [13, с. 166].

Свидетельством тому может служить одно из самых впечатляющих шествий, послужившее источником многих художественных описаний, – похороны жертв Февральской революции в Петербурге 23 марта 1917 г., получившие документальное отражение в фото- и кинодокументах (рис. 1).

Рис. 1. Похороны жертв Февральской революции в Петербурге 23 марта 1917 г.
(фото из открытых источников)

Описывая свое впечатление от этого шествия, Питирим Сорокин вспоминал: «Сегодня проходили похороны тех, кто умер за революцию. Какой потрясающий спектакль! Сотни тысяч людей несли тысячи красных с черным флагов с надписями: «Слава отдавшим жизнь за свободу». Похоронный марш сопровождался пением <...> Вид этой толпы, человеческого горя потряс меня до глубины души» [19, с. 85].

Репортажные съемки этого действия охватывают все этапы траурной церемонии: грандиозное шествие колонн из разных районов Петрограда с гробами погибших, обстановка на улицах города, митинг на Марсовом поле. Кинохроника, сохранившая эти события, помогает реконструировать события на Невском проспекте, с бесконечными колоннами участников траурного шествия, с плакатами и знаменами [22].

Обращаясь к литературно-художественному материалу, назовем три хрестоматийных произведения, принадлежащих представителям разных литературных и идейных позиций и воплотивших поэтику и эстетику революционной улицы в стихотворном эпосе – это поэма А. Блока «Двенадцать» (1918), поэма Д. Бедного «Главная улица» (1922) и поэма М. Цветаевой «Крысолов» (1925). И неважно, какая улица стала центром событий – Невский, как у Блока и Бедного, или главная улица немецкого городка Гаммельна, как у М. Цветаевой, – они сближаются способами передачи уличной революционной культуры, которые удивительным образом корреспондируют с общим художественным фоном эпохи. При этом все поэмы заключают в себе мистериальное начало, насыщенное аллегориями и эмблематикой уличной революции, восходящими к средневековой городской культуре.

Между тем названные произведения не рассматривались в контексте обозначенной темы, хотя в типологическом аспекте они представляют интересный разворот уличного художественного дискурса. Несомненны, например, переключки поэм Блока и Цветаевой, подчеркнутые исследователями: «Эти марширующие за флейтистом крысы сильно напоминают постаревший и сытый, но все тот же патрульный отряд пролетариев из «Двенадцати» Блока: следующая страница истории» [18].

При этом в поэмах обнаруживается принципиальная трансформация отражения «уличной революции», обусловленная временем их написания: А. Блок первым интуитивно уловил неясные гулы нового времени и воспроизвел их; Д. Бедный воспел события мучительного рождения нового мира с точки зрения уже победившей революции; М. Цветаева через 10 лет написала уже сатиру на нее (подзаголовок поэмы – «лирическая сатира»).

Отметим, прежде всего, поэтику пространственного кода революционной улицы в поэмах, в основе которого – мотив шествия, несущий отчетливо выраженный смысл, – путь из природного хаоса в светлое будущее, в социальный рай. А участие в шествии помогало ощутить собственную причастность к революционной борьбе, наполняя содержание движения символическим смыслом. Шествие – путь в рай (или ад?) в «Двенадцати», куда напряженно вглядывается патруль, шествие-борьба в «Главной улице», марш-поход в райские кущи Индии, куда, ведомые Крысоловом, устремляются сытые и жадные крысы. При этом на семиотическом уровне уличное революционное шествие сохраняет свойственные русской культуре модели религиозных шествий – крестных ходов, молебнов. Поэтому оно часто наделялось эпитетом «святой» (вспомним блоковское – «*святая злоба*», рефреном проходящее через поэму). А революционные уличные манифестации сопровождались не только революционными плакатами и лозунгами, но также иконами и хоругвями, что придавало толпе облик единого коллективного тела как организованной общности и мифологической субстанции, истоки которой М. Бахтин видел в коллективной чувственности средневековых карнавальных шествий.

Если принимать во внимание, что уличное шествие кем-то возглавляется, то у Блока – это миражный образ Иисуса, у Д. Бедного – это богатырь, рабочий, Новый Хозяин мира, у Цветаевой – это Крысолов (дьявол-искуситель, Спаситель, музыкант-дудочник/флейтист, символизирующий как гибельную, так и спасительную силу искусства). При этом во всех случаях движение-шествие имеет разрушительное начало, сопряженное с ситуацией сакрального жертвоприношения. У Блока – это гибель Катюшки, у Цветаевой – детей, у Д. Бедного – рабочих в их схватке со «злыми пьяными шайками» («Жертвы... Без жертв, моя прелесть, нельзя...» [2, с. 45]).

В то же время организованное, на первый взгляд, движение сопряжено с пространственным хаосом. При этом ощущение трагического разлома передается через поэтику «симультанности» (по Ф. Маринетти), или «сдвигологии» (по А. Крученых), или «нанизывания» (по Р. Якобсону), или «сцепленных текстов» (по З. Минц), «скрещения разнородного материала» (по М. Григару), «смещения плоскостей» (по А. Флакери), что отвечало художественным экспериментам авангарда.

Такая свободная компоновка кадров разрушала традиционные представления о времени, пространстве и действии. Ее традиции просматриваются еще в творчестве Гоголя. Его художественный опыт в освоении пространства, воспринятый символистами, а через них и авангардом, станет открытием монтажной поэтики киноавангарда – как в словесном, так и в визуальном варианте: «Герою Гоголя казалось, что какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков, и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе» [8, с. 24].

В поэмах точно так же меняются пропорции людей и предметов, мир выгибается и ломается, вызывая ощущение кривого зеркала (как в описании Невского у Блока и Бедного, так и в описании М. Цветаевой «правильного» сонного Гаммельна, неожиданно утратившего свою «правильность» и сорвавшегося в пропасть «крысиного», а потом и «детского» рая).

Выразительность картины разрушающегося мира достигается у поэтов разными способами. Например, в «Главной улице» панорама дробится, передавая атмосферу паники, а монументальность города и улицы с ее дворцами разбивается, превращаясь в грудку осколков под «пролетарской пятой» Нового Хозяина.

И у Блока, и у Цветаевой, и даже у Бедного при помощи кубистических сдвигов и изломов из пространства творится особая материальная субстанция, которая превращает его в почти зримую, полновесно осязаемую материю, что соответствовало художественным устремлениям эпохи с ее ориентацией на материализацию, «овеществленность» духовных категорий.

Несмотря на то, что «монтажный» принцип создания уличного пространства свойственен всем обозначенным поэмам, характер этого монтажа различен. Монтаж пространства в «Двенадцати» построен узнаваемо по кинематографическому принципу, тем самым, на наш взгляд, предвосхищая стилистику советского киноавангарда 1920-х гг. (в частности, киностилистику Дзиги Вертова, реализованную в его статьях, фильмах «Жизнь врасплох» (1924), «Человек с киноаппаратом» (1929): «Я освобождаю себя... от неподвижности человеческой, я в непрерывном движении, я приближаюсь и удаляюсь от предметов, я подлезаю под них, я влезаю на них, я двигаюсь рядом с мордой бегущей лошади, я врезаюсь на полном ходу в толпу... я падаю и взлетаю вместе с падающими и взлетающими телами» [6, с. 56].

В поэме совмещаются два пространственных вектора – перекресток и сама улица. Круговая (панорамная) «камера» расположена вначале на перекрестке, по кругу вырывая из метели крупным планом персонажей и детали «декорации» этой драмы: старушонка, барыня, буржуй, поп, бродячий пес, обрывки плаката; затем, стремительно срываясь с места, мчится рядом с пролеткой, останавливается, схватывая по пути «простреленную голову» и мертвое лицо Катки, и мчится дальше в неизвестность, за отрядом, за Тем невидимым в снежной вьюге (сегодня такой прием в кино называют экшн-камерой). В свою очередь, этот уличный хаос ввергается в вихрь воронки космогонического характера. Точнее всех, как представляется, стилистику блоковской уличной поэтики почувствовал Ю. Анненков, иллюстрировавший поэму. Художник-авангардист, совмещающий реализм со стилистикой кубизма и абстрактного экспрессионизма, он сумел в цикле иллюстраций вскрыть глубинные слои блоковской поэмы (рис. 2). Каждый лист этого цикла живет, вибрирует, дышит, наполняется криками толпы, личными трагедиями, драмами и коллизиями, душевным смятением одних персонажей, железной непреклонностью других...

Рис. 2. Ю. Анненков. Иллюстрация к поэме А. Блока «Двенадцать», 1918

На этих выполненных тушью рисунках (в нескольких экземплярах поэмы раскрашенных художником) все элементы композиции словно пронзают друг друга, взаимопроецируясь и прокалывая материальную оболочку вещей и предметов. В результате образуется редкая слитность, взаимосвязанность пространства и вписанных в него, объятых им персонажей, архитектуры, городских пространств.

И в то же время материя растворяется, распредмечивается, доводится до крайности, растворяется в снежной вьюге. Пожалуй, подобное распредмечивание, доведенное до формульности, свойственно работам П. Филонова на близкую тему. Пространственные формы его

«Формулы революции» (1919) и «Формулы пролетариата» (1920–1921) (рис. 3–4) состоят из первоэлементов, которые будто наложены на карту городских улиц, придавая многослойность композиции.

Рис. 3. П. Филонов. Формула революции. 1919

Рис. 4. П. Филонов. Формула пролетариата. 1920–1922

Сквозь эту паутину просматриваются человеческие фигуры, в свою очередь, тоже распадающиеся на отдельные кристаллы, которые растут и захватывают множасьщиеся головы, заполняющие уличное пространство. Сдвиг пропорций приобретает гротесковый характер синтеза бесконечно огромной силы (космоса, природы) и бесконечно малых толп и людей. В поэме Блока роль этой силы отводится стихии (в поэзии символистов часто воплощающей пространство перехода), куда, как в воронку, устремляются все персонажи уличной драмы.

В «Главной улице» Д. Бедного монтажные «стыки» соединяют гротесково смещенные пропорции фигуры лидера и толпы. Лидер – это футуристический человек, «весь из мяса», возвышающийся над миром:

С силами, зревшими в нем необъятными,
С волей единой и сердцем одним...
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на улицу «Новый Хозяин»...
Стал богатырь... [2, с. 44].

Кроме смещения пропорций, панорамность картины создается через монтаж деталей общего, среднего и крупного планов, которые соединяются по принципу пазла, части которого соединяются в сознании читателя в общую картину революционного уличного действа. Подобный принцип сдвигологии отмечается и в изобразительном искусстве, в частности, у Б. Кустодиева: толпы движутся по улицам, возглавляемые смертью (гигантским скелетом), а акварели «Москва I. Вступление» (1905), опубликованной в сатирическом журнале «Жупел» (рис. 5). По мнению Е. Бобринской, Смерть здесь есть аллегория самой толпы, является ее частью, «она и есть “душа толпы” или некий дух толпы, вырвавшийся из черной бесформенной массы у нее под ногами» [4, с. 224]. Принципиально важно, что почти с абсолютной точностью композиционного решения художник повторит эту аллегорию в знаменитом «Большевике», 1920 (рис. 6) – работе, которую в свое время трактовали как символ победоносной революции, а в образе Большевика усматривали «бога» коммунистического рая, созданного в традициях былинного богатыря и народного героя. По сути, это изображение нового хозяина мира из поэмы Д. Бедного, также сочетающего скульптурность и монументальность, – создается впечатление, что поэма Бедного – это поэтический комментарий к работе Б. Кустодиева – или наоборот. В кустодиевском «Большевике» восставшая толпа, заполнившая улицы, словно раздавливается под пятой гиганта, сметающего все на своем пути, в том числе и храм, на который вот-вот наступит сапог этого монструозного человека, обладающего «непоборимым здоровьем», «стальной, рабоче-державной» волей. Эти метафоры порождают эмблематику, очень важную для выражения мифологии улицы. Так, Г. Брускин усматривает связь обоих произведений с аллегорией «Плясок смерти» [5].

Рис. 5. Б. Кустодиев. Москва I. Вступление. 1905

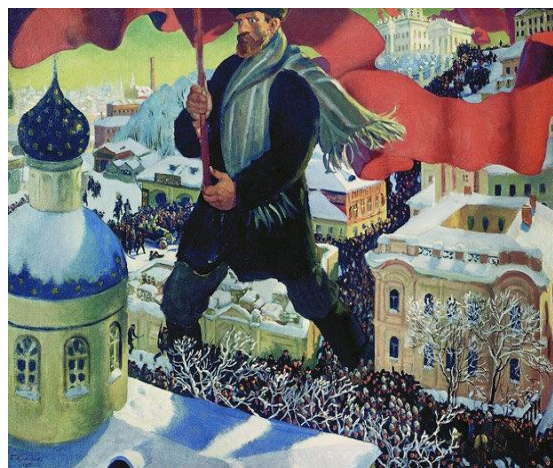

Рис. 6. Б. Кустодиев. Большевик. 1920

У Цветаевой мы обнаруживаем такой же принцип гипертрофированного смещения пропорций: так, в главе «В ратуше» Флейтист предстает перед толпой ратсгеров:

Губы в смех.
Брови в гнев.
Выше звезд,
Выше слов,
Во весь рост –
Крысолов [21, с. 99].

И этот принцип коллажного монтажа мы тоже увидим позже в эстетике советского киноавангарда, где он станет очень важным экспрессивным режиссерским и операторским приемом.

Еще один важный принцип монтажной поэтики, используемый в поэмах, – это ритмико-звуковой код улицы, ее портрет, представляющий контрапункт, сочетающийся с принципом антифонии: главная улица говорит с нами разными, часто контрастными жанрами и приемами – от частушки и городского романа до марша и возвышенной лексики, как у Блока (об этом написано не одно исследование), либо через интонационную энергию *асиндетонов*, отражающих стремительный бег истории (как у Д. Бедного):

Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье –
Это – мое!!) [2, с. 44].

Либо через полифонию голосов флейты и крыс в «Крысолове» («Увод»):

Крысы:

Напролом!

– У меня недостроенный дом!

– Строим – мир!

– У меня недоеденный сыр!

Флейта:

Переплюнь!

В синь! В июнь!

В новизну!.. [21, с. 75].

Как видно, поэты обращаются к различным приемам, характерным в большей степени для стилистики авангарда. Кроме «сдвигологии», это просодический рисунок стиха – звукопись и смена ритмов как воплощение исторического излома. Б. Пастернак, отзываясь о «Крысолове», одним из впечатляющих просодических принципов называет «осатанение восстающего на себя ритма, одержимость приступом ускоряющегося однообразия» [15, с. 233]. В цветаевской поэме ритм крысиного марша в главе «Увод» переходит в ритм детской «припрыжки» (глава «Детский рай»). Центральной метафоре поэмы («бунт музыки») Цветаева придает едва ли не главный смысл. И этот смысл принимает на себя не духовой оркестр, типичный для революционной улицы, а флейта, звуки которой могут мутировать, умирать. Невольно возникает ассоциация с «рождением трагедии (революции. – Н. О.) из духа музыки». И этот «дух музыки» господствует во всех трех поэмах – как на уровне звука, так и на уровне акустического портрета эпохи – барабанная дробь марша, выкрики толпы, частушка, обрывки диалогов. Стройность марша прерывается событиями, происходящими на улице: у Блока – убийством, у Цветаевой – уводом детей, у Д. Бедного – уличными боями. При этом «некрасовские» ритмы «Главной улицы» перемежаются барабанными ритмами и выкриками улицы. Сочетание «Главная Улица» раздвигает свои пространственные рамки и символизирует Главную Цель, идею – Улица как пространство революционного пролетариата противопоставлена «Мировому Проспекту» его врагов.

Сюда же можно отнести «лозунговую» стилистику, доминирующую в жизни революционной улицы – как в звуковых иллюстрациях, так и в агитационных плакатных «интертекстах», эти лозунги визуализирующих: «*Стойте ж на страже добытого муками...*» – Д. Бедный [2, с. 47]; «*Да здравствует полк! Клыков перещелк. / Довольно с нас круп! / Курков перещуп», «Идем завоевывать Индию!*» – М. Цветаева [21, с. 75]; «*Вся власть Учредительному собранию!*» (А. Блок).

Обозначенные особенности поэтического эпоса, таким образом, органично интегрируются в общую систему художественного синтеза искусств конца XIX – первой трети XX в. (изобразительное искусство, музыку, театр) – улица стала фоном широкой панорамы революционных событий, ее ритмы звучали в симфониях Д. Шостаковича («Октябрю») и Н. Мясковского (6-я симфония), обнаруживались в «аналитической живописи» П. Филонова, К. Петрова-Водкина, Б. Кустодиева, И. Владимирова, Ю. Анненкова и др. Последующие парады и праздничные демонстрации 1930-х перевели улицу в иной статус, сохранив основные ее мифоритуальные функции и символическую образность на долгие десятилетия.

Список литературы

1. Асеев Н. Это революция. URL: <https://poemata.ru/poets/aseev-nikolay/revolution/>.
2. Бедный Д. Главная улица // Поэзия Октября. Стихи советских поэтов (1917–1976). М. : Изд-во МГУ, 1977. С. 43–47.
3. Блок А. Три вопроса : собр. соч. : в 8 т. Т. 5. М.; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1962. 804 с.

4. Бобринская Е. Ужасное зрелище: революционная толпа и коллапс репрезентации // Искусствознание: журнал по истории и теории искусства. 2017. № 1. С. 190–233.
5. Брускин Г. Клокочущая ярость: революция и контрреволюция в искусстве. М. : Новое издательство, 2021. 332 с.
6. Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы. М. : Иск-во, 1966. 320 с. С. 56.
7. Верхарн Э. Стихи / перевод В. Федорова. М. : Госиздат, 1922. 131 с.
8. Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 3. М. : Изд-во АН СССР, 1938. 728 с.
9. Гуро Е. Город. Небесные верблюда. Избранное. М. : Лимбус-Пресс, 2001. 244 с. URL: https://royallib.com/read/guro_elena/nebesnie_verblyugata_izbrannoe.html#0.
10. Королева Г. В. Революционный 1917 в фотодокументах РГАКФД. URL: <http://www.rgakfd.ru/dok-lady-soobshheniya/2017-koroleva-revolucionnyy-1917-v-fotodokumentah-rgakfd>.
11. Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 : исторический обзор : в 3 т. Т. 1. Кн. 1. Боевое десятилетие: 1907–1917. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 784 с.
12. Кустодиев Б. М. Письма. Статьи, Заметки, интервью. Встречи и беседы с Кустодиевым. Воспоминания о художнике. Л. : Художник РСФСР, 1967. 552 с.
13. Луначарский А. В. О народных празднествах // Статьи о театре и драматургии. М.; Л. : Искусство, 1938. С. 166–169.
14. Львов-Рогачевский В. Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин. М. : Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. 192 с.
15. Марина Цветаева – Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 гг. М. : Вагриус, 2004. 720 с.
16. Маяковский В. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 2. Стихотворения, поэма и пьесы 1917–1921 гг. М. : ГИХЛ, 1956. 538 с.
17. Минц З. Г. «Петербургский текст» и русский символизм // Блок и русский символизм : избранные труды : в 3 кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. СПб. : Искусство, 2004. С. 103–115.
18. Обухова Э. Флейтист и Грета (о поэме М. Цветаевой «Крысолов» на фоне «Двенадцати» Блока) // Новый берег. 2010. № 29. URL: <https://magazines.gorky.media/authors/o/emiliya-obuhova>.
19. Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М. : Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.
20. Флери Антуан. Улица как географический объект // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 30–36.
21. Цветаева М. Крысолов. Лирическая сатира : собр. соч. : в 7 т. Т. 3. Поэмы. Драматические произведения. М. : Эллис Лак, 1994. С. 51–108.
22. Чертилина М. А. Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г. в кинофотодокументах РГАКФД // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 45–51.

Main Street as a revolutionary space in the cultural context and artistic reflection of the Russian poem in the First third of the XXth century

Osipova Nina Osipovna¹, Golenok Marina Petrovna²

¹Doctor of Philological Sciences, professor, Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

²PhD in Cultural Studies, associate professor, Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0002-8812-9655. E-mail: gmp0889@yandex.ru

Abstract. Featured article examines the "street text" of urban space as a reflection of the revolutionary events in Russia in the first third of the XXth century. The theoretical and methodological basis of the study is based on the semiotic status of the street as a set of symbolic meanings. They create the communicative space of the street as a transmitter of urban culture and mass psychology. This makes the street a semantic territory that reflects the new state of the world – the revolutionary struggle of opposing forces. This is reflected in numerous works of art.

As empirical material, the most significant examples of poetic epic are used, including an artistic reflection of the "topos" of the revolutionary street ("The Twelve" by A. Blok, "Main Street" by D. Bedny, "The Pied Piper" by M. Tsvetaeva). These works solve different ideological and artistic problems, but reveal typological similarity in the sphere of themes and experimental poetics. Some

elements of this poetics (the leitmotif "procession", various types of montage) bring the poems closer to the artistic system of other arts. For example, the works of B. Kustodiev, K. Petrov-Vodkin, Y. Annenkov, P. Filonov embodied the pathos and tragedy of the revolutionary streets.

A significant role in our characteristic of this topic belongs to the general cultural context. It is necessary to understand the general background of the era of Russian revolutions.

The materials of the article can be used in the work of philologists, historians, and cultural scientists who want to use a comprehensive methodology in relation to the study of the historical and cultural process.

Keywords: artistic culture of the first third of the XXth century, revolution, Russian poetry, Main Street, A. Blok, D. Bedny, M. Tsvetaeva.

References

1. Aseev N. *Eto revolyutsiya* [This is a revolution]. Available at: <https://poemata.ru/poets/aseev-nikolay/revolution/>.
2. Bednyi D. *Glavnaya ulitsa* [Main Street] // Poetry of October. Poems of Soviet poets (1917–1976). M., Lomonosov Moscow State University Publishing House. 1977. Pp. 43–47.
3. Blok A. *Tri voprosa. Sobr. soch. : V 8 t. T. 5.* [Three questions : collected works : in 8 vols. Vol. 5] M. ; L., Gos. izdatel'stvo khudozh.lit., 1962. 804 p.
4. Bobrinskaya E. *Uzhasnoe zrelishe: revolyutsionnaya tolpa i kollaps reprezentatsii* [A terrible sight: the revolutionary crowd and the collapse of representation] // *Iskusstvoznanie: zhurnal po istorii i teorii iskusstva*. 2017. No. 1. Pp. 190–233.
5. Bruskin G. *Klokozhuchaya yarost': revolyutsiya i kontrrevolyutsiya v iskusstve* [Bubbling rage: revolution and counterrevolution in art]. M., Novoe izdatel'stvo, 2021. 332 p.
6. Vertov D. *Stat'i. Dnevnik. Zamysly* [Articles. The diaries. Thoughts]. M., Iskusstvo (Art). 1966. 320 p. P. 56.
7. Verkharn E. *Stikhi* [Poems] / transl. by V. Fedorov. M., Gosizdat, 1922. 131 p.
8. Gogol' N. *Poln. sobr. soch. : V 14 t. T. 3* [Complete works : in 12 vols. Vol. 3]. M., AS USSR Publ. 1938. 728 p.
9. Guro E. *Gorod. Nebesnye verblyubzhata. Izbrannoe* [The city. Heavenly camels. Favorites]. M., Limbus-Press, 2001. 244 p. Available at: https://royallib.com/read/guro_elena/nebesnye_verblyugata_izbrannoe.html#0.
10. Koroleva G. V. *Revolutsionnyi 1917 v fotodokumentakh RGAKFD* [Revolutionary 1917 in the photographic documents of the Russian State Archives of Film and Photo Documents]. Available at: <http://www.rgakfd.ru/doklady-soobshheniya/2017-koroleva-revolucionnyy-1917-v-fotodokumentah-rgakfd>.
11. Krusanov A. V. *Russkii avangard: 1907–1932 : Istoricheskii obzor : V 3 t. T. 1. Kn. 1. Boevoe desyatiletie: 1907–1917* [The Russian avant-garde: 1907–1932 : historical review : in 3 vols. Vol. 1. Book 1. The Fighting decade: 1907–1917]. M., Novoe literaturnoe obozrenie (NLO). 2010. 784 p.
12. Kustodiev B. M. *Pis'ma. Stat'i, Zametki, interv'y. Vstrechi i besedy s Kustodievym. Vospominaniya o khudozhnike* [Letters. Articles, Notes, interviews. Meetings and conversations with Kustodiev. Memoirs of the artist] / L., Khudozhnik RSFSR, 1967. 552 p.
13. Lunacharskii A. V. *O narodnykh prazdnestvakh* [On folk festivals] // *Stat'i o teatre i dramaturgii* – Articles on theater and drama. M. ; L., Iskusstvo (Art), 1938. Pp. 166–169.
14. L'vov-Rogachevskii V. *Poeziya novoi Rossii. Poety polei i gorodskikh okrain* [Poetry of new Russia. Poets of the fields and urban suburbs]. M., Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve, 1919, 192 p.
15. Marina Tsvetaeva – Boris Pasternak. *Dushi nachinayut videt'. Pis'ma 1922–1936 godov* [Marina Tsvetaeva – Boris Pasternak. The souls begin to see. Letters of 1922–1936]. M., Vagrius, 2004. 720 p.
16. Mayakovskii V. *Poln. sobr. soch. : V 13 t. T. 2. Stikhotvoreniya, poema i p'esy 1917–1921 godov* [Complete works : in 13 vols. Vol. 2. Poetry, poems and plays 1917–1921]. M., GIKhL, 1956. 538 p.
17. Mints Z. G. *"Peterburgskii tekst" i russkii simvolizm* ["The Petersburg text" and Russian symbolism] // *Blok i russkii simvolizm: Izbrannye trudy : V 3 kn. Kn. 3: Poetika russkogo simvolizma* – Blok and Russian symbolism : selected works : in 3 books. Book 3: Poetics of Russian symbolism St. Petersburg, Iskusstvo. SPb., 2004. Pp. 103–115.
18. Obukhova E. *Fleutist i Greta (o poeme M. Tsvetaevoy "Krysolov" na fone "Dvenadtsati" Bloka)* [The Flutist and Greta (about M. Tsvetaeva's poem "The Pied Piper" against the background of the "Twelve" Block)] // *Novyi bereg*, 2010. No. 29. Available at: <https://magazines.gorky.media/authors/o/emiliya-obukhova>.
19. Sorokin P. *Dal'naya doroga. Avtobiografiya* [The Long Road. Autobiography]. M., Moskovskiy rabochii : TERRA, 1992. 303 p.
20. Fleury Antoine. *Ulitsa kak geograficheskii ob'ekt* [The street as a geographical object] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* – Sociological review. 2009. Vol. 8. No. 3. Pp. 30–36.
21. Tsvetaeva M. *Krysolov. Liricheskaya satira : Sobr. soch. : V 7 t. T. 3. Poemy. Dramaticheskie proizvedeniya* [The Pied Piper. Lyrical satire : collected works : in 7 vols. Vol. 3. Poems. Dramatic works]. M., Ellis Lak, 1994. Pp. 51–108.
22. Chertilina M. A. *Pokhorony zhertv Fevral'skoi revolyutsii v Petrograde 23 marta 1917 g. v kinofotodokumentakh RGAKFD* [Funeral of the victims of the February Revolution in Petrograd on March 23, 1917 in the film and photographic documents of the Russian State Archives of Film and Photo Documents] // *Otechestvennye arkhivy* – Russian archives. 2011. No 1. Pp. 45–51.

Поступила в редакцию: 18.12.2024

Принята к публикации: 17.01.2025

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 2 (38) (2025)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 20.07.2025 г.
Дата выхода в свет 03.09.2025 г.
Формат 60х84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,67. Тираж 100 экз. Заказ № 213.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36